

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 19(2) • 2026

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в производственном отделе Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Тираж 2000 экз. 1-й завод 42 экз. Объём 18,95 усл. п.л. Заказ № ____.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.
Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 19(2) • 2026

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Европейское измерение мировой политики

- 7 Дериглазова Л.В. – Роль эмоций во внешней политике Европейского союза
- 24 Красняк О.А. – Научная дипломатия ЕС как инструмент стратегической автономии
- 47 Филаткина Г.С., Киреева П.А., Маслина М.Г., Пуцева М.Д. – Национальные особенности освещения Карибского кризиса в западноевропейской прессе

Китай в мировой политике и экономике

- 83 Арсентьева И.И. – Дипломатия здравоохранения с китайской спецификой
- 110 Афонасьева А.В. – Капитал китайской диаспоры в экономике КНР

Большая Евразия

- 149 Дегтерёва Е.А., Бирюкова О.В., Сабанцев А.И. – Международный транспортный коридор «Север – Юг» в условиях переориентации торговых потоков РФ в страны Глобального Юга
- 172 Притчин С.А. – Роль идентичности в многовекторной внешней политике стран Центральной Азии
- 188 Абуов К., Кабазиев М., Шерьязданова К. – Афганский кризис и трансформация архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии (2021–2025 гг.)

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 205 Алексеева Т.А., Гореславский С.С., Маркарян Б.А. – «Геополитика сопротивления»

Table of Contents • 19(2) • 2026

RESEARCH ARTICLES

The European Dimension of World Politics

- 7 Deriglazova L.V. – Emotions in EU Foreign Policy
- 24 Krasnyak O.A. – EU scientific diplomacy as a tool of strategic autonomy
- 47 Filatkina G.S., Kireeva P.A., Maslina M.G., Putseva M.D. – National Patterns in Western European Newspaper Coverage of the Cuban Missile Crisis

China in World Politics and Economics

- 83 Arsentyeva I.I. – Health Diplomacy with Chinese Characteristics
- 110 Afonaseva A.V. – Chinese Diaspora Capital in China's Economy

Greater Eurasia

- 149 Degtereva E.A., Biryukova O.V., Sabantsev A.I. – The International North–South Transport Corridor and Russia's Trade Reorientation toward the Global South
- 172 Pritchins S.A. – Identity and Multi-Vector Foreign Policy in Central Asia
- 188 Abuov K., Kabaziyev M., Sheryazdanova K. – The Afghan Crisis and the Transformation of Regional Security Architecture in Central Asia (2021–2025)

BOOK REVIEWS

- 205 Alekseeva T.A., Goreslavsky S.S., Markaryan B.A. – Geopolitics of resistance

Роль эмоций во внешней политике Европейского союза

 Л.В. Дериглазова

Институт Европы РАН

Статья анализирует исследования роли эмоций во внешней политике Европейского союза. Аффективный поворот в социальных науках произошёл в 1950-е гг., что означало изучение эмоциональной составляющей поведения людей, выявление и признание роли культуры и социального контекста в формировании эмоциональных норм. В 2000-е гг. произошёл схожий «эмоциональный поворот» в исследованиях внешней политики и международных отношений. Целью статьи является обзор научных публикаций, в которых внешняя политика ЕС рассматривается через призму эмоций, и сопоставление выводов этих исследований с результатами массовых опросов общественного мнения в странах ЕС. Сопоставление имеет практическую ценность для аналитики, так как помогает ответить на вопрос: могут ли коллективные эмоции быть предиктором внешнеполитических решений?

Анализ публикаций позволил сделать несколько выводов. Исследователи изучают не собственно эмоции, а нормы и ожидаемые эмоциональные отклики в ответ на нарушение нормы. Эмоции играют важную роль в формировании норм на уровне ЕС, интерпретации их содержания и обязательности выполнения. Политика ЕС направлена на формирование *наднационального эмоционального сообщества (эмоционального режима)* с конституированием единообразного понимания норм, их важности и необходимости коллективного действия в случае нарушения. Изучение эмоций в отношении некоторых вооружённых конфликтов показывает отсутствие единого понимания норм и необходимости реагирования на их нарушение, и наличие иерархии норм и ограничений на согласованные действия. Этот вывод подтверждается исследованиями и результатами опросов общественного мнения. Национальные элиты и институты ЕС должны учитывать, что представляется приоритетным – предупреждение геноцида и помощь жертвам вооружённых конфликтов или благополучие и безопасность жителей ЕС, и их готовность (или не готовность) поддерживать общеевропейскую внешнюю политику и платить за неё.

Политика страха и чувство небезопасности оказывают влияние на формирование общеевропейского консенсуса на национальном и наднациональном уровнях в ЕС о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов и поддержки силовой составляющей европейской интеграции. Мониторинг результатов опросов общественного мнения в странах ЕС помогает прогнозировать возможность изменения политики ЕС в соответствии с коллективными настроениями и отношениями населения разных стран.

УДК: 327:061.1EU:159.9

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 15.04.2026

Ключевые слова: эмоциональные нормы, эмоциональный режим, наднациональное эмоциональное сообщество, Европейский союз, нормативная сила, внешняя политика, нормативный актор

Высокий уровень эмоциональности внешней политики многих стран как феномен международной жизни всё чаще привлекает внимание исследователей. Влияние эмоций на политику не является новостью, новым является нередко показная демонстрация эмоций политиками и апелляция к эмоциям для обоснования внешнеполитических решений и действий. Выбор Европейского союза (ЕС) как примера «эмоционального актора» вызван тем, что эмоции ярко выражены в официальной риторике ЕС в отношении России и в отношениях между ЕС и США. Влияние эмоций на внешнюю политику ЕС активно изучают зарубежные исследователи, что позволяет сделать обзор академических публикаций.

Исследователи обсуждают, можно ли считать ЕС «эмоциональным актором», либо внешняя политика ЕС по-прежнему опирается на стандарты дипломатического поведения и проявление эмоций регулируется нормами профессиональной этики и прагматизмом. *Целью статьи является анализ того, какие именно направления внешней политики ЕС исследователи рассматривают через призму эмоций, какие методы и теории они используют и как оценивают влияние эмоций на внешнюю политику ЕС.* Эти вопросы интересны для исследователей и важны для практиков, т. к. выявляют закономерности принятия политических решений в международных отношениях. Эти вопросы актуальны для российской аудитории, учитывая состояние прямого политического конфликта между ЕС и Россией.

Особенность эмоций заключается в том, что человек может не только испытывать эмоции, связанные с его собственным состоянием, но и эмоции, вызванные состоянием других людей. Значение имеют способы выражения эмоций, которые формируются в определённом социальном и культурном контексте. Связь эмоций и социального поведения исследовал американский социолог Чарльз Кули в начале XX в., в частности таких эмоций, как гнев и враждебность (Кули 2000). Страх и чувство небезопасности были в центре внимания британского математика Льюиса Ричардсона, который опубликовал «Математическую психологию войны» в 1919 г. Ричардсон рассматривал такие эмоции, как страх, боль, соперничество, напряжение, желание реванша, чувство вины, жалость к врагу. Учёный пытался выработать формулу гонки вооружений как реакции на чувство небезопасности и выявить связь между «готовностью к войне» и «подготовкой к войне» (*vigour-to-war to the warlike activity*), то есть связь между чувством и действием (Richardson 1919). Работы Ричардсона

способствовали осознанию дилеммы безопасности в международных отношениях¹.

«Аффективный поворот» произошёл в социальных науках в 1950-х гг. с особым вниманием к таким эмоциям, как страх, гнев, чувство принадлежности, поведение людей в ответ на травму. Работы американского социолога Ирвина Гоффмана внесли значительный вклад в изучение практики повседневности и связи между индивидуальным поведением и социальным фреймингом этого поведения (Гоффман 2004). Политическая психология анализирует коллективные эмоции, формируемые и изменчивые, что помогает понять природу групповой мобилизации, коллективного поведения и идентичности, особенно в этнополитических конфликтах (см., например, Солдатова 1998; Hutchison 2010). Важное исследование, посвящённое связи между культурой и эмоциями, принадлежит российскому ученому А.Л. Зорину. Предваряя своё исследование русской эмоциональной культуры конца XVII – начала XIX вв., Андрей Леонидович сделал ёмкий обзор изучения эмоций и выделил ключевые концепции, наработанные исследователями: эмоциональные стандарты, эмоциональные сообщества, эмоциональные режимы и эмотивы. Эти концепции отражают стремление исследователей зафиксировать когнитивную компоненту эмоционального опыта и корреляции между «биологическими константами и культурными переменными», «соотнесение эмоций с интересами, целями и ценностями чувствующего индивида» (Зорин 2016: 13–19).

Исследование эмоций в международных отношениях стало особенно популярным в 2010-е гг.² (см., например, Åhäll & Gregory 2015; Ariffin, Coicaud, Popovski 2016; *Emotions in the politics...* 2019; Koschut 2020). Проблема эмотивов и эмоций в международных отношениях отражена в пока немногочисленных работах российских исследователей (Аванская 2018; 2019; 2023; Коцур 2021; Матяшова 2023). Внимание к эмоциям в политике отражает преодоление противопоставления эмоций и рациональности, рост влияния эмоций на мировую политику и институционализацию эмоций.

В фокусе данного исследования находятся не сами эмоции и оценка их влияния на внешнюю политику ЕС, а анализ исследований на эту тему и сопоставление выводов этих исследований с результатами массовых опросов общественного мнения в странах ЕС. Массовые опросы общественного мнения более ста лет являются инструментом замера настроений и отношений в разных странах

¹ Дилемма безопасности отражает наличие связи между страхом и чувством небезопасности и поддержкой политическими элитами и населением роста военных расходов и подготовку к войне. Подготовка к войне в ответ на чувство небезопасности может порождать ответную реакцию в той стране, в отношении которой опасения существуют. В итоге разгоняется спираль гонки вооружений, основанная на взаимных страхах противников, что не создаёт чувство безопасности, а только усиливает страх войны.

² См., например, *The Palgrave Handbook of Global Political Psychology*. 2014. Eds. Paul Nesbitt-Larking, Catarina Kinnvall, Tereza Capelos, Henk Dekker. Palgrave Macmillan London. 475 p. DOI: 10.1007/978-1-137-29118-9;

мира, при этом всё чаще звучит критика опросов как достоверного источника информации об обществе. Это сопоставление имеет практическую ценность для аналитики и прогнозирования, т. к. помогает оценить валидность опросов для внешней политики и ответить на вопрос: *могут ли коллективные эмоции быть предиктором внешнеполитических решений?*

В начале статьи будет сделан обзор публикаций, посвящённых изучению эмоций во внешней политике Европейского союза, затем будут сопоставлены общественные настроения в странах ЕС и внешнеполитические решения, принятые на уровне ЕС в 2022–2025 гг. по поводу наиболее эмоционально обсуждаемых проблем. В заключении будут сделаны выводы о ценности исследований влияния эмоций на внешнюю политику ЕС.

Европейский союз как «эмоциональный актор» (что и как изучают)

Первая четверть XXI в. продемонстрировала возвращение силовой политики и активное использование военной силы США, что вступило в явное противоречие с позиционированием ЕС как актора, который стремится действовать посредством убеждения и положительного примера. Британский политолог Ян Маннерс концептуализировал эту особенность внешней политики ЕС в понятии «нормативной силы Европы» или способности «оказывать влияние на восприятие нормальности» (Manners 2002: 240). Эта манифестированная позиция ЕС нередко вызывала насмешки и уничижительные комментарии со стороны американских политиков и политологов. Примером такого отношения является книга американского политолога Роберта Кейгана «О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке», опубликованная в 2003 г. и переведённая на русский язык. В книге отразились серьёзные разногласия трансатлантических партнёров по поводу начала войны в Ираке и был сформулирован тезис о том, что США и Европа представляют собой оппозиции в видении мирового порядка, где слабая в военном отношении Европа была ассоциирована с Венерой, а сильные США – с Марсом (Кейган 2004: 7–8).

В этом гороскопическом противопоставлении была представлена главная причина различий, которая, по мнению Кейгана, определяет возможности и ограничения внешней политики ЕС и США и их влияние на мировой порядок. В книге много рассуждений об истоках такого поведения Европы, включая ссылки на психологическую зависимость Европы от США в вопросах безопасности. Кейган писал, что европейские страны находятся в плену двух страхов – гегемонии США и опасности новой войны в Европе. Любопытным является рассуждение Кейгана о том, что в Европе США часто ассоциируют с ковбоем, хотя более точная ассоциация была бы с шерифом, а ЕС – с хозяином салуна и их отношений с бандитами. Развивая сравнение, Кейган писал, что шериф стремится ликвидировать бандитов и борется с ними, в то время как

хозяин салуна больше заинтересован не в борьбе с бандитами для обеспечения порядка, а в получении выручки, в том числе от бандитов (Кейган 2004: 38–39). В книге артикулирован тезис о том, что ЕС не смог выполнить главное обещание, которое помогло бы ему стать независимым от США в вопросах безопасности, а именно создать силовую составляющую Союза. Именно отсутствие «жёсткой силы», по мнению Кейгана, объясняет апелляции ЕС к морали, международному праву, международным институтам и осуждению силовой политики США. Многие положения этой книги созвучны сегодняшним дискуссиям между США и ЕС по поводу мировых проблем и отражаются в исследованиях эмоций в политике ЕС (см., например, Blanc 2024).

Исследования роли эмоций во внешней политике ЕС обращены к нескольким проблемам: геноцид (Gürkan 2021; Smith 2024), безопасность (Palm 2021), вооружённые конфликты и кризисы (Gürkan 2024), миграционная политика (Özer & Kaçar Aşcı 2021), европейская идентичность (Terzi 2021; Tonra 2021; Manners 2018), климатическая политика ЕС (Terzi 2024) и политика санкций (Novotna 2024). Тема геноцида отражает память о Холокосте, которая важна для Европейского союза как политического объединения. Европейская идентичность или принадлежность к Европе характеризует единство Союза, что важно для решения о расширении ЕС и его кризисе, связанным с Брекзитом. Вооружённые конфликты вызывают страх и чувство небезопасности и требуют формирования единой политики ЕС. Проблема беженцев обсуждается через призму прав человека, солидарности и реакции ЕС на гуманитарные кризисы. Массовая миграция усиливает страх и чувство небезопасности, что активно используют правые и популистские партии. В официальной идеологии ЕС европейская интеграция рассматривается как успешный ответ на эти «уроки истории» (Ассман 2022). Однако все эти проблемы вызывают споры в европейских странах и на уровне институтов ЕС с разной степенью вовлечённости населения, политических партий и элит.

Фокусом исследований являются институты ЕС, где обсуждают эти проблемы, принимают решения и формируют политику ЕС. Исследователи выявляют и анализируют эмоции и эмоциональный отклик на определённую проблему, по которой должно быть принято решение на уровне ЕС, а также политические процессы в отдельных странах ЕС, где происходит мобилизация и рост озабоченности какой-то проблемой, что приводит к включению данной проблемы в общеевропейскую повестку. Исследователи обсуждают, насколько действия ЕС соответствуют его самопрезентации как «нормативного актора» и последовательного защитника норм и ценностей; как эмоции связаны с внешнеполитическими действиями ЕС; кто и как формирует эмоции; какие эмоции являются триггерами действий, и когда действие отсутствует даже при ярко выраженной эмоциональности (Terzi, Palm & Gürkan 2021; Gürkan & Terzi 2024).

Методы исследования включают дискурс-анализ, количественный и качественный контент-анализ. Эмпирической основой исследований являются

дебаты в Европейском парламенте, официальные заявления Европейского совета, Европейской комиссии, Совета по международным делам (Council of Foreign Affairs), выступления и заявления официальных лиц ЕС, дискуссии в национальных парламентах, выступления и заявления политических лидеров стран ЕС, программы политических партий и результаты опросов общественного мнения. Комбинация этих разных по охвату и представительству данных об эмоциях и настроениях позволяет исследователям делать выводы о тенденциях политического развития отдельных стран и о возможных политических решениях на уровне ЕС. Эмоции выявляются и анализируются для понимания общественных отношений и поведения в соответствии с социальными нормами, ценностями и культурными особенностями изучаемых обществ. Исследователи роли эмоций во внешней политике ЕС указывают на отличие между *нормами, регулирующими проявление эмоций* (emotion norms), и *эмоциональными нормами* (emotional norms), которые требуют проявление эмоций в связи с нарушением норм, что является триггером эмоционального отклика и действия (Terzi, Palm, Gürkan 2021; Manners 2021).

Активное участие в обсуждении роли эмоций во внешней политике ЕС принимает Ян Маннерс, автор концепции «нормативной силы Европы» (Manners 2021; 2024). Маннерс развивает центральный тезис о связи эмоций с нормами и формированием норм как регулятора поведения и чувствования на уровне ЕС. Седа Гюркан (Gürkan 2021) и Симон Косшут (Koschut 2024) используют концепцию «эмоциональных сообществ», которые формируются в ответ на травмирующее событие в прошлом (например, геноцид армян или холокост) или в настоящем (реакция ЕС на начало Специальной военной операции (СВО) Россией).

Как показывают исследования, социальная реакция «горевания» может вырабатываться в обществе и становится частью официальной политики десятилетия спустя после травмирующего события. Память о холокосте и его место в политике памяти ЕС вызывает разногласия между странами Западной и Восточной Европы, которые присоединились к ЕС в 2000-е гг. (Aleksiun, Wóycicka and Utz 2023). Исследователи рассматривают реакцию институтов ЕС и процесс выработки политики через призму европейской идентичности и усиления единства Союза в условиях внешних вызовов (Juncos, Lovato, Pomorska 2024). Формирование «эмоциональных сообществ» отслеживают по дебатам в Европейском парламенте и то, как такое обсуждение способствует выработке общеевропейской политики (Gürkan 2021). Изучается процесс «передачи чувств» и эмоций с национального на наднациональный уровень, что необходимо для принятия решений институтами ЕС. Хайди Маэур и Мариана Ловато на материалах обсуждений и решений Европейского совета предлагают модель «эмоционального заражения» (emotional contagion), которое происходит среди группы дипломатов ЕС «как постепенный и добровольный процесс», что приводит к формированию схожего эмоционального отклика и к пониманию

необходимости не только чувствования, но и конкретного действия (Maurer, Lovato 2024).

Таким образом, фокусом исследований является изучение связи между нормами и эмоциями или *эмоциональные нормы*, которые формируются и должны вызывать реакцию и одобрение действий в случае нарушения норм. По сути, исследование эмоций во внешней политике ЕС направлено на изучение процесса закрепления норм на общеевропейском уровне и формирования соответствующей эмоциональной реакции на нарушение норм, что необходимо для легитимации политики ЕС и соответствует понятию институционализации норм и эмоциональных норм. Можно говорить о том, что институты ЕС стремятся создать *общеевропейское эмоциональное сообщество* или *эмоциональный режим* с единообразной (согласованной) трактовкой норм, их приоритетности, эмоционального отклика на нарушение норм и последующей деятельной политикой. Именно такое общеевропейское эмоциональное сообщество может обеспечивать консенсус, необходимый для выработки единой внешней политики ЕС.

Коллективные эмоции и внешняя политика ЕС: страхи, нормы, солидарность

Обсудим, как соотносятся результаты исследований влияния эмоций на формирование и реализацию внешней политики ЕС с общественными настроениями в странах ЕС на примере нескольких недавних вооружённых конфликтов, которые эмоционально обсуждались: конфликт в Нагорном Карабахе (2020–2023 гг.), Специальная военная операция России (СВО), 2022–2025 гг., и операция Израиля в секторе Газа (2023–2025 гг.). В отношении этих конфликтов ЕС стремился сформировать консолидированную позицию, опираясь на три основные эмоции: страх, вызываемый опасностью войны или другой сопряжённой угрозой безопасности или благополучию; реагирование на нарушение норм, то есть проявление эмоций в ответ на нарушаемую норму (*эмоциональные нормы*), и чувство *солидарности*, то есть необходимости действия для оказания помощи.

Статьи, посвящённые реакции ЕС на начало СВО, выявляют несколько эмоций, включая страх, гнев, симпатию, солидарность и гордость. При этом чувство страха может оказывать «парализующее действие» на институты ЕС, а может способствовать принятию решений (Gürkan 2024; David 2024). Исследователи отмечают страх и чувство небезопасности в риторике официальных лиц ЕС и в опросах общественного мнения, и существующие различия в эмоциях и в поддержке решений ЕС разными странами Союза.

Сравним выводы исследователей и результаты опросов общественного мнения. Самое большое внимание политиков ЕС и жителей Союза вызывает вооружённый конфликт между Украиной и Россией. При этом опросы

показывают разброс мнений по поводу того, чего именно боятся жители разных стран ЕС, какие действия Евросоюза в отношении России и Украины они поддерживают, а в отношении каких действий такого согласия нет. В 2022 г. опросы показывали наибольший уровень страха перед «возможностью распространения войны на территорию своей страны» в Эстонии, Латвии, Литве и Польше, и его минимальное проявление в Нидерландах, Люксембурге, Дании и Бельгии. Высокий уровень страха «эскалации и большой войны» в Европе был отмечен в Швеции, Дании и Финляндии, и гораздо в меньшей степени в Румынии, Италии, Греции, Болгарии и Эстонии. Экономические последствия конфликта больше волновали жителей Португалии, Австрии, Польши, Бельгии, Франции, Люксембурга, Мальты, Кипра, Греции, Италии, Испании и в меньшей степени население Швеции, Дании, Литвы и Латвии. Санкционную политику ЕС против России одобряло большинство населения Португалии, Дании, Швеции, Польши, Ирландии, Финляндии и Нидерландов. На Кипре санкции одобряло меньшинство, в Болгарии, Словакии и Греции – общественное мнение было разделено. Максин Дэвид, цитируя выступление в Европейском парламенте депутата от Литвы Андриуса Кубилиуса, пишет что политика ЕС в отношении России «потерялась на перекрестке страхов»: большой войны в Европе и возможность применения ядерного оружия; перенапряжения ресурсов ЕС и его неспособности решать внутренние проблемы; изменения природы (идентичности) ЕС с мирного проекта на военно-политический; возможной победы России (David 2024).

Данные опросов «Евробарометра» весны 2025 г. показывают, что в иерархии беспокойств для собственной страны на первом месте у большинства европейцев находились экономические вопросы, рост цен и инфляция (31%), экономическая ситуация (20%), затем следовала обеспокоенность вопросами безопасности и обороны (15%), миграцией (14%), международной ситуацией (14%). Приоритетность проблем для общеевропейской политики в опросах представлена в следующей иерархии: война на Украине (27%), международная ситуация (24%), проблемы безопасности и обороны (20%), иммиграция (18%), экономическая ситуация (17%) и рост цен и инфляция (16%)³. Эта иерархия «наиболее важных проблем, с которыми сталкивается ваша страна» к ноябрю 2025 г. практически не изменилась, о чём свидетельствует опрос, опубликованный в конце января 2026 г.⁴. Это означает, что в 2022–2025 гг. для большинства жителей ЕС первоочередное значение имели экономические проблемы своей страны и собственное благополучие вне зависимости от природы таких угроз.

³ Public Opinion in the European Union. 2025. *Standard Eurobarometer 103*. May 2025. P. 35. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3372> (accessed 13.02.2026)

⁴ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 29–31. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

При этом опросы показывают высокий уровень беспокойности в ответах на прямой вопрос о том, чувствуют ли респонденты «угрозу безопасности», исходящую со стороны России для собственной страны (73%) и для ЕС (77%), хотя в ответах есть страновые различия. Угрозы собственной стране минимально оценили респонденты на Кипре (24% против 72%), разделение по этому вопросу явно присутствует в Болгарии (47% против 46%). Максимальный уровень чувства небезопасности сохраняется в Дании (85%), Литве (83%), Польше (85%), Португалии (88%), Финляндии (89%), Швеции (87%)⁵. Угроза безопасности ЕС со стороны России была оценена высоко во всех названных странах, а также в Ирландии (89%), ФРГ (82%), Испании (81%), Мальте (83%), Нидерландах (81%), Словакии (81%)⁶. Среди двух наибольших страхов осенью 2025 г. были названы «активные конфликты и войны рядом с ЕС» (почти 90%) и терроризм (86%)⁷. Как следствие, отмечен рост общественной поддержки общей внешней политики ЕС (72%), общей оборонной политики и политики безопасности ЕС (79%), увеличения военных расходов на уровне ЕС (65%) и усиления сотрудничества в области обороны между странами ЕС (80%)⁸.

Важное значение в риторике ЕС имеет *солидарность* в ответ на гуманитарные кризисы, сопровождающие вооружённые конфликты. Солидарность как проактивная эмоция требует не только риторического выражения сочувствия, но и готовности оказывать реальную помощь (*carry costs*) (Weiss 2025). Иерархия деятельной солидарности в отношении Украины не изменилась с 2022 г. и выражена следующим образом в опросах общественного мнения в 2025 г.: оказание помощи беженцам (81%), финансовая и гуманитарная помощь (77%), санкционная политика против России (73%), предоставление статуса кандидата на вхождение в ЕС (59%), покупка и поставка вооружений (57%)⁹. Это означает, что население стран ЕС одобряет разные виды гуманитарной помощи и соглашается на продолжение режима санкций против России. При этом вопросы вступления Украины в ЕС и военной помощи вызывают разногласия, и одобрение по этим вопросам незначительно, но сокращается.

Исследования санкционной политики ЕС показывают, что одобрение санкций в большей степени зависит от отношения населения страны к Европейскому союзу и его институтам, чем от направленности санкций. На примере Польши исследователи приходят к выводу, страна с преобладанием еврооптимистов

⁵ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 195. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

⁶ Ibid. P. 194.

⁷ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3632> (accessed 13.02.2026)

⁸ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 102–103, 198–199. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

⁹ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 185–193. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

будет одобрять санкции даже против собственной страны, а страна с преобладанием евроскептиков скорее негативно оценивает политику санкций (Pospieszna, Onderco, van der Veer 2023). Эта логика подтверждается опросами общественного мнения в сопоставлении общественных отношений к институтам ЕС и политике санкций против России. Так, негативное отношение к институтам ЕС коррелирует с низким уровнем одобрения политики санкций в отношении России на Кипре, в Греции и Болгарии¹⁰. Изучение роли эмоций в политике санкций ЕС в отношениях с КНДР и КНР показывает другую динамику и отражает дипломатию эмоций с разным эффектом на принятие решений и последующие отношения между ЕС и КНР и КНДР. Можно только отчасти согласиться с выводом Терезы Новотна о том, что политика ЕС определяется нормами и принципами защиты прав человека (Novotna 2024) и не имеет ярко выраженных иных экономических и политических соображений.

Другой военный конфликт, который вызвал массовые выступления во многих странах Европы, однако не привёл к такому же уровню санкций и осуждения на уровне ЕС, — это военная операция Израиля в секторе Газа. Массовые протесты против военных действий Израиля связаны с широким освещением хода военных действий, катастрофическим положением гражданского населения и агитационной работой палестинцев, живущих в странах Европы, которые используют понятие «геноцид» для характеристики действий Израиля. Массовый эмоциональный отклик европейцев вызывается не только ходом военных действий, но и их освещением в средствах массовой информации и широкой агитацией в социальных медиа. Однако такое явное формирование «эмоционального сообщества» снизу не всегда приводит к формированию согласованной политики ЕС. Как отмечают исследователи, официальные лица ЕС очень осторожно используют понятие «геноцид» (Smith 2024). Массовые пропалестинские выступления в странах Европы привели к признанию Государства Палестина одиннадцатью странами ЕС, пересмотру отношений с Израилем и выделением значительной гуманитарной помощи Палестине¹¹. ЕС приветствовал выдачу ордеров на арест Международным уголовным судом для некоторых официальных лиц России и Израиля, что является скорее символическим жестом, чем реальной возможностью.

Силовое завершение конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха в 2020–2023 гг. не вызвало эмоций и выступлений в большинстве стран ЕС или жёсткой реакции со стороны ЕС. Стремительный исход почти 100 тыс. этнических армян с территории Нагорного Карабаха в сентябре 2023 г. ограничено освещался в европейских медиа и поч-

¹⁰ *Standard Eurobarometer 103, 104. 2025.*

¹¹ Palestine. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. *European Commission*. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/where/middle-east-and-northern-africa/palestine_en (accessed 13.02.2026)

ти не комментировался официальными лицами ЕС, хотя ЕС выделил 12 млн евро на гуманитарную помощь для армянских беженцев¹². Стоит напомнить, что резолюцию с осуждением геноцида армян Европейский парламент принял в 2015 г.¹³. В аналитическом докладе для Европейского парламента была отмечена эта двойственность позиции ЕС и прямо указана прагматическая причина такой нечувствительности европейских институтов в отношении «гуманитарной катастрофы» сентября 2023 г. – зависимость ЕС от поставок энергоресурсов из Азербайджана в условиях санкций в отношении России, которые ввёл ЕС после начала СВО. В докладе прямо говорится, что такая новая зависимость оказывает влияние на роль ЕС как беспристрастного и ценностно-ориентированного посредника по поводу Нагорного Карабаха¹⁴. Сравнение политики ЕС и Турции в отношении беженцев из Сирии также отражает это напряжение между заявляемыми ЕС ценностями и нормами и необходимостью решать проблему безопасности своих внешних границ (Ermihan, Akgül Açıkmеше 2024).

Выводы: трансформация ЕС от эмоционального к геополитическому актору

Изучение влияния эмоций на внешнюю политику ЕС позволяет сделать несколько выводов. Исследователи изучают не собственно эмоции, а нормы и ожидаемые эмоциональные отклики в ответ на нарушение нормы. Как подтверждают исследования, представления о нарушении нормы зависит от того, что является «нормой» или конвенцией по поводу того, что есть правильно или неправильно. Представление о нарушении нормы конструируется и формируется через освещение (или игнорирование) определённых событий и их интерпретацию. Демонстрация эмоций ЕС соответствует таксономии, предложенной Тодом Халлом в монографии «Эмоциональная дипломатия». Дипломатия гнева выражается в дискурсе возмущения и служит для конструирования отношений к конкретным проблемам как недопустимым нарушениям в межгосударственных отношениях. Дипломатия симпатии предполагает проявление солидарности для «укрепления существующих связей» с жертвой. Дипломатия вины представляет собой осознание ответственности за нарушения норм

¹² Armenia and Azerbaijan. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. *European Commission*. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/where/europe/armenia-and-azerbaijan_en (accessed 13.02.2026)

¹³ P8_TA(2015)0094 Armenian genocide 100th anniversary. European Parliament resolution of 15 April 2015 on the centenary of the Armenian Genocide (2015/2590(RSP)) *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0094_EN.html (accessed 13.02.2026)

¹⁴ McGarty, S., Crosson D.M. 2023. The EU's Preventive Diplomacy: Practice Makes (not yet) Perfect? 2024. *European Parliament*. Policy Department, Directorate-General for External Policies. November 2023. PE 754.441. P. 26. URL: <https://www.europarl.europa.eu/committees/en/the-eu-s-preventive-diplomacy-practice-m/product-details/20240131CAN72627> (accessed 13.02.2026)

в международных отношениях (Hall 2015). Стоит обратить внимание на концепцию «паразитической солидарности», которую предложил Элиас Вайс, целью которой является удовлетворение интересов выразителя возмущения, а не стороны, которая нуждается в помощи и поддержке (Weiss 2025).

Можно говорить о том, что эмоции играют важную роль в формировании норм на уровне ЕС, интерпретации их содержания и обязательности выполнения. Политика ЕС направлена на закрепление норм и их эмоциональной составляющей и предполагает необходимость эмоционального реагирования в ответ на нарушение нормы. В политике ЕС явно существуют процедуры наказания и поощрения за следование нормам внутри Союза, в отношении стран – кандидатов на вступление в ЕС и третьих стран. Институализация эмоций на уровне ЕС требует согласия между странами-членами по поводу норм, нарушение которых должно вызывать реакцию всего Союза. По сути, речь идёт о формировании *наднационального эмоционального сообщества* или *эмоционального режима* с конституированием единообразного понимания норм, их важности и необходимости коллективного действия в случае нарушения. Для институтов ЕС важно, чтобы нормы принимались и единообразно понимались во всех 27 странах в соответствии с установками на наднациональном уровне.

Однако, как показывают исследования такое единое понимание норм и необходимости реагирования на их нарушение пока не существует. Исследователи выделяют наличие иерархии норм и ограничений на согласованные действия, что подтверждается результатами опросов общественного мнения. Национальные элиты и институты ЕС должны учитывать, что представляется приоритетным – предупреждение геноцида и помощь жертвам вооружённых конфликтов или благополучие и безопасность жителей ЕС, которые готовы (или не готовы) поддерживать общеевропейскую внешнюю политику и принимать стоимость политики солидарности.

ЕС продолжает позиционировать себя как нормативного политического актора, для которого существенными являются либеральные ценности, выраженные в нормах международного права, международных институтов и защиты прав человека. Однако реальности международной и внутренней политической ситуации всё более движут ЕС по пути от *нормативного и эмоционального актора к геополитическому актору*, который вынужден ситуационно реагировать на нарушение норм и усиливать силовую составляющую Союза. Резкое изменение политики США в вопросах гарантий безопасности в Европе при президенте Д. Трампе является дополнительным фактором давления на внешнюю политику и политику безопасности ЕС. Это разворачивает обсуждение роли эмоциональных норм во внешней политике ЕС к проблеме изменения идентичности ЕС – от мирного проекта к военно-политическому союзу.

Политика страха и чувство небезопасности оказывают влияние на формирование общеевропейского консенсуса на национальном и наднациональном уровнях в ЕС о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов

и поддержки силовой составляющей европейской интеграции. Активное обсуждение отхода от принципа консенсуса при формировании внешней политики ЕС подтверждает стремление институтов ЕС механически преодолеть существующие разногласия внутри Союза. Это означает продолжение политики разноскоростной интеграции ЕС и формирование соответствующего *эмоционального режима* в ограниченном формате. При этом стоит помнить о том, что такой *эмоциональный режим* будет способствовать давлению на те страны ЕС, которые не демонстрируют ожидаемых эмоций и не присоединились к большинству. Мониторинг результатов опросов общественного мнения в странах ЕС помогает прогнозировать возможность изменения политики ЕС в соответствии с коллективными настроениями и отношениями населения разных стран, которые европейские политики должны учитывать.

Об авторе:

Лариса Валериевна Дериглазова – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11–3. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор благодарит М.В. Харкевича за обсуждение ранней версии статьи и указание на важные публикации, которые не были учтены ранее автором.

Received: February 2, 2026

Accepted: April 15, 2026

UDC: 327:061.1EU:159.9

Emotions in EU Foreign Policy

 L.V. Deriglazova

[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-7-23](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-7-23)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines how emotions are conceptualized and mobilized in the foreign policy of the European Union. Starting from the affective turn in the social sciences, the author reviews scholarship that treats the EU as both a normative actor and a potential “emotional actor.” The focus is not emotions as individual states, but emotional norms: socially expected affective responses to violations of political, legal, or moral norms. The article asks which areas

of EU foreign policy have been studied through this lens, what methods and theories researchers use, and whether collective emotions can anticipate EU decisions.

The analysis covers studies of genocide recognition, security, armed conflicts, migration, European identity, climate policy, and sanctions, and compares their conclusions with opinion surveys in EU member states in 2022–2025. Special attention is paid to the Russia-Ukraine conflict, Israel's military operation in Gaza, and the Armenia-Azerbaijan conflict over Nagorno-Karabakh. The article shows that EU institutions seek to create a supranational emotional community, or emotional regime, in which member states share a common understanding of norms, their violation, and the need for collective action.

The findings are ambivalent. In the case of Ukraine, fear, insecurity, anger, sympathy, and solidarity have helped legitimize sanctions, humanitarian assistance, support for refugees, and stronger defense cooperation, although public support varies across countries and declines when the costs of solidarity increase, especially regarding arms deliveries and EU accession. The Gaza case demonstrates that bottom-up emotional mobilization does not necessarily produce an equally coherent EU response. The Nagorno-Karabakh case reveals weaker emotional resonance and highlights pragmatic constraints, including energy dependence and geopolitical interests.

The article concludes that emotions matter because they participate in the construction, interpretation, hierarchy, and enforcement of norms. Yet the EU lacks a unified emotional regime: collective reactions remain uneven and politically selective. Fear and insecurity increasingly push the Union from the identity of a peaceful normative project toward that of a geopolitical actor with a military component. Monitoring public opinion is therefore useful for predicting shifts in EU foreign policy, but only when national differences, norm hierarchies, and the costs of solidarity are taken into account.

Keywords: emotional norms, emotional regime, supranational emotional community, European Union, normative power, foreign policy, normative actor

About the author:

Larisa V. Deriglazova – Doctor of Sciences in History, Professor, senior research fellow at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009, 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Author is grateful to Maxim Kharkevich for discussion of the earlier version of the article and indication of important publications that were not considered.

References:

Åhäll L., Gregory T. (Eds.). 2015. *Emotions, Politics and War* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9781315765068

Aleksiun N., Z. Wóycicka, R. Utz. 2023. *The Rescue Turn and the Politics of Holocaust Memory*. Detroit: Wayne University Press.

Ariffin Y., Coicaud J.-M., Popovski V. (Eds.). 2016. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. Cambridge University Press.

Blanc E. 2024. Crisis in EU-US Relations under Trump: An Emotional Contemptuous Double Game of Misrecognition. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 685–705. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360154

David M. 2024. Russia's War on Ukraine: Unbottled Emotions and the Conditioning of the EU's Russia policy. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 661–684. DOI: 10.1080/07036337.2024.2363613

Emotions in EU Foreign Policy. Special Issue. 2021. *Global Affairs*. 7(2).

Emotions in the Politics of Security and Diplomacy. Special Issue. 2019. *Political Psychology*. 40(6). P. 1199–1200. DOI: 10.1111/pops.12521;

Ermihan E., Akgül Açıkmeşe S. 2024. Emotions and Norms in the Syrian Refugee Crisis: The Comparative Responses of the EU and Turkey. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 751–773. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359586

Gürkan S. 2021. Emotions in Parliamentary Diplomacy: Debating the Armenian Genocide in the European Parliament. *Global Affairs*. 7(2). P. 103–122. DOI: 10.1080/23340460.2021.1921604

Gürkan S. 2024. Constructing an 'Emotional Community' in 'Times of Crisis: the EU's Response to Russia's Invasion of Ukraine in 2022. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 635–659. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360703;

Gürkan S., Terzi Ö. 2024. Emotions in EU Foreign Policy – When and How do They Matter? *Journal of European Integration*. 46(5). P. 575–596. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360697

Hall T. 2015. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*, Cornell University Press.

Hutchison E. 2010. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. 1(24). P.65–86.

Juncos A., M. Lovato, K. Pomorska. 2024. Coordinative Europeanization and Russia's War of Aggression: How Crises Shape Europeanization Dynamics in EU Foreign Policy. *Contemporary European Politics*. DOI: 10.1057/s41295-024-00390-8.

Koschut S. (Ed.). 2020. *The Power of Emotions in World Politics* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780429331220;

Koschut S. 2024. Feeling European? The EU as an emotional community. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 597–613. DOI: 10.1080/07036337.2024.2358883

Manners I. 2018. Political Psychology of European Integration: The (Re)production of Identity and Difference in the Brexit Debate. *Political Psychology*. 39(6). P. 1213–1232. DOI: 10.1111/pops.12545.

Manners I. 2021. Political Psychology of Emotion(al) Norms in European Union Foreign Policy. *Global Affairs*. 7(2). P. 193–205. DOI: 10.1080/23340460.2021.1972819

Manners I. 2024. Political Psychology of Emotions in European Union Foreign Policy in Times of Ontological (In)Security and Crisis. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 817–837. DOI: 10.1080/07036337.2024.2345608

Maurer H., Lovato M. 2024. Group Emotions and Their Role in EU Foreign Policy: a Social Relational Model on How Emotions Travel between EU Member States. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 795–815. DOI: 10.1080/07036337.2024.2363378

Novotna T. 2024. Emotions and Sanctions in EU – China and EU – North Korea Policies. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 707–727. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359587

Özer Y., Kaçar Aşçı F. 2021. Instrumentalization of Emotions and Emotion Norms: Migration Issue in European Right-Wing Populist Discourse. *Global Affairs*. 7(2). P. 173–192. DOI: 10.1080/23340460.2021.1944261;

Palm T. 2021. An Emotional Security Community under Pressure? Emotional Discursive (De)Legitimation in EU External Border Control. *Global Affairs*. 7(2). P. 123–138. DOI: 10.1080/23340460.2021.1954048

Popovski V. Eds. 2016. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. Cambridge University Press.

Pospieszna P., Onderco M., van der Veer R. 2023. Comparing Public Attitudes towards Internal and External EU Sanctions: the Role of Populism, Trust and Euroscepticism. *East European Politics*. 40(2). P. 345–366. DOI: 10.1080/21599165.2023.2289089

Richardson L.F. 1919. *Mathematical Psychology of War*. Oxford: Wm Hunt.

Smith K. E. 2024. Avoiding an Emotions-Action Gap? The EU and Genocide Designations. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 615–634. DOI: 10.1080/07036337.2024.2358871

Stearns Peter N., Carol Z. Stearns. 1985. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. 90(4). P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841.

Terzi Ö. 2021. Norms of Belonging: Emotion Discourse as a Factor in Determining Future “Europeans.” *Global Affairs*. 7(2). P. 139–155. DOI: 10.1080/23340460.2021.1927794;

Terzi Ö. 2024. Emotional Politics of Norm Hierarchy in EU’s External Relations: the Case of Climate Crisis and the EU’s Arctic Policy. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 729–749. DOI:10.1080/07036337.2024.2359590

Terzi Ö., Palm T., Gürkan S. 2021. Introduction: Emotion(al) Norms in EU Foreign Policy. *Global Affairs*. 7(2). P. 93–102. DOI: 10.1080/23340460.2021.1953394;

The Role of Emotions in EU Foreign Policy. Special Issue. 2024. *Journal of European Integration*. 46(5).

Tonra B. 2021. Emotion Norms: Ireland, Brexit, backstops and protocols. *Global Affairs*. 7(2). P. 157–171. DOI: 10.1080/23340460.2021.1931399;

Völkel J.C. 2024. European Diplomats in the MENA Region: a Two-Sided Sense of Disillusionment. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 775–794. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359583.

Weiss E. 2025. Parasitical Solidarity. A Conceptual Framework for Analysing the Misappropriation of Solidarity. *Annual review for the sciences of the democracies*. 1(1). P. 1–26. DOI: 10.5117/demo2025.1.003.wei

Zotova D.A., Lanko D.A., Parfenyonok N.L. 2024. Evropejskaya solidarnost' i raznoskorostnaya integraciya: rezul'taty laboratornogo eksperimenta [European Solidarity and Differentiated Integration: Results of Laboratory Experiment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. 40(2). P. 212–232. DOI: 10.21638/spbu05.2024.204 (In Russian)

Assman A. 2022. *Evropejskaya mechta. Pereizobretenie nacii* [European Dream: Reinvention of Nations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. (In Russian)

Avanskaya V.A. 2018. Metodologiya izucheniya emocij v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Methodology of Emotion Studies in International Relations]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3(13). P. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60 (In Russian)

Avanskaya V.A. 2019. Istoriya holodnoj vojny kak istoriya emocij: na primere gonki yadernyh vooruzhenij [History of Cold War as a History of Emotions: a Case of Nuclear Arms Race]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. №4. P. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22 (In Russian)

Avanskaya V.A. 2023. Karibskij krizis v emocional'nyh reprezentacijah amerikancev (na primere pisem amerikanskih grazhdan N.S. Hrushchevu) [Caribbean Crisis in Emotional Representations of Americans (on Example of Letters by American Citizens to N.S. Hrushchev)]. *Rossiya i sovremennyyj mir*. 2(119). P. 41–52. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.03 (In Russian)

Gofman I. 2004. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 752 p. (In Russian)

Kocur G.V. 2021. Emocii i mezhdunarodnye otnosheniya [Emotions and International Relations]. *Mezhdunarodnye processy*. 3(66). P. 43–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.2 (In Russian)

Matyashova D.O. 2023. Mezhdru rezhimom i soobshchestvom: funkcii emotivov v kommunikacijah Indijskogo nacional'nogo kongressa s elektoratom i storonnikami [Between Regime and Community: Functions of Emotives in Communications of Indian National Congress with Electorate and Supporters]. *Russkaya politologiya*. 2(27). P. 33–40. (In Russian)

Soldatova G.U. 1998. *Psikhologiya mezhetniceskoy napryazhenosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow: Smysl. 389 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аванская В.А. 2019. История Холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. №4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22.

Аванская В.А. 2023. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущёву). *Россия и современный мир*. 2(119). С. 41–52. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.03.

Аванская В.А. 2018. Методология изучения эмоций в международных отношениях. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 3(13). С. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60.

Ассман А. 2022. *Европейская мечта. Переизобретение нации*. Москва: Новое литературное обозрение. 512 с.

Гофман И. 2004. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН. 752 с.

Зотова Д.А., Ланко Д.А., Парфенёнок Н.Л. 2024. Европейская солидарность и разноразностная интеграция: результаты лабораторного эксперимента. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 40(2). С. 212–232. DOI: 10.21638/spbu05.2024.204

Коцур Г.В. 2021. Эмоции и международные отношения. *Международные процессы*. 3(66). С. 43–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.2.

Матяшова Д.О. 2023. Между режимом и сообществом: функции эмотивов в коммуникациях Индийского национального конгресса с электоратом и сторонниками. *Русская политология*. 2(27). С. 33–40.

Солдатова Г.У. 1998. *Психология межэтнической напряженности*. М.: Смысл. 389 с.

Научная дипломатия ЕС как инструмент стратегической автономии

О.А. Красняк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена анализу научной дипломатии Европейского союза как инструмента внешней политики, направленного на укрепление международной акторности ЕС, его стратегической автономии и технологического суверенитета. В центре исследования находится эволюция подхода ЕС к научной дипломатии: от либерально-нормативной модели, ориентированной на международное научно-техническое сотрудничество, решение глобальных проблем и продвижение «мягкой силы», к более прагматичной модели, связанной с конкуренцией за технологии, безопасность и стратегическое влияние.

Цель статьи состоит в выявлении концептуальных и институциональных основ научной дипломатии ЕС, а также в определении её роли во внешнеполитическом позиционировании Союза. Методологическую основу исследования составляет институциональный подход, позволяющий проанализировать научную дипломатию ЕС как систему норм, стратегических документов, организационных структур и практик, формируемых под эгидой Европейской комиссии. Эмпирическую базу составляют документы ЕС, доклады рабочих групп по научной дипломатии, материалы программ «Горизонт 2020» и «Горизонт Европа», а также научная литература. Для анализа практического применения научной дипломатии используются два контрастных кейса – проект СЕЗАМЕ в Иордании и научное сотрудничество в Арктике. Первый демонстрирует использование науки как инструмента диалога, примирения и «мягкой силы» в конфликтном регионе. Второй показывает научную дипломатию как средство стратегического присутствия ЕС в регионе, где научные исследования связаны с вопросами безопасности, ресурсов, климатической политики и геополитического соперничества.

В статье показано, что ЕС последовательно институционализирует научную дипломатию через деятельность Европейской комиссии, исследовательские программы, Альянс научной дипломатии ЕС, подготовку «научных дипломатов», а также расширение сети научных атташе и советников по науке. Вместе с тем анализ кейсов СЕЗАМЕ и Арктики выявляет ограничения акторности ЕС: научное сотрудничество не способно автоматически преодолевать политические конфликты, а в условиях фрагментации международного порядка всё чаще подчиняется логике стратегической конкуренции. Делается вывод, что современная научная дипломатия ЕС становится не только инструментом международного сотрудничества, но и механизмом укрепления геополитической субъектности, технологического превосходства и стратегической автономии Европейского союза.

УДК: 327(4-672ЕС):001.83

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 25.03.2026

Ключевые слова: научная дипломатия, внешняя политика ЕС, международное научно-техническое сотрудничество, СЕЗАМЕ, сотрудничество в Арктике, технологический суверенитет

2025 год ознаменовался публикациями двух концептуальных докладов по научной дипломатии. Практически одновременно рабочие группы Европейской комиссии, с одной стороны, и Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science, AAAS) совместно с Лондонским королевским обществом (Royal Society of London for Improving Natural Knowledge, The Royal Society), с другой, опубликовали обновлённые доклады по научной дипломатии. Анализ обоих докладов позволяет утверждать, что, очевидно, произошла смена парадигмы научной дипломатии, которая из несколько идеалистического инструментария либерального глобализма стала более рациональным инструментом наметившейся фрагментации миропорядка. Оба доклада зафиксировали эволюцию научной дипломатии, кумулятивный эффект которой накапливался в течение первой четверти XXI в.

Первый доклад «Основы европейской научной дипломатии: Рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии»¹ и второй, «Научная дипломатия в эпоху перемен»², отражают существующие изменения миропорядка и делают попытку определить роль и место стран Запада в глобальном мироустройстве. Поскольку наука и научные достижения являлись двигателем и основанием для западного доминирования как минимум с начала индустриальной революции XVIII в., понимание роли современной научной дипломатии имеет непреходящую ценность, а сама научная дипломатия продолжает оставаться ценным внешнеполитическим активом.

В качестве внешнеполитического инструментария современная научная дипломатия вошла в научно-академический дискурс и дипломатический оборот стран Запада с начала 2000-х гг. Согласно универсальной трактовке, научная дипломатия появляется в результате пересечения науки и международных отношений, при этом конфигурация практик научной дипломатии довольно широкая и включает в себя действия государства, направленные на продвижение национальных интересов, действия, направленные на продвижение

¹ A European framework for science diplomacy: Recommendations of the EU Science Diplomacy Working Groups. 2025. *European Commission*. 13 February. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4b319f3d-e9ff-11ef-b5e9-01aa75ed71a1/language-en> (accessed 12.04.2026).

² Science diplomacy in an era of disruption, London: Science Policy Centre. 2025. *AAAS & Royal Society*. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/2025-02/Final_Sciencediplomacy_15yearson_report_WEB.pdf (accessed 12.04.2026).

трансграничных интересов и действия, направленные на решение глобальных проблем (Berkman 2019). Первая, и ставшая довольно распространённой, классификация научной дипломатии появилась в результате трёхдневной встречи в Вилтон Парке (Wilton Park), исполнительном агентстве Министерства иностранных дел, Содружества наций и развития Великобритании (UK Foreign, Commonwealth & Development Office) в 2009 г. Представители академического и дипломатического сообществ англосаксонских стран предложили классификацию научной дипломатии, позже опубликованную в докладе AAAS и The Royal Society «Новые горизонты в научной дипломатии»³. Научная дипломатия одновременно относилась к публичной дипломатии, мягкой силе и инновационной дипломатии, однако главным оставался вопрос: каким образом наука влияет на дипломатический процесс?⁴ Ответ определялся в таких категориях, как «дипломатия для науки», «наука для дипломатии» и «наука в дипломатии».

Общепринятое определение научной дипломатии истолковывается довольно широко, но в целом сводится к необходимости продвижения международного научно-технического сотрудничества с целью усиления научного потенциала государства, повышению его экономической конкурентоспособности, «мягкой силы», а также выработке научно-информированной политики, способствующей решению социально-экономических и глобальных вызовов (Гутенёв 2021; Reinhardt 2021). Понимание и реализация научной дипломатии отдельным государством в выстраивании отношений с другими государствами и международном позиционировании зависит от ряда факторов, главными из которых являются уровень экономического развития страны и неразрывно связанный с ним научно-технический прогресс. Главными акторами научной дипломатии со стороны «дипломатии» являются посольства и консульства, в которых особую роль играют атташе по науке и технике (Райнхардт и Мозебах 2017). Со стороны же «науки» на институциональном уровне акторами научной дипломатии являются учёные и исследователи, задействованные в международном сотрудничестве, предоставлении научной экспертизы, необходимой для принятия государством решений, или же принимающие участие в дипломатических переговорах также с целью предоставления научной экспертизы (Melchor 2020).

Однако, когда речь идёт о наднациональном объединении, каковым является Европейский союз, трактовка и использование научной дипломатии принимает особые формы как стратегического планирования, так и практической

³ New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. AAAS & Royal Society. London: Science Policy Centre & The Royal Society, 2010. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf. (accessed 12.04.2026).

⁴ Dickson D. 2010. Science in Diplomacy: "On Tap but Not on Top." June 29. URL: <https://scidivnet.wordpress.com/category/science-diplomacy-conference-2010/> (accessed 12.04.2026).

реализации. Принимая во внимание возрастающие социально-экономические трудности ЕС и снижение его геополитического веса в контексте смены миропорядка, научная дипломатия представляется инструментарием, на который возлагается особая надежда по сохранению международной акторности ЕС. Продвигаемая концепция «Силы знаний Европы» (Knowledge Power Europe) позиционируется в качестве движущей силы глобального лидерства ЕС, основанного на обладании уникальным научным знанием (Young, Ravinet 2022). По мнению европейских исследователей, использование научного знания во внешней политике ЕС должно усилить его роль в глобальном управлении и компенсировать снижающееся экономическое значение, которое проявляется особенно остро на фоне роста государств мирового большинства.

Цель данной статьи – выявить концептуальные и институциональные основы научной дипломатии, определить её роль в политике ЕС, в частности, в продвижении международного научного сотрудничества и подготовке кадров и образовательных программ научной дипломатии. Основная гипотеза заключается в том, что стремление ЕС использовать научную дипломатию, безусловно, связано с необходимостью усилить пошатнувшееся положение в качестве международного актора. Использование инструментария научной дипломатии в международных научных проектах таких, как СЕЗАМЕ и научного сотрудничества в Арктике, показало свою уязвимость, обнажая ограниченность наднационального образования в пользу национальных государств, существующих в парадигме глобальной политики. В ответ, поместив себя на своеобразной вершине пирамиды научной дипломатии, ЕС пытается закрепить за собой интеллектуальную и образовательную прерогативу в формулировке, трактовке и использовании научной дипломатии, которая тесно вплетена в идеи либеральной демократии и призвана обеспечить стратегическую автономию ЕС.

Методология исследования основана на институциональном подходе. Он позволяет выявить роль Европейской комиссии, исследовательских программ ЕС, Альянса научной дипломатии ЕС, сети научных атташе и советников по науке в формировании общеевропейской стратегии научной дипломатии.

Эмпирическую основу исследования составляют стратегические и программные документы Европейской комиссии, доклады рабочих групп ЕС по научной дипломатии, материалы исследовательских программ «Горизонт 2020» и «Горизонт Европа», а также академические публикации, посвящённые научной дипломатии ЕС и отдельных европейских государств. В качестве методов исследования применяются качественный контент-анализ официальных документов и научной литературы, сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить изменение трактовки научной дипломатии ЕС с 2010-х гг. до 2025 г., а также кейс-стади.

Выбранные кейсы демонстрируют два различных режима использования научной дипломатии ЕС. Проект СЕЗАМЕ отражает преимущественно либерально-нормативную модель научной дипломатии, в рамках которой наука

рассматривается как относительно нейтральное пространство взаимодействия, способное снижать политическую напряжённость и способствовать диалогу между конфликтующими сторонами. В этом случае ЕС выступает как донор, институциональный наставник и проводник модели «науки для мира», стремясь использовать научную инфраструктуру как инструмент «мягкой силы» и регионального примирения.

Арктический кейс, напротив, показывает более прагматичную модель научной дипломатии. Здесь научное сотрудничество связано не столько с примирением конфликтующих сторон, сколько с обеспечением стратегического присутствия ЕС в регионе, имеющим ключевое значение для безопасности, климатической политики и доступа к природным ресурсам. В условиях обострения отношений с Россией после 2022 г. арктическая научная дипломатия всё в большей степени оказывается встроенной в логику санкций, стратегической автономии и конкуренции за влияние.

Концептуальные основы научной дипломатии ЕС

ЕС использует научную дипломатию как один из инструментов внешней политики: с одной стороны, она включается в стратегические документы и долгосрочные программы Союза, с другой – реализуется через конкретные проекты, экспертные сети, образовательные инициативы и деятельность научных советников. Важно отметить, что государства – члены ЕС также активно развивают научную дипломатию на национальном уровне, а европейские исследователи уделяют особое внимание её концептуальным и методологическим аспектам. Пионерами европейской научной дипломатии стали Германия (Fährlich 2017) и Швейцария (Saric et al. 2025). В 2008 г. Германия приняла первую стратегию интернационализации образования и науки, обозначив курс на глобализацию исследований. Эта стратегия стала инструментом сближения внешнеполитической и научно-образовательной повесток. Одним из её практических результатов стало создание Германских центров науки и инноваций⁵. Схожим образом несколько ранее появилась и швейцарская международная сеть Swissnex, объединяющая в себе образование, научные исследования и инновации⁶.

Обе сети стали инструментами продвижения международного академического сотрудничества при поддержке дипломатических ведомств (Flink, Schreiterer 2010). Будучи официальными посредническими структурами, зарубежные представительства Германских центров науки и инноваций и сеть Swissnex обеспечивали взаимодействие между университетами, исследовательскими организациями, экспертными сообществами и дипломатическими

⁵ German Centres for Research and Innovation. URL: <https://www.dwih-netzwerk.de/en/> (accessed 12.04.2026).

⁶ Swissnex. URL: <https://swissnex.org/> (accessed 12.04.2026).

ведомствами, выполняя не только научно-образовательные, но прежде всего внешнеполитические задачи. Международный контекст и характер отношений между странами предопределяли выбор мест размещения таких представительств: они открывались в столицах и крупных центрах экономически и технологически развитых государств. Так, первые, хотя и не единственные, представительства Swissnex появились в Бостоне и Нью-Йорке, а германские центры – в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Москве. Московский офис приостановил свою деятельность в 2022 г. и на момент подготовки настоящего исследования её не возобновил.

Обеспечивая связь между наукой и дипломатией, эти научно-дипломатические представительства были призваны продвигать Швейцарию и Германию как научно-инновационные центры, создавать площадки для научного диалога и обмена, оказывать поддержку учёным в организации конференций и способствовать развитию научного сотрудничества. В дальнейшем научную дипломатию стали активно использовать и другие европейские государства, включая Францию (Lane 2013; Шестопап, Литвак 2016,⁷ Испанию,⁸ Португалию (Abrantes, Vaz-Pinto 2014) и др.

Важное значение имели планомерные действия ЕС по институционализации научной дипломатии на доктринальном уровне и её использованию как инструмента проецирования европейского влияния на третьи страны (Langenhove 2017; López de San Román, Schunz 2018). Учитывая накопленный опыт национальных государств, ЕС стремился встроить научную дипломатию в собственную внешнеполитическую стратегию. В 2012 г. Европейская комиссия впервые использовала термин «научная дипломатия» на официальном уровне⁹. Под научной дипломатией понималось использование международного сотрудничества в области технологий и инноваций в качестве «мягкой силы» и механизма, способствующего улучшению отношений с ключевыми международными партнёрами и регионами. В свою очередь, развитие дружественных отношений должно было создавать дополнительные возможности для расширения научного сотрудничества. Основными стратегическими целями международного сотрудничества ЕС были обозначены укрепление привлекательности европейской науки и инноваций, поддержание экономического процветания и промышленной конкурентоспособности, ответ на глобальные вызовы и поддержка европейской внешней политики.

⁷ Ruffini, P.-B. 2020. France's Science Diplomacy. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2020/frances-science-diplomacy> (accessed 12.04.2026).

⁸ Moreno A. E., Melchor L., Orts-Gil G., Gracia C., Lacunza I., Izquierdo B., Fernández-Vera J. I. 2017. Spanish Science Diplomacy: A Global and Collaborative Bottom-Up Approach. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2017/spanish-science-diplomacy-global-and-collaborative-bottom-approach> (accessed 12.04.2026).

⁹ Enhancing and focusing EU international cooperation in research and innovation: A strategic approach. 2012. *European Commission*. 14 September. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0497&from=en> (accessed 12.04.2026).

Реализация этих целей вписывалась в стратегию Европейской комиссии «Европа 2020», принятую в 2010 г. и ориентированную на «умный, устойчивый и инклюзивный» экономический рост¹⁰. Дальнейшее развитие научная дипломатия получила в докладе Европейской комиссии 2016 г., где она вновь определялась как инструмент «мягкой силы» и важный ресурс внешней политики, способствующий продвижению международного научного сотрудничества. В этом документе научная дипломатия также описывалась как «факел, освещающий путь там, где политика и дипломатия потерпели неудачу»¹¹. Тем самым она представлялась как механизм, способный объединять усилия разных акторов на глобальном уровне и содействовать продвижению мира, безопасности, гуманитарной помощи и социально-экономического развития.

В частности, значение научной дипломатии ЕС подчёркивалось в связи с заключением Соглашения по иранской ядерной программе, в котором участвовали Россия, Великобритания и Соединённые Штаты, а ЕС был представлен Францией и Германией¹²; в работе Ближневосточного научно-исследовательского центра синхротронного излучения СЕЗАМЕ, широко финансируемого ЕС и ориентированного на сотрудничество с ближневосточными странами (Rungius et al. 2022); а также в деятельности Арктического совета, где ЕС стремился укрепить своё присутствие, учитывая, что Финляндия, Швеция и Дания как государства – члены ЕС являются арктическими странами (Berkman et al. 2017).

Концептуализация и институционализация научной дипломатии ЕС постепенно приобретали более очерченные формы, а сама научная дипломатия стала одним из стратегических направлений внешней политики Союза. Преодоление нескоординированности научной дипломатии в рамках общей внешнеполитической линии и политики безопасности ЕС в целом оказалось успешным (Langenhove 2017). В последующие годы научная дипломатия получила дополнительный импульс благодаря программе «Горизонт 2020» (Horizon 2020) – крупнейшей программе ЕС по развитию научных исследований и технологий с бюджетом около 80 млрд евро на 2014–2020 гг.¹³.

В рамках «Горизонта 2020» Европейская комиссия финансировала три исследовательские программы, занимавшиеся стратегическим осмыслением и практическим развитием научной дипломатии: «Использование науки для/в дипломатии для решения глобальных проблем» (S4D4C)¹⁴, «Создание единой

¹⁰ Europe 2020: A strategy from smart, sustainable and inclusive growth. 2010. *European Commission*. 3 March. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETENBARROSO007-Europe2020-ENversion.pdf> (accessed 12.04.2026).

¹¹ Open Innovation, Open Science, Open to the World: A vision from Europe. 2016. *European Commission*. 2 May. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/3213b335-1cbc-11e6-ba9a-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_2 (accessed 12.04.2026).

¹² Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. 2015. *МИД РФ*. 16.07. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 12.04.2026).

¹³ Horizon 2020. *European Commission*. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-2020_en (accessed 12.04.2026).

¹⁴ Using science for /in diplomacy for addressing global challenges. *S4D4C* URL: <https://www.s4d4c.eu/> (accessed 12.04.2026).

научной дипломатии для Европы» (InsSciDE)¹⁵ и «Европейское лидерство в культурной, научной и инновационной дипломатии» (EL-CSID)¹⁶. В исследовательские группы этих программ входили ведущие учёные, дипломаты, представители общественных организаций и негосударственных акторов. Промежуточным результатом их совместной работы стала Мадридская декларация научной дипломатии 2019 г.¹⁷.

Декларация закрепила понимание научной дипломатии в рамках либеральной парадигмы, подчеркнув универсалистскую ценность науки и демократических принципов. В ней провозглашалась необходимость включения науки и инноваций во внешнюю политику ЕС на различных уровнях, что одновременно способствовало продвижению научной деятельности и легитимации внешнеполитических целей Союза. Операционализация научной дипломатии, в свою очередь, была ориентирована на подготовку специалистов с помощью образовательных модулей и краткосрочных программ, разработанных на основе единого методологического подхода¹⁸.

Другими словами, научная дипломатия рассматривалась как операционный и организационный механизм, необходимый ЕС для усиления собственного международного веса в качестве глобального актора. Глобальный охват внешней политики ЕС, обозначенный в Мадридской декларации, раскрывался через обращение к ключевым проблемам современности, включая изменение климата, глобальное потепление и глобальное неравенство. Следовательно, актуализация этих проблем, интенсивное внедрение инструментария научной дипломатии и подготовка специалистов должны были способствовать укреплению геополитического положения ЕС в системе международных отношений.

Следует отметить, что сама по себе научная дипломатия не решает глобальные проблемы, будь то климатические изменения или социально-экономическое неравенство. Однако в европейском подходе она рассматривается как механизм, позволяющий организовывать и объединять усилия государств, учёных и представителей общества, создавать глобальные исследовательские партнёрства, обозначать геостратегическое присутствие ЕС и усиливать его конкурентоспособность.

После завершения программы «Горизонт 2020» указанные исследовательские группы в 2021 г. объединились в Альянс научной дипломатии Европейского союза (European Union Science Diplomacy Alliance)¹⁹. Альянс стал

¹⁵ Inventing a shared science diplomacy for Europe. *European Commission*. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/770523> (accessed 12.04.2026).

¹⁶ European leadership in Cultural, Science and Innovation Diplomacy. *United Nations University CRIS*. URL: <https://cris.unu.edu/european-leadership-culture-science-and-innovation-diplomacy-el-csid> (accessed 12.04.2026).

¹⁷ (The) Madrid Declaration on Science Diplomacy. February 2019. *S4D4C*. URL: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (accessed 12.04.2026).

¹⁸ Using science for /in diplomacy for addressing global challenges. *Trainings. S4D4C*. URL: <https://www.s4d4c.eu/trainings/> (accessed 12.04.2026).

¹⁹ European Union Science Diplomacy Alliance. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.science-diplomacy.eu/> (accessed 12.04.2026).

продолжением предшествующих проектов и обозначил научно-дипломатическую преемственность, сосредоточив вокруг себя ведущих европейских исследователей научной дипломатии.

Важным шагом в дальнейшем концептуальном развитии европейской научной дипломатии стало создание Европейской комиссией Стратегического форума в 2020 г. Форум был призван содействовать развитию международного научно-технического сотрудничества и одновременно способствовать дальнейшей институционализации научной дипломатии, закрепляя за ЕС стратегическую роль в её продвижении²⁰. Одной из главных задач Стратегического форума стало развитие сети научных консультантов и атташе по науке и технике как внутри ЕС, так и во взаимодействии с другими государствами (Ruffini 2022). Европейская комиссия систематически направляет советников по научным исследованиям и инновациям в ключевые страны-партнёры. Эти советники, в свою очередь, дополняют и координируют свою работу с атташе по науке государств – членов ЕС, работающими по всему миру. В 2022 г. общее количество советников по науке, технологиям и инновациям составляло около 500 человек²¹. В программной статье форума, прямо озаглавленной «Научная дипломатия», было предложено достаточно широкое определение этого понятия как «набора практик, находящегося на пересечении науки, технологий и внешней политики»²².

Относительно новой чертой этой расширенной трактовки стало включение научной дипломатии в сферу публичной политики на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях, что должно было способствовать более эффективному согласованию политических инициатив. Иными словами, роль научной дипломатии ЕС уже не ограничивалась внешнеполитическими инициативами: она всё глубже проникала на институциональный уровень национальных государств и становилась инструментом координации совместных политических действий. Широкая сеть научных консультантов и доверенных экспертов признавалась необходимым условием для координации и реализации дорожных карт европейской научной дипломатии (Ruffini 2023).

Долгосрочная реализация стратегии научной дипломатии на операционном уровне стала осуществляться в рамках программы «Горизонт Европа» (Horizon Europe), сменившей «Горизонт 2020». Дорожная карта европейской научной дипломатии включала несколько направлений: мониторинг публикационной активности и расширение академического поля исследований

²⁰ Strategic Forum for International Scientific and Technological Cooperation. *European Commission*. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-research-and-innovation/europe-world/international-cooperation/science-diplomacy/sfic_en (accessed 12.04.2026).

²¹ The Role of Science in the EEAS. 2022. *European Union*. 17 March. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/role-science-eeas_en (accessed 12.04.2026).

²² Strategic Forum for International S&T Cooperation. Input paper “Science Diplomacy”. 2020. *European Union*. 17 February. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-1352-2020-INIT/en/pdf> (accessed 12.04.2026).

по научной дипломатии; повышение осведомлённости и модульное обучение учёных, дипломатов и представителей общественных организаций; развитие научно-дипломатической сети экспертов на региональном, национальном и международном уровнях. Всё это должно было способствовать укреплению международного научного сотрудничества и более широкому использованию инструментария научной дипломатии.

В практической плоскости страны, во взаимодействии с которыми ЕС продвигал научное сотрудничество, были ранжированы по политико-экономическому принципу. В первую группу вошли государства, охваченные Европейской политикой соседства и связанные с ЕС географической близостью: страны Восточной Европы, Южного Кавказа, Северного и Восточного Средиземноморья. Во вторую группу были включены развитые страны демократического лагеря – США, Канада, Япония и Южная Корея. Третью группу составили страны БРИКС. Наконец, четвёртая группа включала развивающиеся государства, для которых особенно остро стоят проблемы бедности, голода, вооружённых конфликтов и экологической уязвимости (Galluccio 2021: 71). Подобное ранжирование было связано, в том числе, с распределением финансирования научных и академических проектов в рамках программы «Горизонт Европа».

Научная дипломатия остаётся частью и нового концептуального документа – Стратегии Европейской комиссии по международному сотрудничеству в области науки и инноваций, представленной в 2021 г.²³ В ней научная дипломатия по-прежнему позиционируется как инструмент «мягкой силы», необходимый для продвижения экономических интересов и либеральных ценностей. Однако, учитывая нарастающую турбулентность либерального мирового порядка, новая стратегия ставит перед ЕС уже более реалистичные и рациональные цели. Акцент переносится на укрепление существующих научно-технических связей со странами атлантического региона и на обозначение намерений расширить присутствие ЕС в Арктике. Это свидетельствует о более чётком очерчивании внешнеполитических задач Союза.

Идея глобального либерального доминирования, вероятно, всё чаще ставится под сомнение, что выводит в приоритет сотрудничество с Соединёнными Штатами, Великобританией и нейтрально-позитивными государствами по обе стороны Атлантики. Базовым условием сотрудничества ЕС с Россией, однако, остаётся соблюдение фундаментальных прав и ценностей, а само взаимодействие предполагалось преимущественно в форме поддержания прямых контактов между учёными.

Отдельной задачей Стратегии был выделен зелёный переход, связанный с решением экологических проблем и защитой окружающей среды. Одновременно зелёный переход позиционировался как одна из ключевых

²³ Europe's strategy for international cooperation in a changing world. 2021. *European Commission*. 18 May. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:252:FIN> (accessed 12.04.2026).

внешнеполитических доминант ЕС. Привлечение международных механизмов ООН и поддержка различных инициатив и проектов – Межправительственной группы экспертов по изменению климата, Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам, Парижского соглашения – позволяли усиливать дипломатическую составляющую ЕС через продвижение научно-экспертной деятельности. В этом случае научная дипломатия продолжала выступать как «мягкая» и привлекательная сила, укрепляющая научную репутацию ЕС.

Главной отличительной чертой общей стратегии использования научной дипломатии ЕС на данном этапе оставалась её укоренённость в либеральной парадигме. Научная дипломатия была нацелена на продвижение либеральных ценностей и принципов во внешней политике, включая демократию и права человека, соблюдение норм международного права, сохранение мира, недопущение конфликтов и укрепление международной безопасности (Galluccio 2021: 68). Вместе с тем, опираясь на международное научное сотрудничество и научную дипломатию как инструмент «мягкой силы», ЕС одновременно ставил перед собой задачу обеспечения и поддержания собственного научного превосходства, конкурентоспособности и устойчивости. Однако прогресс в реализации данной стратегии был признан медленным, а прежний девиз ЕС об «открытости миру» постепенно сменился более осторожной формулой – «открытости для большей части мира»²⁴.

Многосторонняя научная дипломатия ЕС: СЕЗАМЕ и Арктика

В качестве примеров продвижения внешнеполитических интересов ЕС с использованием инструментов научной дипломатии можно привести уже упомянутый ближневосточный проект СЕЗАМЕ – межправительственный научный центр синхротронного излучения – и политику ЕС в Арктическом регионе. Оба примера достаточно специфичны: ни в одном из случаев ЕС не является формальным участником, однако он осуществляет финансирование, поддерживает институциональное развитие проектов и стремится усилить собственную роль как международного актора, используя научно-дипломатический инструментарий. В отличие от таких проектов, как ЦЕРН (1954), Европейский объединённый исследовательский центр (1957) или Международный институт прикладного системного анализа (1972), которые возникли ранее и во многом были результатом научной политики отдельных европейских государств, СЕЗАМЕ и арктическое сотрудничество позволяют проследить именно современные формы научной дипломатии ЕС.

²⁴ Naujokaitytė G. Ministers discuss the future of EU research and innovation programmes. 2023. *Science|Business*. 1 August. URL: <https://sciencebusiness.net/news/horizon-europe/ministers-discuss-future-eu-research-and-innovation-programmes> (accessed 12.04.2026).

Созданный под эгидой ЮНЕСКО и при значительной финансовой и технологической поддержке ЕС, СЕЗАМЕ был запущен в Иордании в 2017 г. Целью проекта стало научно-технологическое развитие стран Ближнего Востока с учётом исторической турбулентности региона, включая иранскую ядерную программу и продолжающийся палестино-израильский конфликт. По своей организационной структуре СЕЗАМЕ во многом воспроизводил контуры ЦЕРНа – Европейского центра ядерных исследований, созданного в 1954 г. и сыгравшего важную роль в развитии межъевропейского научного сотрудничества в послевоенной Европе. ЦЕРН стал ролевой моделью для СЕЗАМЕ, участвуя в формировании его институциональной структуры и обеспечивая финансовую поддержку через ряд программ ЕС, в частности «Горизонт 2020». В результате ЦЕРН, наряду с ЕС, получил статус наблюдателя в СЕЗАМЕ. Таким образом, представленность ЕС в проекте оказалась многоаспектной: через научное менторство ЦЕРНа, а также через политико-дипломатическое и финансовое влияние самого Европейского союза.

«Наука для дипломатии» стала ведущим элементом продвигаемой ЕС политики на Ближнем Востоке, а «наука для мира» – девизом ближневосточного сотрудничества²⁵. Предполагалось, что активизация научного взаимодействия между представителями конфликтующих сторон, в частности Палестины и Израиля, позволит снизить уровень политической напряжённости в регионе. В этом смысле научная дипломатия приняла форму нарратива СЕЗАМЕ в его европейской интерпретации.

Однако реальность оказалась более сложной и противоречивой, чем исходные идеалистические представления. По мере усиления международных противоречий учёные, задействованные в исследованиях, всё более скептически относились к перспективе изменения международных отношений посредством научного сотрудничества. Политические разногласия между государствами – членами СЕЗАМЕ, прежде всего Ираном, Израилем и Палестиной, оказались более значимыми, чем общие научные интересы. Так, учёные из Палестины отказывались взаимодействовать с учёными из Израиля, а политическая поддержка со стороны наблюдателей – Европейского союза и ЦЕРН – воспринималась как средство продвижения европейских политических целей (Rungius et al. 2022). На момент подготовки настоящего исследования СЕЗАМЕ формально продолжал научную деятельность, хотя государства-члены сталкивались с нарастающими трудностями в проведении исследований и обеспечении собственного финансирования научного центра²⁶.

²⁵ Smith C.L. 2012. Synchrotron Light and the Middle East: Bringing the Region's Scientific Communities Together through SESAME. *Science & Diplomacy*. 16 October. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2012/synchrotron-light-and-middle-east> (accessed 12.04.2026).

²⁶ Smith C.L. 2022. CERN and SESAME – Science Diplomacy Building Bridges. *Science & Diplomacy*. 12 October. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2022/cern-and-sesame-science-diplomacy-building-bridges> (accessed 12.04.2026).

Таким образом, идеалистическое представление об объединяющей и трансформирующей роли науки в проекте СЕЗАМЕ столкнулось со структурными ограничениями региональных международных отношений, которые оказались более устойчивыми к изменениям. Последующая эволюция концепта европейской научной дипломатии во многом отразила эти изменения в системе международных отношений.

Внешнеполитическая вовлечённость ЕС в Арктический регион также имеет свою специфику. Из восьми арктических государств Финляндия, Швеция и Дания являются членами ЕС; Норвегия и Исландия входят в Европейскую экономическую зону, а все вместе являются членами НАТО. Ещё шесть стран ЕС, включая Германию, Францию и Польшу, имеют статус наблюдателей в Арктическом совете, хотя сам ЕС формально этим статусом не обладает. Следовательно, присутствие ЕС в Арктике является многослойным: оно проявляется как на институциональном уровне, так и через представительство отдельных государств-членов. Посредством государств-членов ЕС получает достаточно широкие возможности для маневрирования в Арктике – как в политико-военной, так и в научно-дипломатической сфере – и одновременно способствует реализации национальных арктических стратегий (Everett, Halašková 2022).

Со времён Холодной войны Арктика являлась регионом, в котором напрямую пересекались вопросы безопасности двух сверхдержав: именно через Арктику пролегал кратчайший маршрут для запуска баллистических ракет между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. В сфере ядерной безопасности США традиционно поддерживали высокий уровень сотрудничества с нордическими государствами, прежде всего с Норвегией, в области разведки и обмена данными. В свою очередь, сбор данных и проведение научных исследований в Арктике, многие из которых имеют двойное назначение, требуют долгосрочных и дорогостоящих усилий. По сложности и ресурсоёмкости полярные исследования лишь немногим уступают исследованиям космического пространства и дна Мирового океана.

Это означает, что стратегическое значение Арктики тесно связано с её научным изучением: вопросы национальной безопасности зависят от степени исследованности региона и физического присутствия в нём того или иного государства. В этой связи позиция Европейского союза проявляется в двух направлениях – военно-стратегическом и научном. Несмотря на трудности в отношениях с США в период президентства Д. Трампа, ЕС продолжает сотрудничать с Соединёнными Штатами по линии НАТО, а также финансировать деятельность полярных станций и научные исследования государств-членов в рамках реализации арктической стратегии.

С другой стороны, взаимоотношения арктических стран ЕС с Россией носят противоречивый характер и напрямую отражают геополитические изменения последних лет. Так, ЕС возлагал большие надежды на продвижение

общевропейской арктической политики с помощью проекта по созданию норвежско-европейской научно-дипломатической сети, финансируемого правительством Норвегии и Европейской комиссией²⁷. Роль Норвегии в развитии европейской арктической научной дипломатии имеет особое значение, поскольку Норвегия является давним партнёром России в Арктике. Начиная с 1970-х гг. Советский Союз и Королевство Норвегия заключили ряд соглашений в области рыболовства в Баренцевом море, что положило начало десятилетиям экономического, научно-образовательного и дипломатического взаимодействия (Сачук 2008). Поскольку Норвегия активно использовала инструменты арктической научной дипломатии в отношениях с Россией, этот опыт представлялся значимым и для ЕС. Однако с началом специальной военной операции в 2022 г. европейские государства приостановили научное сотрудничество с Россией на институциональном уровне на неопределённый срок, фактически прервав и норвежско-российское научно-образовательное взаимодействие.

Аналогичная ситуация сложилась и в Арктическом совете. Отказ западных стран «арктической семёрки» от сотрудничества с Россией не только прервал научно-дипломатическое взаимодействие, но и поставил под вопрос легитимность принятия решений в рамках Арктического совета, а также релевантность научного сотрудничества без учёта позиции России. Научный вклад России в полярные исследования являлся и продолжает оставаться значительным, особенно с учётом военно-стратегического значения региона. Осознавая сложность исключения России из работы Арктического совета, который одновременно выступает и высокопрофильной площадкой научного взаимодействия, страны «арктической семёрки» вскоре частично возобновили сотрудничество с Россией. Несмотря на институциональные ограничения взаимодействия с РФ, персональные контакты западных и российских учёных сохранились (Paukkunen, Black 2024). Таким образом, в рамках научной дипломатии стала реализовываться логика «науки для дипломатии», позволяющая поддерживать научную коммуникацию по вопросам изменения климата, сохранения биоразнообразия и арктической экосистемы.

Климатическая повестка занимает центральное место в арктическом научном сотрудничестве, поскольку климатические изменения в Арктике происходят в несколько раз быстрее, чем в среднем на планете. Одновременно проблема изменения климата высветила стратегическое значение региона с точки зрения разведки и добычи природных ресурсов не только для арктических государств, но и для стран, географически удалённых от Арктики. Интересы азиатских государств, получивших статус наблюдателей в Арктическом совете в 2013 г., – Китая, Индии, Южной Кореи, Японии и Сингапура – особенно отчётливо

²⁷ Norway-EU Science Diplomacy Network: Science Diplomacy Strategy and Practice for Arctic, Russia, UN, and Ocean Policy. *The Research Council of Norway*. URL: <https://prosjektbanken.forskingsradet.no/en/project/FORISS/322595> (accessed 12.04.2026).

проявляются в геоэкономическом измерении. Их присутствие дополнительно обозначило разделение государств на две геополитические группы – НАТО и БРИКС. Однако роль обеих групп в Арктическом совете пока остаётся неясной: они могут как усиливать разрыв между Россией и западными странами, так и становиться каналом прямого сотрудничества в рамках инструментария научной дипломатии (Argüello, Rafaly 2023).

Вовлечение большего числа акторов и усиление соперничества в Арктике обострили проблему внешнеполитического позиционирования ЕС. Продвижение научного сотрудничества, предшествующего дипломатическим усилиям, стало одной из ключевых установок общеевропейского подхода. Значительная научная составляющая климатических исследований, а также разработка научно обоснованной стратегии устойчивого управления природными ресурсами должны были стать основанием для получения ЕС формального статуса наблюдателя в Арктическом совете.

На момент подготовки настоящего исследования эта дипломатическая цель достигнута не была. Тем не менее ЕС продолжает активно финансировать арктические исследования и деятельность многочисленных арктических научных станций, тем самым продвигая научную составляющую собственной научной дипломатии (Johansson, Callaghan 2025). Разрушение прежней монолитности Арктического совета и ограничение взаимодействия с Россией негативно сказались на реализации европейского арктического видения. Иными словами, арктическая политика ЕС оказалась затруднена: за Брюсселем сохранился достаточно развитый инструментарий научной дипломатии, однако возможности его использования в общеевропейской внешней политике остаются весьма ограниченными.

Осознавая эти дипломатические ограничения, ЕС сталкивается с трудностями при формировании единого общеевропейского вектора арктической политики. В результате происходит переориентация с нисходящего подхода – от ЕС к государствам-членам – на восходящий подход, при котором арктические европейские государства всё в большей степени задают рамки общеевропейской политики в регионе (Гутенев, Сергунин, Шадрин 2023; Strouk, Maisonobe 2024).

Смена парадигмы научной дипломатии ЕС

Стратегическое видение Европейским союзом своего геополитического положения и подход к научной дипломатии существенно меняются в уже упомянутом докладе Европейской комиссии 2025 г.²⁸. По инициативе Европейской комиссии в 2023 г. было создано несколько рабочих групп, объединивших

²⁸ A European framework for science diplomacy. *European Commission*.

учёных и практиков для переосмысления роли ЕС на международной арене и места научной дипломатии в политике Союза. Доклад «Основы европейской научной дипломатии: рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии» стал важным концептуальным документом, отразившим изменения миропорядка.

Эти изменения связаны с активизацией российской внешней политики в контексте украинского кризиса, особенно после 2022 г., трансформацией китайского экономического влияния в геополитическое, а также наметившимся расколом с некоторыми западными союзниками²⁹. Тенденция к снижению международного значения ЕС обострила вопросы безопасности, суверенитета и стратегической зависимости. В этой связи авторы доклада предлагают рекомендации по включению научной дипломатии во внешнеполитическую стратегию ЕС с учётом новых международных условий.

В докладе подчёркивается, что наука является одним из ключевых компонентов развития европейской и глобальной экономики – от периода географических открытий до современных технологических инноваций. Научные достижения непосредственно влияли на международные отношения, формируя как направления сотрудничества, так и линии соперничества между государствами. В современных геополитических условиях наука и технологии рассматриваются как важный стратегический актив, который необходимо развивать не только для повышения конкурентоспособности, но и для решения проблем, стоящих перед ЕС. Среди таких проблем выделяются преодоление технологического разрыва с США и Китаем в области инновационных технологий, декарбонизация экономики, усиление безопасности и снижение стратегической зависимости ЕС от других государств.

Авторы доклада предлагают развивать научную дипломатию как набор практик и одновременно как устойчивый механизм государственного управления. При этом «наука» понимается широко и включает не только точные и естественнонаучные дисциплины, но и социально-гуманитарное знание. «Дипломатия», в свою очередь, относится к практикам продвижения национальных и глобальных интересов, в том числе через участие в работе международных организаций.

На фоне изменений, происходящих на мировой арене, авторы доклада признают, что геостратегическое соперничество государств в научно-технологической сфере становится одним из ключевых факторов, определяющих не только международный статус государств, но и их национальную безопасность. Понятия «технологическое превосходство» и «суверенитет» входят в научно-практический оборот и становятся для Европейского союза стратегическими

²⁹ Müller J.M. 2024. Building European Science Diplomacy from the Bottom Up. Science & Diplomacy. 17 October. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/building-european-science-diplomacy-bottom> (accessed 12.04.2026).

категориями, прежде всего в сфере безопасности. При этом безопасность понимается достаточно широко: она включает как защиту от внешнего влияния на политику ЕС, так и сохранение технологического преимущества.

В этих условиях акцент научной дипломатии смещается к категории «дипломатия в науке». Это означает усиление роли дипломатической работы в организации международного научного сотрудничества или, напротив, в его ограничении через научно-академические санкции, если продолжение такого сотрудничества воспринимается как угроза европейскому суверенитету и безопасности (Krasnyak, Ruffini 2025). Академические санкции не являются для ЕС новым инструментом. Ещё в 2014 г. ЕС ограничил участие Швейцарии в программе «Горизонт 2020» в ответ на швейцарский референдум, направленный против миграции (Young, Ravinet 2022).

В докладе также подчёркивается, что в последующие пять лет мировое геостратегическое соперничество будет усиливаться. Следовательно, ЕС необходимо занять более проактивную позицию в продвижении собственных стратегических интересов. Поддержка науки и преодоление технологического разрыва с США и Китаем должны помочь ЕС стать одним из мировых лидеров в области исследований и инноваций и усилить его геополитическое влияние. Научная дипломатия, как утверждают авторы доклада, должна соответствовать фундаментальным принципам и ценностям ЕС и одновременно помогать ему маневрировать в условиях меняющихся международных отношений.

Понимание преимуществ и ограничений научной дипломатии в реализации европейских интересов должно соотноситься с пониманием роли науки и инноваций в трансформирующемся миропорядке. В докладе также отмечается, что стратегический вес и геоэкономическое значение соперников ЕС достаточно велики, поэтому только совместные научно-дипломатические усилия всех 27 стран-членов способны повысить эффективность научно-технологического развития Союза. В этой связи стратегическим приоритетом ЕС становится создание единой платформы – интерактивного пространства для диалога, координации и дальнейшего развития компетенций научной дипломатии.

Таким образом, доклад 2025 г., подготовленный ведущими европейскими исследователями и практиками, обозначил переход от идеалистического понимания научной дипломатии к более реалистичному и прагматичному. Намечился также отход от представления о незыблемости международных институциональных принципов взаимодействия в пользу более ситуативного и гибкого подхода. Наука уже не воспринимается исключительно как универсальная основа сотрудничества, направленного на решение глобальных проблем. Напротив, наука и инновационно-технологическое развитие всё чаще рассматриваются одновременно как актив и как инструмент конкуренции, позволяющий укреплять лидерские позиции и сдерживать соперников.

В этой связи академические санкции Европейского союза, направленные против России, вписываются в новый формат научной дипломатии как

средство сдерживания геостратегического соперника. Иными словами, если ограничение научных связей наносит ущерб государству-сопернику, то научно-дипломатические цели в такой логике считаются достигнутыми. Происходит своеобразная вепонизация научной дипломатии: в связке «наука – дипломатия» наука сохраняет ключевое значение, однако всё более явно действует в фарватере политико-дипломатических интересов. При этом «мягкая сила» научной дипломатии дополняется элементами «жёсткой силы» в виде научно-академических санкций. Основные тенденции эволюции научной дипломатии ЕС отражены в Таблице 1.

Таблица 1. Эволюция институциональных основ и задач научной дипломатии ЕС
Table 1. Evolution of the Institutional Foundations and Objectives of EU Science Diplomacy

Год	Институциональная база	Принципы и задачи научной дипломатии	Механизмы реализации
2012	Доклад ЕК «Укрепление международного сотрудничества ЕС в области исследований и инноваций: стратегический подход»	Научная дипломатия рассматривается как инструмент «мягкой силы», поддержки внешней политики ЕС, укрепления отношений с ключевыми странами и регионами, повышения привлекательности европейской науки, экономического процветания, промышленной конкурентоспособности и ответа на глобальные вызовы.	Программы «Европа 2020» и «Горизонт 2020».
2016	Доклад ЕК «Открытые инновации, открытая наука, открытость миру: видение Европы»	Закрепляется понимание научной дипломатии как инструмента интернационализации научной политики, продвижения международного научно-технического сотрудничества, лидерства ЕС в глобальных исследованиях и поддержки внешнеполитических целей Союза.	Программа «Горизонт 2020»; исследовательские проекты S4D4C, InsSciDE, EL-CSID.
2019	Мадридская декларация научной дипломатии	Научная дипломатия формулируется в рамках либеральной парадигмы: акцент делается на демократических ценностях, открытой науке, международном сотрудничестве и решении глобальных проблем современности.	Разработка унифицированных образовательных модулей; подготовка специалистов в области научной дипломатии.
2020	Доклад ЕК «Стратегический форум для международного научно-технического сотрудничества»	Научная дипломатия определяется как направление стратегического позиционирования ЕС на международной арене. Подчёркивается необходимость научно обоснованной внешней политики, развития научно-консультативных механизмов и включения научной экспертизы в политические процессы ЕС и его представительств.	Формирование сети атташе по науке и технике и советников по науке; создание Альянса научной дипломатии ЕС на основе объединения S4D4C, InsSciDE и EL-CSID; развитие образовательных программ; подготовка научных дипломатов; проведение исследований, подготовка докладов и политических рекомендаций.

2025	Доклад ЕК «Основы европейской научной дипломатии: рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии»	Научная дипломатия переосмыслиется в контексте геополитической конкуренции, стратегической автономии и технологического суверенитета ЕС. На первый план выходят преодоление технологического разрыва с США и Китаем, развитие инновационных технологий, декарбонизация экономики, усиление безопасности, технологическое превосходство и защита европейских интересов. Наряду с «мягкой силой» усиливаются элементы «жёсткой силы» и вепонизации научной дипломатии.	Активизация деятельности атташе по науке и технике и советников по науке; использование академических санкций; развитие образовательных программ и тренингов; координация научно-технических возможностей стран ЕС для достижения стратегических целей.
------	---	--	---

Заключение

Таким образом, в становлении и развитии научной дипломатии ЕС можно выделить несколько направлений, которые в целом соответствуют эволюции системы международных отношений. В 2000-е гг., в условиях либеральной глобализации, научная дипломатия позиционировалась как универсальный инструмент продвижения международного научного сотрудничества. Такое сотрудничество рассматривалось как необходимое условие достижения целей устойчивого развития, решения глобальных проблем современности и распространения либеральных ценностей, включая защиту прав человека, феминизм и инклюзивность. Эти установки нашли отражение в докладе Европейской комиссии 2012 г., где научная дипломатия впервые была упомянута в контексте внешнеполитического позиционирования ЕС. К моменту подготовки и подписания Мадридской декларации 2019 г. работа по институционализации научной дипломатии стала более системной: сначала она была включена в стратегию «Европа 2020», затем – в программу «Горизонт 2020». Создание трёх исследовательских групп с участием учёных, дипломатов и экспертов, а затем их объединение в Альянс научной дипломатии ЕС подтвердили намерение Европейской комиссии продвигать научную дипломатию как самостоятельный внешнеполитический инструмент.

Как показал анализ практик использования научной дипломатии – проекта СЕЗАМЕ и научного сотрудничества в Арктике, – международная акторность ЕС имеет существенные ограничения. Системные политические факторы, определяющие взаимодействие национальных государств, оказались сильнее возможностей наднационального образования и выявили уязвимость внешнеполитического позиционирования ЕС. Сосредоточившись на развитии сети научных атташе и научных советников, а также на разработке образовательных модулей для подготовки научных дипломатов, ЕС переориентировался на более предметные задачи. В их числе – преодоление стратегической

зависимости и достижение технологического суверенитета, что нашло отражение в докладе по научной дипломатии 2025 г. Поскольку решение подобных задач традиционно характерно прежде всего для национальных государств и в меньшей степени для интеграционных объединений, можно предположить, что ЕС предпринимает попытку более глубокой институционализации научной дипломатии с целью унификации стратегии, реализуемой непосредственно Европейской комиссией.

Оценить эффективность использования научной дипломатии во внешней политике ЕС пока сложно. Однако координация исследовательской активности государств-членов для решения предметных задач и ситуативное объединение научно-технических возможностей европейских научных институтов выглядят вполне достижимыми. В этих условиях возрастает роль сети атташе по науке и научных советников, поскольку именно они призваны не только координировать работу соответствующих акторов научной дипломатии внутри ЕС и за его пределами, но и оценивать качество научной интеграции и исследований, необходимых для решения конкретных задач. Универсализация научного знания и представление о глобальном охвате научной дипломатии достаточно быстро сменились более прагматичным политико-дипломатическим ориентированием ЕС: если не на достижение глобального лидерства, то по крайней мере на стремление не оказаться на периферии научно-технологического прогресса.

Об авторе:

Ольга Александровна Красняк – кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 109028, Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3.
E-mail: okrasnyak@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327(4-672EC):001.83
Received: 02 February 2026
Accepted for publication: 25 March 2026

EU science diplomacy as a tool of strategic autonomy

 O.A. Krasnyak
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-24-46](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-24-46)

HSE University

Abstract: This article examines European Union science diplomacy as an instrument of external action aimed at strengthening the EU's international actorness, strategic autonomy, and technological sovereignty. It argues that EU science diplomacy is undergoing a significant transformation: from a liberal-normative model centered on international scientific cooperation, soft power, and global public goods toward a more strategic and geopolitical model shaped by technological competition, security concerns, and the fragmentation of the international order.

The article identifies the conceptual and institutional foundations of EU science diplomacy and assesses their role in the broader evolution of EU foreign policy. Methodologically, the study is grounded in institutionalism, which allows science diplomacy to be analyzed as a developing system of norms, strategic documents, organizational structures, expert networks, and practices formed under the auspices of the European Commission. The empirical basis includes European Commission documents, reports of EU working groups on science diplomacy, materials related to Horizon 2020 and Horizon Europe, initiatives of the EU Science Diplomacy Alliance, and relevant academic literature.

The article examines two contrasting cases: the SESAME synchrotron project in Jordan and scientific cooperation in the Arctic. SESAME illustrates the liberal logic of "science for diplomacy," where research infrastructure is expected to promote dialogue and confidence-building in a conflict-prone region. The Arctic case, by contrast, shows science diplomacy as a tool of strategic positioning in a region where scientific knowledge is closely linked to climate governance, natural resources, security, sanctions, and geopolitical rivalry.

The article concludes that EU science diplomacy can no longer be understood solely as a form of soft power or international cooperation. It is increasingly becoming a mechanism for consolidating the EU's geopolitical subjectivity, technological sovereignty, and strategic autonomy in a fragmented world order.

Keywords: science diplomacy, EU foreign policy, scientific and technical cooperation, SESAME, Arctic cooperation, technological sovereignty

About the author:

Olga A. Krasnyak – Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of theory of law and comparative law, Faculty of law, HSE University. 3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Pereulok, Moscow, 109028. E-mail: okrasnyak@hse.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abrantes M., Vaz-Pinto R. 2024. Science Diplomacy in the European Union: Mapping the Portuguese Case (1986–2021). *Humanities & Social Sciences Communications*. 11(1). P. 1–18. DOI: 10.1057/s41599-024-04102-1
- Argüello G., Rafaly V. 2023. Science Diplomacy and Asian States: Transforming the Governance Landscape in the Arctic. *Polar Record*. 59(e41). P. 1–10. DOI: 10.1017/S0032247423000281
- Berkman P. et al. 2017. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. *Science*. 358(6363). P. 596–598. DOI: 10.1126/science.aaq0890
- Berkman, P. A. 2019. Evolution of Science Diplomacy and Its Local-Global Applications. *European Foreign Affairs Review*. 24. P. 63-80.
- Everett K., Halašková B. 2022. Is It Real? Science Diplomacy in the Arctic States' Strategies. *Polar Record*. 58(e27). P. 1–14. DOI: 10.1017/S0032247422000183
- Fährnich B. 2017. Science Diplomacy: Investigating the Perspective of Scholars on Politics – Science Collaboration in International Affairs. *Public Understanding of Science*. 26(6). P. 688–703. DOI: 10.1177/0963662515616552
- Flink T., Schreiterer U. 2010. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*. 37(9). P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530
- Galluccio M. 2021. *Science and Diplomacy: Negotiating Essential Alliances*. Springer: Cham.
- Johansson M., Callaghan T.V. 2025. The Rise and Fall of Science Diplomacy in the Arctic: The “Interact” Experience. *Polar Record*. 61(e8) P. 1–10. DOI: 10.1017/S0032247425000014
- Krasnyak O., Ruffini P.-B., 2025. Science Diplomacy and Scientific Sanctions against Russia. *Russia in Global Affairs*. 23(3). P. 141–148. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-3-141-148
- Lane P. 2013. *French Scientific and Cultural Diplomacy*. The UK: Liverpool University Press.
- Langenhove L. 2017. *Tools for an EU Science Diplomacy*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- López de San Román A., Schunz S. 2018. Understanding European Union Science Diplomacy. *Journal of Common Market Studies*. 56(2). P. 247–266. DOI: 10.1111/jcms.12582
- Melchor L. 2020. What Is a Science Diplomat? *The Hague Journal of Diplomacy*. 15(3). P. 409–423. DOI: 10.1163/1871191X-BJA10026
- Paukkunen S., Black J. 2024. Arctic Cooperation with Russia: at What Price? *International Affairs*. 100(6). P. 2637–2648.
- Ruffini P.-B. 2022. Ministries of Foreign Affairs and the Challenge of Science Diplomacy. *Ministries of Foreign Affairs in the World*. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff. P. 228–250. DOI: 10.1163/9789004505889_011
- Ruffini P.-B. 2023. Science Counselors of the European Union – a Case Study of Science Diplomacy. *Diplomatica*. 5(1). P. 95–120. DOI: 10.1163/25891774-bja10093
- Rungius C., Flink T., Riedel S. 2022. SESAME – a Synchrotron Light Source in the Middle East: An International Research Infrastructure in The Making. *Open Research Europe*. 1(51). P. 1–34. DOI: 10.12688/openreseurope.13362.2
- Saric J., Bretzler A., Breu T. et al. 2025. Swiss Science Diplomacy: Exploring Strategies, Instruments, Current Priorities, and the Role of International development cooperation. *Science and Public Policy*. 52(2). P. 298–316. DOI: 10.1093/scipol/scae091
- Strouk M., Maisonobe M. 2024. Field Science and Scientific Collaboration in the Svalbard Archipelago: Beyond Science Diplomacy. *Science and Public Policy*. 51(5). P. 780–794. DOI: 10.1093/scipol/scae012

Young M., Ravinet P. 2022. Knowledge Power Europe. *Journal of European Integration*. 44(7). P. 979–994. DOI: 10.1080/07036337.2022.2049260

Gutenev M. 2021. Nauchnaya diplomatiya kak instrument dostizheniya vneshnepoliticheskikh celej [Science Diplomacy as a Tool or Archiving Foreign Policy Goals]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(6). P. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127 (In Russian)

Gutenev M., Sergunin A., Shadrina O. 2023. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya stran Severnoj Evropy [Arctic Science Diplomacy of the Nordic Countries]. *Sovremennaya Evropa*. №2. P. 19–31. DOI: 10.31857/S020170832302002X (In Russian)

Reinhardt R. 2021. Rossijskaya nauchnaya diplomatiya na rasput'e: pozitivnyj i normativnyj analiz [Russian Science Diplomacy at a Crossroads]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(2). P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106 (In Russian)

Rainkhardt R., Mozebach V. 2017. Deyatel'nost' attashe po nauke: Otechestvennyye i zarubezhnyye praktiki [Science Attache's Work: Russian and Foreign Practices]. *Chelovecheskiy kapital*. 12(108). P. 28–33. DOI: 10.25629/HC.2017.12.06 (In Russian)

Sachuk G. 2008. Rossijsko-Norvezhskoye sotrudnichestvo [Russian-Norwegian cooperation]. *Vestnik Instituta Geologii*. №9. P. 6–9. (In Russian)

Shestopal A.V., Litvak N.V. 2016. Nauchnaya diplomatiya. Opyt sovremennoj Francii [Science Diplomacy: French Experience]. *MGIMO Review of International Relations*. 5(50). P. 106–114. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-106-114 (In Russian)

Список литературы на русском языке

Гутенёв М. 2021. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(6). С. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127

Гутенев М.Ю., Сергунин А.А., Шадрина О.Н. 2023. Арктическая научная дипломатия стран Северной Европы. *Современная Европа*. 2. С. 19-32. DOI: 10.31857/S020170832302002X

Райнхардт Р.О. 2021. Российская научная дипломатия на распутье: позитивный и нормативный анализ. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(2). P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106

Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. 2017. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики. *Человеческий капитал*. 12(108). С. 28–33. DOI: 10.25629/HC.2017.12.06

Сачук Г. 2008. Российско-норвежское сотрудничество. *Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН*. №9. С. 6–9.

Шестопал А.В., Литвак Н.В. 2016. Научная дипломатия. Опыт современной Франции. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(50). С. 106–114. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-106-114

Национальные особенности освещения Карибского кризиса в западноевропейской прессе

Г.С. Филаткина, П.А. Киреева, М.Г. Маслина, М.Д. Пуцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена исследованию подходов прессы трёх европейских стран – Великобритании, Франции и Испании – к освещению Карибского кризиса 1962 г. Несмотря на то, что эти государства не были непосредственными участниками ракетного кризиса, их ведущие издания (*The Guardian*, *The Telegraph*, *Le Monde*, *Le Figaro*, *ABC*, *La Vanguardia Española*) уделяли ему значительное внимание, формируя у своих аудиторий картину одного из самых опасных эпизодов Холодной войны. В ходе контент-анализа 493 публикаций в настоящем исследовании были систематизированы данные об авторском корпусе, выявлена жанровая специфика текстов, особенности их визуального сопровождения, основные характеристики источниковой базы, а также редакционные приоритеты в представлении позиций стран – участниц конфликта и инструменты формирования отношения аудитории европейской прессы к Карибскому кризису. Сравнительный анализ полученных данных позволил определить специфику редакционных подходов ведущих европейских изданий. Британские газеты *The Guardian* и *The Telegraph* демонстрировали рационально-критический подход. Уделяя большее внимание освещению позиции США, редакции одновременно предоставляли площадку для читательской дискуссии, содержавшей критику действий администрации Дж. Кеннеди. Формирование негативного образа Советского Союза шло не за счёт экспрессивной тональности, а с помощью логической аргументации и риторических приёмов. Французские газеты *Le Monde* и *Le Figaro* опирались на институциональную оптику в осмыслении кризиса, привлекая экспертные оценки, позволяющие разобраться в возможных последствиях кризиса для европейской безопасности. В большинстве публикаций *Le Monde* и *Le Figaro* отражали американскую позицию, однако в первые дни Карибского кризиса издания предпринимали попытку осветить все три стороны конфликта. Экспрессивное освещение событий на Кубе характерно для испанских газет *ABC* и *La Vanguardia Española*. Откровенный антикоммунистический настрой франкистской Испании способствовал ярким и безапелляционным оценкам кубинского лидера, несмотря на историческую и культурную близость Испании с Кубой. Полученные результаты позволяют зафиксировать дихотомию «солидарность – суверенитет» в функционировании западной прессы периода Холодной войны. С одной стороны, европейские СМИ, действуя в логике поддержания биполярной системы, демонстрировали солидарность со своим союзником, ретранслируя

УДК: 327.5(729.1)"1962":070(4–15)
Поступила в редакцию: 18.09.2025
Принята к публикации: 23.03.2026

преимущественно нарратив американской стороны. С другой стороны, ярко проявилась дифференциация национальных редакционных стратегий, обусловленная историческими приоритетами и актуальными задачами внешней политики каждой страны.

Ключевые слова: Карибский ракетный кризис, СССР, США, Куба, европейская пресса, ядерное оружие, Холодная война, противостояние сверхдержав

Карибский кризис 1962 г. был периодом чрезвычайно напряжённого политического, дипломатического и военного противостояния между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки. В историю международных отношений Карибский кризис вошёл как один из самых острых конфликтов периода Холодной войны, поскольку страны-участницы оказались очень близки к полномасштабной войне с применением ядерного оружия. Этот эпизод исторически анализировался прежде всего через призму действий двух сверхдержав и их непосредственного участника – Кубы, что вполне закономерно. Как отмечал британский историк Эрик Хобсбаум, к началу 1960-х гг. сложилась ситуация, когда «раздражённые и самоуверенные США противостояли самоуверенному и раздражённому Советскому Союзу» (Хобсбаум 2004: 263–264). Однако конфликт имел глобальное измерение, вызывая острую реакцию по обе стороны Атлантики. Карибский кризис глубоко затрагивал интересы европейских союзников США, которые в октябре 1962 г. оказались в роли внимательных и тревожных наблюдателей, чья безопасность была поставлена на карту.

В современном научном и медийном дискурсе на фоне новой геополитической напряжённости вновь актуализируется интерес к урокам Карибского кризиса¹. Его осмысление выходит за рамки историографии, находя отражение в исследованиях современной дипломатии (Кодзоев 2023) и даже массовой культуры (Белов 2023). При этом, несмотря на обширную литературу, посвящённую кризису, остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как конфликт воспринимался и осмыслялся в странах, не являвшихся его непосредственными участниками, но оказавшихся в зоне его стратегических последствий. Работы, в которых затрагивается роль СМИ в этом конфликте, чаще фокусируются на прессе СССР и США, используя материалы изданий в основном в целях описания Карибского кризиса как исторического периода, а не для отдельного анализа моделей медийной репрезентации конфликта (Анпилова 2018).

¹ Например, Карибскому кризису 60 лет. Как мир избежал ядерной войны и какие параллели с конфликтом на Украине. RTVI. 17.10.2022. URL: <https://rtvi.com/stories/karibskomu-krizisu-60-let-kak-mir-izbezhil-yadernoj-vojni-i-kakie-paralleli-s-konfliktom-na-ukraine/> (дата обращения: 26.03.2026); Crise des missiles à Cuba: en 1962, le monde frôlait la guerre nucléaire. *Le Figaro*. 22.10.2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/histoire/archives/crise-des-missiles-a-cuba-en-1962-le-monde-frolait-la-guerre-nucleaire-20221022> (accessed 26.03.2026).

Данное исследование ставит своей целью восполнить существующий пробел, выявив и сопоставив редакционные стратегии ведущей прессы трёх европейских стран – Великобритании, Франции и Испании – в освещении Карибского кризиса. Поставленная цель позволяет ответить на вопросы, каким образом крупнейшие издания Великобритании, Франции и Испании, служившие важным источником информирования как широкой общественности, так и политических элит, преподносили своей аудитории информацию о Карибском кризисе, подходили ли они к освещению событий на Кубе объективно, представляя все стороны конфликта, как оценивали издания действия СССР, США и Кубы и их политических представителей, какие риски для своих стран и Европы в целом они видели в ходе развития кризисной ситуации, какие варианты урегулирования кризиса могли предложить.

Гипотеза исследования состоит в том, что медиарепрезентация событий на Кубе 1962 г. в прессе стран-наблюдателей носит более дистанцированный характер, выражающийся в стремлении обеспечить всестороннее освещение конфликта с опорой на институциональные источники информации, меньшей асимметрии в представлении СССР и США и сниженной доле экспрессивных оценок по сравнению с прессой стран – участниц конфликта. При этом, понимая, что рассматриваемые страны выступали на стороне США в геополитическом противостоянии СССР, особый интерес для исследовательского коллектива представляло выявление как общих черт «союзнического» освещения конфликта, так и специфических особенностей национальных редакционных стратегий, которые ведущие издания Великобритании, Франции и Испании демонстрировали при осмыслении роли европейских государств в мире на фоне усиливавшейся конфронтации.

Теоретическая основа исследования

Характер двусторонних отношений СССР с США был одним из факторов, определявших миропорядок в прошлом столетии, что не могло не сказываться на динамике интереса зарубежных журналистов к теме противостояния двух сверхдержав в политической, военной, экономической и других областях. Экономика играла решающую роль: США использовали рыночную модель, тогда как Советский Союз – плановую экономику. Обе державы формировали свою экономическую сферу влияния, превращая глобальное соперничество в противостояние двух экономических систем – капиталистической и социалистической.

Одним из наиболее острых и драматичных проявлений этого соперничества стал Карибский кризис 1962 г., который и по сей день представляет неизменный интерес как для отечественных, так и для зарубежных специалистов-международников, регионоведов и военных историков. Карибскому кризису посвящено большое количество научных и научно-популярных работ. Если

обращаться к отечественной академической литературе, одним из фундаментальных трудов можно назвать «Анатомию Карибского кризиса» историка-латиноамериканиста и одновременно свидетеля событий на Кубе С.А. Микояна, в котором широко представлены ранее публиковавшиеся, а также впервые вводимые в научный оборот документальные источники (Микоян 2006). Отдельно следует упомянуть книгу Маршала Советского Союза, ещё одного участника событий Д.Т. Язова «Карибский кризис: 50 лет спустя» (Язов 2015), в которой, помимо скрупулезного военного анализа сложившейся ситуации, представлены позиции трёх ключевых участников кризиса и даны взвешенные оценки его последствий. Анализ советских и американских архивных материалов и рассекреченных документов о кризисе, а также интервью с участниками событий на Кубе представлены в совместной работе российского и американского историков А.А. Фурсенко и Т. Нафтали «Адская игра» (Фурсенко, Нафтали 2001). Авторам удалось детально проследить этапы развития кризиса, обозначить комплекс вызвавших его причин. В книге, в частности, отмечается, что Советский Союз хотел не только защитить Кубу от американцев, но и изменить соотношение ядерных сил с США. Конкретным аспектам конфликта вокруг Кубы посвящена работа Ф.И. Ладыгина и В.И. Лоты «ГРУ и Карибский кризис. Секретная хроника опасной конфронтации», в которой прослеживается деятельность советской военной разведки накануне Карибского кризиса и её роль в урегулировании конфронтации (Ладыгин, Лота 2012). В монографии Д.Е. Горовцова «Эволюция советско-американских отношений и Карибский кризис 1962 года» одно из самых напряжённых событий Холодной войны рассматривается сквозь призму долгосрочного развития советско-американских отношений (Горовцов 1996).

Выбор научным коллективом публикаций прессы Великобритании, Франции и Испании в качестве эмпирического материала обусловлен несколькими причинами. Эти страны занимали неоднозначную позицию во время событий на Кубе, с одной стороны, принципиально придерживаясь внешнеполитической линии США, а с другой стороны – выражая определённое несогласие с действиями американской администрации во время Карибского кризиса, последствия которых затрагивали национальные интересы всех трёх стран – наблюдателей конфликта.

Великобритания как ближайший союзник США и член НАТО, обладающий ядерным потенциалом, занимала ключевую позицию в международных отношениях во время Карибского кризиса. Лондон выступал за выведение с Кубы советских ракет, но, вместе с тем, предложения США британской стороне задействовать для «блокадного карантина» Кубы части британского ВМФ, дислоцированные на Ямайке, Багамах и Каймановых островах, не получили поддержки у Великобритании. В тот период советско-британские дипломатические отношения, несмотря на торговые контакты, находились в состоянии крайней напряжённости. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан

вёл активную переписку с Н.С. Хрущёвым и Дж. Кеннеди, выступая за мирное урегулирование ракетного кризиса (Baylis, Eames 2023).

Внешняя политика Франции в начале 1960-х гг. была отмечена рядом важных изменений. В 1962 г. завершилась война в Алжире, начался новый этап внешней политики страны под руководством Ш. де Голля, который пытался проводить независимый внешнеполитический курс, направленный на снижение зависимости Франции от Соединённых Штатов и укрепление европейской интеграции. Эти усилия делали Францию уникальной среди западных союзников США страной, которая, будучи членом НАТО, создавала альтернативную точку опоры в Западной Европе вне прямого контроля со стороны Вашингтона. Де Голль, несмотря на недовольство западных союзников, стремился укреплять сотрудничество с Советским Союзом в области торговли, науки, культуры (Корсакова 2006). Однако отношения Франции с СССР в начале 1960-х гг. осложняла поддержка последним Алжира в его борьбе за независимость. Кроме того, Карибский кризис, вызвавший широкое обсуждение вопросов ядерного вооружения и контроля над ним, был важен для французской прессы, стремившейся играть активную роль в проведении дебатов о ядерном контроле в контексте стремления Парижа развивать собственную ядерную программу.

В начале 1960-х гг. Испания, находившаяся под управлением Франсиско Франко, также выступала союзником США. Ещё в 1953 г. между странами был заключён Мадридский пакт об обороне, экономической помощи и помощи в целях взаимной обороны. Пакт легализовал размещение на территории страны американских военных баз, обеспечив поддержку франкистскому режиму. В начале 1960-х гг., несмотря на наличие торговых контактов, Испания не поддерживала дипломатических отношений с Советским Союзом; официальное установление двусторонних отношений произошло только в 1977 г. (Филатов 2017). В отношении Кубы Испания занимала двоякую позицию. С одной стороны, Мадрид категорически не поддерживал коммунистический режим и правительство во главе с Фиделем Кастро. Однако, с другой стороны, Испания продолжала торговать с Кубой, несмотря на введённую США блокаду острова. Испания имела «сентиментальные интересы» на Кубе, где проживало немало испанских семей или потомков испанцев. Мадриду было важно продемонстрировать значимость латиноамериканского фактора в своей внешней политике.

Упомянутые аспекты внешней политики Великобритании, Франции и Испании находили отражение на страницах национальной прессы, что представляет большой интерес при исследовании Карибского кризиса. Проведённый ранее научным коллективом обзор исследований (Филаткина, Маслина, Пуцева, Киреева 2023), опубликованных за последние 15 лет в ведущих научных журналах на английском, французском, немецком и испанском языках, показал, что роль европейских СМИ в информационном противостоянии между западным блоком стран, возглавляемым США, и восточным во главе с СССР в период Холодной войны изучена крайне слабо и, как правило, выступает

фоном, на котором рассматриваются конкретные исторические события или политические обострения указанной эпохи.

Карибский кризис 1962 г. широко освещался мировыми СМИ (Miller, Vokemper 2016), но в академическом дискурсе преобладают исследования информационной политики советских и американских СМИ – стран, непосредственно вовлечённых в конфликт вокруг размещения ядерного оружия на Кубе (Graham 1998; Winter 2003; Анпилова 2018; Бондарь 2021; Кускова 2016). Примечательно, что содержание кубинских СМИ во время кризиса изучено фрагментарно. В немногочисленных работах по этой теме отмечается, что в период напряжённого противостояния двух сверхдержав кубинское радио и телевидение передавали выступления Фиделя Кастро, который разъяснял соотечественникам позицию Кубы. Кубинская пресса – газеты *Ной*, *Revolución*, *Vanguardia*, *Venceremos* и другие – информировала жителей острова о ходе событий, осуществляла свою социальную функцию, обращаясь к мужеству и патриотизму кубинского народа, мобилизуя массы на случай военной агрессии со стороны Соединённых Штатов (Villaescusa Padrón 2015: 104).

Роль широкого и влиятельного европейского медийного пространства в освещении кубинских событий 1962 г. не привлекает внимания исследователей. Среди научных работ, для которых специфика освещения одного из крупнейших геополитических кризисов XX в. в британских медиа стала основным объектом исследовательского интереса, можно отметить главу «BBC и кубинский ракетный кризис: частные миры и общественное вещание», подготовленную официальным историком BBC Джин Ситон и бывшим продюсером телекомпании Розалин Хьюз для монографии «Международная история Кубинского ракетного кризиса: 50-летняя ретроспектива» (Seaton, Hughes 2014). По мнению авторов, BBC в период Карибского кризиса продвигала среди британцев идею, что их страна занимает позицию стороннего наблюдателя в противостоянии между Москвой и Вашингтоном. Реакция британских газет на события вокруг Кубы характеризуется рядом исследователей медиа как замедленная: в октябре 1962 г. крупнейшие издания в основном были сосредоточены на пограничном конфликте между Китаем и Индией, события в Карибском бассейне начали освещаться со значительным опозданием и сразу с этапа наивысшей эскалации (Seaton, Hughes 2014; Wang 2023). Множество других исследований, посвящённых анализу действий правительства Великобритании и, в частности, их PR-сопровождения в ходе Карибского кризиса, ссылаются на публикации британских СМИ, но они выступают в этих работах вспомогательным материалом, а не самостоятельным эмпирическим объектом (Boyle 1996; Catterall 2012; Cohen 2020).

Франкоязычный научный дискурс предметно не рассматривает специфику освещения Карибского кризиса во французских средствах массовой информации. В целом прослеживается тенденция фрагментарного обращения к теме информационного противоборства Советского Союза и Соединённых Штатов

во время Холодной войны (Bacot 2008; Oustinoff 2019; Ramos 2016). Советско-американскую информационную конфронтацию французские исследователи рассматривают преимущественно на примере телевизионного и кинематографического контента, материалы прессы и радио в этом аспекте практически не изучаются (Chenille 2011; Oustinof 2019; Feigelson 2019; Chomentowski 2016).

Особенности освещения Карибского кризиса в испанских СМИ также исследованы недостаточно. Среди научных трудов можно встретить работы, авторы которых обращаются к различным этапам Холодной войны в контексте испанской внешней политики (Marín Escobar 2016; Uceda García 2021); особенностям европейско-испанских и американо-испанских отношений в период франкизма (del Rey Vicente 2020); советской внешней политике во время Карибского кризиса (Ramies 2014). При этом исследовательская оптика обращена в большей степени к начальному (конец 1940-х–1960) и заключительному (1979–1990) периодам Холодной войны и отражению ключевых событий этих этапов в испанских СМИ. Последовательный анализ хронологии Карибского кризиса в испанской прессе находим лишь в работе Альваро Флейтеса Маркоса (Fleites Marcos 2019). На основе качественного анализа контента испанских газет *ABC*, *La Vanguardia*, *Hoja del Lunes*, *Blanco y Negro*, *Mundo Obrero*, *Voluntad*, *Imperio* автор прослеживает, как Мадрид использовал национальную прессу для отражения своей внешнеполитической позиции в отношении кризиса. В статье сделан вывод, что через прессу Испания осудила Карибский кризис, выставив себя союзником Вашингтона. Официальные испанские газеты выражали сожаление о том, что Соединённые Штаты не воспользовались ситуацией для свержения кубинского правительства во главе с Фиделем Кастро. Оппозиционная пресса, представленная газетой *Mundo Obrero*, поддержала Советский Союз, защитивший Кубу от вторжения, и выступила против империалистической политики США, напомнив читателям о размещении на территории Испании американских военных баз.

Таким образом, обзор литературы позволяет сделать вывод о недостаточном уровне изученности специфики информационного освещения европейской прессой Карибского кризиса. Данное исследование призвано восполнить этот пробел путём выявления особенностей освещения и механизмов формирования представлений европейской общественности о драматических событиях октября 1962 г., в ходе которых политическое, военное, дипломатическое напряжение между СССР и США достигло своего пика.

Настоящее исследование отличается от других по нескольким параметрам. Во-первых, оно сосредоточено на анализе непосредственно информационного сопровождения Карибского кризиса в печатных СМИ, которые в XX в. были востребованными источниками информации и мнений о мировых событиях как для широкой общественности, так и для политических элит. Во-вторых, данная работа носит кросснациональный характер, поскольку базируется на сравнительном анализе материалов печатных изданий трёх стран

европейского региона – Великобритании, Франции и Испании – по единой исследовательской программе.

Эмпирическая база и методика исследования

СМИ традиционно принято рассматривать как один из инструментов реализации внешней политики государства, чья роль становится заметнее в период военных конфликтов (Тюкаева 2017). Одна из первых и самых влиятельных работ, посвящённых исследованию этой проблематики на значительном объёме эмпирического материала, принадлежит Гарольду Лассуэллу (Lasswell 1927). В его классическом труде «Техника пропаганды в мировой войне» на примере Первой мировой войны представлен анализ информационного воздействия на общественное мнение в условиях военного кризиса, а также показаны возможности применения метода количественного контент-анализа для исследования вопросов реализации информационной политики в международных отношениях.

Как отмечал Бернارد Берельсон (Berelson 1952), контент-анализ является гибким методом, применяемым для решения широкого круга исследовательских задач. Этот метод позволяет описать содержательные и формальные характеристики сообщений, а также сделать выводы относительно производителей контента и его потенциального влияния на аудиторию. В данной работе при обращении к публикациям европейской прессы был применён комплексный подход к выбору критериев контент-анализа. В кодификатор включены как устоявшиеся, «традиционные» категории, которые широко используются для анализа формальных признаков медиатекстов (Федотова 2001; Фомичёва 2007), так и специфические критерии, разработанные авторами для решения задач конкретного исследования. Из перечня «традиционных» использовались жанр публикации, особенности визуального сопровождения текста, тип автора текста, упомянутые в материале источники информации. Тип автора текста связан с таким критерием, как жанр публикации. В то же время он свидетельствует о том, какими источниками – первичными (оригинальные данные, фотографии, снятые в момент происшествия, интервью с участниками события, свидетельства очевидцев, официальные документы) или вторичными (материалы других СМИ, экспертные мнения, аналитические обзоры, помогающие в анализе и понимании контекста) – пользовался автор при подготовке материала. Это особенно важно, когда речь идёт о публикациях собственных корреспондентов изданий, базирующихся в странах – участницах конфликта и имеющих доступ к первичным источникам. В таких материалах читателю предоставляется, как правило, эксклюзивная информация, а само СМИ выигрывает у конкурентов за счёт оригинальности своего контента.

Специфические критерии разрабатывались для выявления инструментов формирования отношения аудитории к Карибскому кризису: наличие

оценочных коннотаций в заголовочном комплексе, представленность в материале разных позиций конфликта, наличие в публикациях метафор, сравнений, стереотипов и клише.

Таким образом, разработанный коллективом кодификатор контент-анализа помог систематизировать данные об авторском корпусе, обеспечивавшем освещение кризиса крупнейшими изданиями Великобритании, Франции и Испании, выявить жанровую палитру публикаций, особенности их визуального сопровождения, определить основные характеристики источниковой базы в журналистских материалах и редакционные приоритеты в представлении позиций стран, вовлечённых в конфликт.

Для выявления особенностей освещения ситуации вокруг Кубы в британской прессе было решено обратиться к материалам газет *The Guardian* и *The Telegraph*, во французской прессе – к текстам *Le Figaro* и *Le Monde*, в испанской – к *ABC* и *La Vanguardia Española*.

Выбранные британские издания *The Guardian* (газета леволиберальной ориентации) и *The Telegraph* (газета, отстаивающая интересы консерваторов) – это лидирующие общественно-политические ежедневные газеты, их влияние распространяется за пределы страны на всё англоязычное пространство. За годы своего существования (*The Guardian* была основана в 1821 г., *The Telegraph* – в 1855 г.) газеты заработали репутацию надёжных и качественных источников. В 1961 г. выбранные для анализа британские газеты входили в тройку ведущих общественно-политических изданий страны по тиражу: *The Telegraph* обладала крупнейшим тиражом в 1248 тыс. экз., *The Guardian*, чей тираж составлял 245 тыс. экз., занимала третью позицию после *The Times* по этому показателю (Беглов 2002: 255).

Французские ежедневные газеты *Le Monde* и *Le Figaro* входят в пул наиболее авторитетных и узнаваемых национальных общественно-политических изданий, в различной мере представляя леволиберальные и либерально-консервативные интересы соответственно. *Le Figaro* – старейшая французская газета, основанная в 1826 г., – в рассматриваемый период считалась «самой левой из правых изданий и самой правой из левых» (Вачнадзе 1969: 75). В послевоенные годы газета заметно расширила аудиторию, к 1962 г. её тираж вырос до полумиллиона экземпляров (Вачнадзе 1969: 77). *Le Monde*, появившаяся в 1944 г., чей тираж в начале 1960-х гг. достигал 200 тыс. экз. (Шарончикова 2014: 44), была «газетой интеллектуальной и политической элиты Франции» (Шарончикова 2014: 45), старалась не вмешиваться в партийную борьбу и стремилась к объективному освещению как внешне-, так и внутривнутриполитических событий. В десятке крупнейших по тиражу ежедневных газет того времени только *Le Monde* и *Le Figaro* были общенациональными качественными аналитическими изданиями, остальные французские газеты относились к массовым или региональным.

В качестве эмпирической базы среди испанской прессы были выбраны

одни из старейших и ведущих по тиражу газет Испании, которые выделялись на фоне других национальных изданий своим широким освещением международных событий (Alferez 1986: 74). Ежедневная газета ABC, выходящая с 1903 г., в 1960-е гг. была одним из ведущих общественно-политических испанских изданий с консервативными промонархическими взглядами. В 1962 г. тираж газеты составлял 200 тыс. экз., что делало её лидером среди испанской прессы по этому показателю (Gunther, Montero, Wert 2000: 31). Ежедневная общественно-политическая газета *La Vanguardia* выпускается с 1881 г. С 1939 по 1978 гг. она носила название *La Vanguardia Española* и отличалась либерально-консервативной политической ориентацией. В 1962 г. её тираж достигал 190 тыс. экз. (Tenorio Maciá 2020: 101).

Кроме высоких тиражных значений, на выбор изданий для анализа повлиял фактор доступности цифровых архивов их номеров за интересующий период. Авторский коллектив использовал оцифрованные архивы периодических изданий.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 16 октября по 31 декабря 1962 г. Началом периода выбрано 16 октября – день, когда президент США Дж. Кеннеди был проинформирован о размещении на Кубе советского ядерного оружия (фотографии баллистических ракет средней дальности были сделаны американским самолётом-разведчиком несколькими днями ранее). Конец хронологического периода совпал с календарным завершением 1962 г., поскольку исследовательский интерес для коллектива представляло не только освещение двухнедельной геополитической напряжённости, но и её аналитическая интерпретация в европейской прессе, продолжавшаяся и после достижения руководством СССР и США договорённостей 28 октября.

Отбор материалов осуществлялся по ключевым словам («Карибский кризис», «ядерный кризис», «ракетный кризис», «блокада Кубы») во всех оцифрованных номерах газет, вышедших за рассматриваемый период, вручную с помощью поисковых систем ресурсов, на которых размещены архивные номера. Перечень ключевых слов был сформирован по результатам пилотажного исследования нескольких номеров газет, вышедших в начале (16–20 октября), середине (25–29 октября) и конце (27–31 декабря) выбранного хронологического периода, что позволило нивелировать риск пропуска релевантных материалов. Далее из собранного по ключевым словам массива текстов были отобраны публикации, в которых обострение ситуации вокруг советских баз на Кубе было главной темой, а не эпизодически упомянутым фактом в контексте рассмотрения других инфоповодов. Таким образом, в выборку статей о Карибском кризисе попали 493 релевантные публикации из архивных номеров газет *The Guardian* (96 материалов) и *The Telegraph* (89 материалов), *Le Monde* (92 материала) и *Le Figaro* (78 материалов), ABC (73 материала) и *La Vanguardia Española* (65 материалов).

Результаты исследования

Проведённый контент-анализ выявил ряд сходств в редакционных стратегиях ведущих изданий Великобритании, Франции и Испании по освещению Карибского кризиса. Ключевыми из них являются идеологическая ангажированность в рамках биполярного противостояния и схожая источниковая база, что предопределило доминирование позиции США на страницах европейских газет.

Основу большинства публикаций составляли официальные заявления американской администрации и западных политиков, материалы переписки Н.С. Хрущёва и Дж. Кеннеди, а также позиции международных организаций, близких к западному блоку. Большинство собственных корреспондентов европейских изданий, подключавшихся к освещению кризиса, базировались в США, их зависимость от официального информационного поля, формируемого администрацией Дж. Кеннеди, привела к маргинализации позиции Кубы и Советского Союза.

Важной общей чертой также стал взгляд редакций на ракетный кризис «со стороны»: из-за отсутствия корреспондентов на Кубе прямое освещение событий с острова во многом подменялось трансляцией и анализом американской позиции. Европейские газеты преимущественно опирались на свои корреспондентские сети и информацию крупнейших национальных информационных агентств (*Reuters, AFP, EFE*). Американские СМИ – газеты *The New York Times, The Washington Post*, агентство *Associated Press* – были устойчиво востребованными медиаисточниками на протяжении всего освещения кризисной ситуации.

Ключевые различия в редакционных стратегиях ведущих изданий Великобритании, Франции и Испании проявились в жанровой структуре освещения, выборе визуального сопровождения материалов, а также наборе инструментов формирования отношения аудитории к Карибскому кризису. Чтобы сопоставить подходы прессы европейских стран, приведём ниже подробное описание особенностей освещения Карибского кризиса в каждой из рассматриваемых стран.

Отражение Карибского кризиса в прессе Великобритании

Наиболее востребованными жанрами британской прессы стали информационные заметки и аналитические статьи, посвящённые осмыслению кризисного явления мирового масштаба. В издании *The Telegraph* новостные сводки (66%) преобладали над аналитическими материалами (28%), а в *The Guardian* тексты этих жанров были представлены практически в равном объёме (43% и 41% соответственно) (см. табл. 1).

Таблица 1. Жанры публикаций²

Table 1. Genres of publications

Газеты	новостная заметка	аналитическая статья	письмо читателя	комментарий	репортаж	стенограмма; переписка	интервью	обзор СМИ	карикатура
<i>The Guardian</i>	43	41	3	3	2	0	0	0	8
<i>The Telegraph</i>	66	28	1	0	5	0	0	0	0
<i>Le Monde</i>	18	51	0	21	7	1	1	1	0
<i>Le Figaro</i>	26	41	0	19	9	2	1	2	0
ABC	60	27	0	3	5	5	0	0	0
<i>La Vanguardia Española</i>	65	27	0	3	0	5	0	0	0

Источник: составлено авторами.

Особого внимания заслуживает реакция аудитории качественных газет как на сам Карибский кризис, так и на особенности его освещения в СМИ, которая была отражена в письмах читателей: три таких материала встретились на страницах *The Guardian* (3%), один – в *The Telegraph* (1%). Несмотря на то, что британские издания поддерживали внешнеполитическую линию США, они публиковали письма, в которых прослеживалась критика союзников, давая тем самым возможность своей аудитории познакомиться с альтернативным взглядом на сложившийся геополитический кризис. «Всё пошло прахом, когда президент Кеннеди ввёл блокаду, угрожая судоходству России и других стран, а также поставил перед свершившимся фактом как Организацию Объединённых Наций, так и своих союзников. Этот силовой акт должен положить конец нашей вере в уважение Соединёнными Штатами мира во всём мире», – заключал читатель газеты *The Guardian* в своём обращении к редакции, опубликованном 28 октября 1962 г.³

Неоднозначно восприняли читатели издания и последствия Карибского кризиса. «Теперь ясно, что до тех пор, пока мы ведём политику поддержания мира посредством баланса ядерного террора, у нас [британцев – Авт.] не может быть независимой внешней политики. Мы обязаны согласиться с тем, что решено в Вашингтоне... К сожалению, представляется весьма вероятным, что тактическое и политическое поражение России на Кубе отнюдь не приведёт к разоружению, а окажет стимулирующее воздействие на постоянно набирающую обороты гонку ядерных вооружений, которая в настоящее время распространяется и на космос. В некотором смысле исход событий на Кубе – это

² Здесь и далее в таблицах приводятся значения в процентном соотношении относительно выборки каждого издания: *The Guardian* – 96 материалов, *The Telegraph* – 89 материалов; *Le Monde* – 92 материала, *Le Figaro* – 78 материалов; ABC – 73 материала и *La Vanguardia Española* – 65 материалов.

³ American action on Cuba. *The Guardian*. 28.10.1962. P. 6.

своего рода мюнхенский эпизод; это выглядит как мир, но на самом деле это усугубило Холодную войну»⁴, – отмечал один из читателей, чьё письмо было опубликовано 31 октября в материале под заголовком «Уроки кубинского кризиса».

Критика читателей касалась и освещения британскими изданиями Карибского кризиса. Так, в письме, которое редакция *The Guardian* поместила в этот же материал с откликами, выражалось сомнение в компетентности журналистского анализа разрешения кризиса: «Полная публикация [на страницах газеты – Авт.] переписки между господином Хрущёвым и президентом Кеннеди должна доставить многим вашим читателям большое удовлетворение, этот обмен мнениями что-то значит для обычных людей и не нуждается в так называемом тщательном изучении экспертами... Может ли быть так, что ваши сотрудники дипломатического отдела просто не способны читать простые слова и различать в обмене мнениями между мистером Кеннеди и мистером Хрущёвым зачатки приземленного понимания и взаимного доверия? Неужели наша политическая жизнь настолько пропитана рационализмом, что она не способна охватить связанные с этим человеческие проблемы?»⁵.

Визуальное сопровождение материалов было ограниченным. За весь рассматриваемый период в газетах было опубликовано 19 фотографий (12 в *The Telegraph*, 13% от общего количества публикаций) и семь в *The Guardian*, 7%), шесть публикаций сопровождались картами Карибского бассейна и схемами расположения советских и американских баз (четыре в *The Guardian*, 4%, и две в *The Telegraph*, 2%) (см. табл. 2).

Табл. 2. Визуальное сопровождение публикаций

Table 2. Visual support of publications

Газеты	фото	схемы, карты	карикатуры, виньетки (как отдельные единицы контента и как сопровождающие другие материалы элементы)
<i>The Guardian</i>	7	4	8
<i>The Telegraph</i>	13	2	1
<i>Le Monde</i>	5	2	0
<i>Le Figaro</i>	4	0	0
ABC	36	11	16
<i>La Vanguardia Española</i>	32	9	0

Источник: составлено авторами.

Большинство иллюстративного материала представляло собой снимки советских ракет, кораблей и военного контингента на острове, фотографии с заседаний Совета Безопасности ООН, портреты лидеров, вовлечённых

⁴ Lessons of the Cuba. *The Guardian*. 31.10.1962. P. 1.

⁵ Ibid.

в возникший конфликт и его урегулирование. На этом фоне выглядит примечательной фотография американских студентов, готовящихся к ядерной войне. Снимок появился на первой полосе *The Telegraph* 26 октября 1962 г., его сопровождала подпись: «Напряжённость, вызванная кубинским кризисом, побудила студентов из Национального колледжа в Канзас-Сити построить тоннель под кампусом с двухнедельным запасом еды, воды и кислорода» (см. рис. 1)⁶. В целом материалы о Карибском кризисе в британской прессе визуально сопровождалась в том же объёме, что и другие публикации. Фотографии и рисунки в прессе тех лет немногочисленны. Поэтому появление любого изображения на страницах газеты обращает на себя внимание.

Характерным для освещения ситуации вокруг Кубы в *The Guardian* было осмысление кризисных событий с помощью карикатур: с октября по декабрь 1962 г. газета опубликовала восемь единиц такого контента (8%). Карикатуры были выполнены известным британским политическим карикатуристом Уильямом Папасом, работавшим в *The Guardian* с 1959 г. Папас специализировался на таких темах, как гонка ядерных вооружений, социальные волнения, военные столкновения в разных точках планеты. На одной из первых карикатур, появившейся в выпуске газеты от 24 октября, лидер СССР представлен как инициатор кризиса: именно он, идущий по канату первым, тянет следующего за ним президента США в пропасть. Эта карикатура сопровождала материал об отклике американцев на заявление президента Кеннеди о введении военно-морской блокады Кубы (см. рис. 2)⁷.

Рисунок 1. Фотография американских студентов, которые готовятся к ядерной войне

Picture 1. Photograph of American students preparing for nuclear war

Источник: *The Telegraph*, 26 октября 1962 г.

Source: *The Telegraph*, 26 October 1962.

⁶ Снимок помещён рядом с материалом «Khrushchev offer to gold up Cuba arms». *The Telegraph*. 26.10.1962. P. 1.

⁷ Kennedy Has Nation's Full Backing. *The Guardian*. 24.10.1962. P. 15.

8 ноября, уже после разрешения конфликта, на первой полосе *The Guardian* появилась карикатура, иллюстрирующая значение выигрыша США в Карибском кризисе для укрепления положения президента внутри страны. По мнению автора, Кеннеди «вышел сухим из воды», обыграв в геополитической схватке Фиделя Кастро и Никиту Хрущёва (см. рис. 3)⁸.

Рисунок 2. Карикатура «What! The pace too fast for you»
Picture 2. Cartoon entitled 'What! The pace too fast for you'
 Источник: *The Guardian*, 24 октября 1962 г.
 Source: *The Guardian*, 24 October 1962.

Рисунок 3. Карикатура «Home and dry»
Picture 3. Cartoon entitled 'Home and dry'
 Источник: *The Guardian*, 8 ноября 1962 г.
 Source: *The Guardian*, 8 November 1962.

Чаще всего о ситуации вокруг Кубы читателям изданий сообщали собственные корреспонденты за рубежом, причём большинство из них освещали ситуацию, находясь в США. Количество материалов от корреспондентов из СССР было незначительным. Среди представителей изданий в других странах, которые внесли свой вклад в освещение Карибского кризиса, были корреспонденты

⁸ Карикатура помещена с подзаголовком «Home and dry». *The Guardian*. 08.11.1962. P. 1.

европейских стран: Франции, Германии, Швейцарии, Дании, Испании. Среди других авторов материалов о ситуации вокруг Кубы также были специальные корреспонденты, фокусирующиеся на освещении конкретной тематики. Пул спецкоров был представлен парламентскими, дипломатическими и политическими корреспондентами, корреспондентами по делам обороны, авиации, судоходства, а также журналистами, специализирующимися на вопросах международного права.

В *The Telegraph* собкоры московского бюро издания освещали не только позицию официальных лиц СССР по Карибскому кризису, но и «инсайдерские» реакции советской политической элиты на сложившуюся ситуацию: «Почти все дипломаты в Москве сегодня вечером расценили результат Карибского кризиса как победу мистера Кеннеди. Некоторые расценили это как победу по очкам, некоторые – как нокаут. Единственное осязаемое преимущество России, как они полагают, – это гарантия защиты Кубы от вторжения. Считалось, что это [результат Карибского кризиса – Авт.] не означает какого-либо ослабления позиций господина Хрущёва внутри России», – отмечалось в материале от 30 октября 1962 г.⁹

Наиболее востребованными источниками информации о Карибском кризисе для журналистов британских качественных изданий стали заявления политических деятелей, позиции различных ведомств и организаций, вовлечённых в разрешение конфликтной ситуации, а также сведения других СМИ. Журналисты уделяли большое внимание переписке лидеров СССР и США и дипломатическим нотам других стран, нередко ссылались на официально закреплённые международные договорённости. Среди менее распространённых источников информации были документы, данные опросов и информация от очевидцев (см. табл. 3).

Таблица 3. Источники информации в рассматриваемых изданиях

Table 3. Sources of information in the studied publications

Газеты	Источники информации		Медиаисточники	
	предпочтительные	менее востребованные	предпочтительные	менее востребованные
<i>The Guardian</i>	заявления политических деятелей, позиции организаций, ведомств, переписка Хрущёва и Кеннеди	данные опросов, документы, информация от очевидцев	британские СМИ: <i>The Times</i> , <i>Reuters</i> американские СМИ: <i>The New York Times</i> , <i>The Washington Post</i> , <i>The Miami News</i> , <i>The Miami Herald</i>	советские СМИ: газета «Известия», ТАСС

⁹ Russians Relieved over Cuba Withdrawal. *The Telegraph*. 30.10.1962. P. 26.

<i>The Telegraph</i>	заявления политических деятелей, позиции организаций, ведомств, переписка Хрущёва и Кеннеди	данные опросов, документы, информация от очевидцев	американские СМИ: <i>The New York Times, The Washington Post, The Washington Evening Star</i> советские СМИ: Московское радио, ТАСС	британские СМИ: <i>Reuters</i> шведские СМИ: Шведская вещательная корпорация китайские СМИ: китайское национальное радио, «китайские коммунистические газеты» (не уточняется) кубинские СМИ: <i>Radio de la Habana</i>
<i>Le Monde</i>	заявления французских, американских, советских и кубинских политических деятелей, позиции организаций, их руководителей	данные опросов, документы, информация от очевидцев	французские СМИ: <i>AFP</i> американские СМИ: <i>Associated Press, The New York Times, The Washington Post, The New York Herald Tribune</i> британские СМИ: <i>Reuters, The Times, The Daily Telegraph</i> кубинские СМИ: <i>Hoy, Adelante, Revolución, Radio de la Habana</i>	советские СМИ: газета «Правда», Московское радио, ТАСС
<i>Le Figaro</i>	заявления французских, американских, советских и кубинских политических деятелей, позиции организаций, их руководителей	данные опросов, документы, информация от очевидцев	французские СМИ: <i>AFP</i> американские СМИ: <i>Associated Press, The New York Times, The Washington Post, The New York Herald Tribune</i> британские СМИ: <i>Reuters, The Times, The Daily Telegraph</i> кубинские СМИ: <i>Hoy, Adelante, Revolución, Radio de la Habana</i>	советские СМИ: газета «Правда», Московское радио, ТАСС
<i>ABC</i>	заявления политических лидеров СССР и США, переписка Хрущёва и Кеннеди, выступления политических деятелей	документы, позиции организаций, информация от очевидцев	испанские СМИ: <i>EFE</i> американские СМИ: <i>The Washington Post, Associated Press</i>	советские СМИ: Московское радио, газеты «Правда» и «Известия» французские СМИ: <i>DALMAS</i>

<i>La Vanguardia Española</i>	заявления политических лидеров СССР и США, переписка Хрущёва и Кеннеди, выступления политических деятелей	документы, позиции организаций, информация от очевидцев	испанские СМИ: <i>EFE</i> американские СМИ: <i>The New York Times, Associated Press</i>	советские СМИ: Московское радио, газеты «Правда» и «Известия»
-------------------------------	---	---	--	---

Источник: составлено авторами.

С точки зрения обращения к медиаисточникам, газета *The Guardian* больше цитировала местные, британские, СМИ (прежде всего, агентство *Reuters* и газету *The Times*) и американские источники (газеты *The New York Times, The Washington Post, The Miami News, The Miami Herald*). Только в нескольких публикациях журналисты *The Guardian* ссылались на советские СМИ (газету «Известия», агентство ТАСС) и в одной – на кубинские. Издание *The Telegraph* чаще всего обращалось к американским СМИ (газетам *The New York Times, The Washington Post, The Washington Evening Star*). Вторыми по востребованности медиаисточников были советские СМИ (прежде всего, радиостанция «Московское радио», а также ТАСС). В меньшей степени журналистами *The Telegraph* в качестве источников информации были востребованы британские (*Reuters*) и кубинские СМИ (*Radio de la Habana*), а также медиа других стран (китайские и шведские СМИ).

Особую роль в формировании отношения аудитории СМИ к событиям Карибского кризиса играла представленность разных позиций конфликта. Публикации, в которых была обозначена позиция одной страны, непосредственно вовлечённой в Карибский кризис, преобладали над сбалансированными материалами, где уделялось внимание всем участвовавшим сторонам (в *The Guardian* это соотношение было 56% и 44%, в *The Telegraph* – 64% и 36% соответственно). Наиболее представленной в текстах обеих газет оказалась позиция США. Исключительно позиция СССР была подробно освещена лишь в 10 материалах *The Guardian* и пяти материалах *The Telegraph*. Публикации с описанием только позиции Кубы были единичными (см. табл. 4).

Таблица. 4. Представленность позиций

Table 4. Position representation

Газеты	Позиция одной страны (США)	Позиция одной страны (СССР)	Позиция одной страны (Кубы)	Сбалансированность мнений
<i>The Guardian</i>	41	15	2	42
<i>The Telegraph</i>	54	8	2	36
<i>Le Monde</i>	58	12	5	25
<i>Le Figaro</i>	68	8	3	21
ABC	84	3	3	10
<i>La Vanguardia Española</i>	81	5	2	12

Источник: составлено авторами.

Большинство текстов британских качественных газет о Карибском кризисе сопровождалось нейтральным заголовочным комплексом без оценочных коннотаций. При этом сами публикации *The Guardian* о Карибском кризисе более метафоричны, чем статьи *The Telegraph*. Издания активно искали корни проблемы и параллели между сложившейся ситуацией и другими международными конфликтами, и эти поиски приводили их к упоминаниям Второй мировой войны, Корейской войны (1950–1953), Суэцкого кризиса (1956), Венгерского восстания (1956). Трансляция стереотипов и клише не была характерным приёмом британских газет при их освещении ситуации вокруг Кубы, негативный образ объекта критики, в качестве которого в основном выступал СССР, формировался за счёт большего внимания к источникам, представляющим позицию противоположной стороны конфликта, а также посредством логической аргументации, риторических приёмов и сравнений.

Освещение Карибского кризиса во французской печати

Ежедневные газеты *Le Monde* и *Le Figaro* как ведущие издания одной из крупнейших европейских держав не оставались в стороне от освещения Карибского кризиса, а также от анализа посткризисной напряжённости между СССР и США. Ситуация на Кубе выступала одной из центральных тем в повестке французских газет до завершения календарного года. Интерес *Le Monde* и *Le Figaro* к кубинским событиям оставался высоким даже после «чёрной субботы» (27 октября) и последовавших за ней договорённостей между советским и американским правительствами – в общем объёме материалов преобладают посткризисные публикации, размещённые в газетах после 28 октября (58 и 36 соответственно). Особенно данный тренд характерен для газеты *Le Monde*, обращавшейся к теме Карибского кризиса почти в два раза чаще после его завершения, нежели во время его активной фазы.

На первых стадиях Карибского кризиса, до морской блокады Кубы ВМС США и экстренного совещания Совбеза ООН (25 октября), *Le Monde* и *Le Figaro* затрагивали проблематику кризисной ситуации, но не делали её приоритетной. Однако в период с 24 по 28 октября в каждом из номеров ведущих французских газет выходило не менее трёх-пяти публикаций о ситуации на острове.

В плане тематического разнообразия публикаций *Le Monde* и *Le Figaro* о Карибском кризисе отметим преобладание сведений о реакции международного сообщества на сложившуюся ситуацию над реакцией французской общественности. Чаще всего *Le Monde* и *Le Figaro* обращались к хронологии развития событий и вариантам деэскалации кризиса, представленным в новостных материалах, анализу причин и последствий ситуации на Кубе, дипломатическим решениям Карибского кризиса. В меньшей степени французские газеты интересовались взаимодействием Кубы с иными странами, кроме СССР и США. Среди других тем, связанных с Карибским кризисом, в обоих изданиях можно

назвать обзоры СМИ зарубежных стран, переведённые на французский язык, заявления и выступления первых лиц государств, международных организаций (в первую очередь, ООН) относительно событий в Карибском бассейне.

С точки зрения жанрового разнообразия публикаций приоритетную роль при рассмотрении Карибского кризиса *Le Monde* и *Le Figaro* отвели аналитическим статьям (51% и 41% публикаций соответственно) (см. табл. 1). При этом жанр аналитических статей был наиболее востребован как в пост-кризисный период, когда подводились итоги событий, так и в условиях непосредственного столкновения военных интересов СССР и США. Несмотря на ежедневную периодичность рассматриваемых изданий, проблема серьёзной конфронтации двух сверхдержав естественным образом вела к осмыслению произошедшего гораздо чаще, чем к простому изложению фактов. Многие аналитические материалы опубликованы в газетах в виде передовых статей, что демонстрирует значимость затрагиваемой проблематики для французской прессы. На втором месте по востребованности жанров в контексте рассмотрения Карибского кризиса идут информационные заметки (18% и 26%), на третьем – комментарии (21% и 19%). Однако необходимо обратить внимание на то, что в газете *Le Monde* жанр информационной заметки уступает вторую позицию жанру комментария, что связано с частым обращением *Le Monde* за авторитетным мнением к различным французским и зарубежным публицистам, политическим деятелям или экспертам. Также на страницах *Le Monde* и *Le Figaro* можно встретить репортажи (7% и 9%). При этом опубликованные репортажи готовились преимущественно с различных встреч и заседаний, посвящённых урегулированию Карибского кризиса. Материалы, написанные в жанре интервью и журналистского расследования по проблематике Карибского кризиса, во французской периодике единичны. Также газеты привели переведённую на французский язык переписку Хрущёва и Кеннеди.

Следует отметить, что визуальное сопровождение публикаций *Le Monde* и *Le Figaro* не отличалось богатством и разнообразием: лишь пять материалов *Le Monde* (5%) иллюстрированы фотографиями, два – картами Кубы и Карибского бассейна, а также расположением ракет на острове (2%), в *Le Figaro* всего четыре публикации сопровождалась фотографиями (4%) (см. табл. 2). Карикатуры, коллажи и прочие визуальные элементы в публикациях о Карибском кризисе во французских газетах отсутствуют. Впрочем, и по другим темам публикации того периода весьма скудны иллюстративным материалом.

Новостные заметки и статьи со ссылками на французское (*Agence France-Presse*, *AFP*) или зарубежные информационные агентства публиковались в *Le Monde* и *Le Figaro* без указания авторства. Материалы без указания авторства, опубликованные в изучаемых изданиях, представляют собой новостные заметки или информационные статьи. Анонимные новостные материалы, как правило, отражают коллективную позицию издания, ориентированную

на быстрое информирование о событиях в соответствии с редакционными стандартами, ответственность за интерпретацию и подачу новостей в таком случае переносится с конкретного журналиста на редакцию.

Авторские публикации, как правило, представляют собой материалы аналитических жанров, которые требуют индивидуального журналистского высказывания. Некоторые аналитические статьи во французской прессе были подготовлены собственными корреспондентами изданий. Так, например, газета *Le Monde* активно публиковала статьи известного французского журналиста и публициста Мишеля Татю, ставшего первым корреспондентом газеты в Советском Союзе в период с 1957 по 1964 г. Несколько статей написаны Филиппом Бенон – собственным корреспондентом газеты в Вашингтоне. Одна из публикаций – репортаж с Кубы – подготовлена перуанским журналистом, будущим лауреатом Нобелевской премии по литературе (2010 г.) Марио Варгасом Льосой, который находился на Кубе в конце октября 1962 г. и был очевидцем событий¹⁰. Подобный репортаж с места события – большая редкость среди материалов рассматриваемых изданий. Ряд публикаций подготовил Андре Фонтень, будущий глава совета директоров газеты *Le Monde* (1985–1991). Среди авторов *Le Figaro*, писавших о Карибском кризисе, упомянем политика, дипломата и публициста Андре Франсуа-Понсе, который занимал должность председателя французского Красного Креста в период событий на Кубе и поддерживал идею о мониторинге Международным Комитетом Красного Креста договора о запрещении ядерных испытаний¹¹. *Le Figaro* также публиковала статьи французского философа и социолога Раймона Арона, метафорично назвавшего Карибский кризис «партией в покер в тени Апокалипсиса»¹².

В целом для журналистов *Le Monde* и *Le Figaro* характерна сильная ориентация на собственные корреспондентские сети и национальное информационное агентство *AFP*. При работе с медиаисточниками *Le Monde* и *Le Figaro* существенное внимание уделяли американским медиа, в первую очередь, агентству *Associated Press*, газетам *The New York Times*, *The Washington Post*, *The New York Herald Tribune*, британским СМИ – агентству *Reuters*, газетам *The Times* и *The Daily Telegraph*, а также кубинским медиа – газетам *Hoy*, *Adelante*, *Revolución*, радио *Radio de la Habana*. В меньшей степени *Le Monde* и *Le Figaro* апеллировали к советским источникам информации, например, к газете «Правда», Московскому радио, агентству ТАСС (см. табл. 3).

Другими востребованными источниками информации о кризисе для обоих изданий были заявления французских, американских, советских и кубинских политических деятелей, позиции международных организаций и их руководителей, принимавших участие в разрешении конфликта.

¹⁰ Crise des missiles à Cuba: dans l'île assiégée. *Le Monde*. 23.11.1962.

¹¹ Le grain a levé. *Le Figaro*. 06.11.1962.

¹² Crise des missiles à Cuba: en 1962, le monde frôlait la guerre nucléaire. *Le Figaro*. 22.10.2022.

Что касается представленности позиций участвовавших в конфликте стран, *Le Monde* и *Le Figaro* отражали в своих публикациях преимущественно американскую позицию, хотя и старались при освещении Карибского кризиса представить все три стороны конфликта (см. табл. 4). Особенно это было характерно для газеты *Le Monde*. В начале кризиса издание выражало озабоченность тем, что Кеннеди не проконсультировался со своими союзниками в Европе о мерах, которые следует принять в отношении Кубы. Более того, как отмечали французские журналисты, Соединённые Штаты, размещая ракеты в Турции вблизи от границ СССР, оспаривают право СССР заключать сопоставимые соглашения с Кубой¹³. Анализируя ход развития событий и итоги Карибского кризиса, привлекая советские, американские и кубинские источники, издание всё же отдало победу в разрешении конфликта Соединённым Штатам: «В течение последних двадцати четырёх часов Вашингтон добился первого успеха, когда Совет Организации американских государств утвердил порядок действий... Париж и Лондон поддерживают американскую резолюцию в Совете Безопасности»¹⁴. «Через двадцать четыре часа после того, как Хрущёв предложил своего рода обмен между российскими ракетами, развёрнутыми на базах Кубы, и американскими ракетами, развёрнутыми в Турции, г-н Хрущёв просто-напросто поклонился условиям г-на Кеннеди. Г-н Хрущёв сделал это таким добросердечным образом, что остаётся ощущение, что у него нет выбора. Но президент Соединённых Штатов обладал мудростью, чтобы подняться над своей победой; вместо того, чтобы праздновать успех своей жёсткой позиции, он просто поприветствовал (жест государственного деятеля) советского лидера и пообещал не вторгаться на Кубу»¹⁵. *Le Monde* и *Le Figaro* неоднократно подчёркивали, что в непростых условиях кризиса существенно возросла роль ООН как организации, способной предотвращать крупнейшие международные конфликты, каким оказался Карибский кризис. Для французских изданий решения ООН имеют важное значение в контексте европейской безопасности.

Куба, по мнению *Le Monde*, находилась в положении повиновения решению двух сверхдержав, в обсуждении которого республика не принимала непосредственного участия: «Г-н Кастро обнаружил, что у него не было другого выбора, кроме как подчиниться решениям, принятым мировыми державами»¹⁶. «Советская защита», по мнению издания, оказалась для Кубы скорее опасной, нежели эффективной.

Le Figaro представляла Карибский кризис как военную и дипломатическую конфронтацию двух сверхдержав. В своих передовицах редакция газеты придавала большую значимость кубинским событиям для французского общества.

¹³ Crise des missiles à Cuba: Négociier plutôt que renchérir. *Le Monde*. 24.10.1962.

¹⁴ Un dénouement inespéré. *Le Monde*. 30.10.1962.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

В первых публикациях после телевизионного обращения Кеннеди прослеживается озабоченность риском ядерного противостояния сверхдержав и геополитическими последствиями кризиса¹⁷. Введение Белым домом военно-морской блокады Кубы *Le Figaro* одобряла как акт противодействия советской угрозе¹⁸. В выпуске от 29 октября опубликовано заявление в поддержку американского президента¹⁹, тем самым выражена общая поддержка газетой союзнических отношений Парижа с Вашингтоном.

Обе французские газеты не смогли избежать оценочности при освещении событий на Кубе. Это можно проследить на примере заголовков статей. В *Le Monde* таких публикаций оказалось свыше 60%, в *Le Figaro* – свыше 57%. Нередко в заголовках проявлялась симпатия по отношению к США и критика действий советского руководства: «Схватка с СССР возможна в течение 24 часов»²⁰; «Президент Кеннеди объявляет о запрете на ввоз вооружений на Кубу, чтобы остановить советскую подготовку к возможному наступлению на американский континент»²¹; «Куба: театральное представление. Хрущёв согласен на демонтаж кубинских баз»²²; «Ракетный кризис на Кубе: г-н Хрущёв явно пытается возобновить диалог с американцами»²³; «Ракетный кризис на Кубе: Вашингтон согласится снять “карантин” только в том случае, если советские базы на Кубе будут демонтированы»²⁴; «Ракетный кризис на Кубе: г-н Хрущёв, безусловно, изначально допустил ошибку в расчёте»²⁵.

Экспрессивные маркеры также обнаруживаются непосредственно в текстах материалов, которые содержат метафоры, сравнения, клише, типичные для эпохи Холодной войны. Подавляющее большинство оценочных метафор и сравнений имеют целью создать негативный образ Советского Союза. Так, в публикациях педалируется мысль об односторонней ядерной угрозе, исходящей от Советского Союза в адрес США, об агрессивности и непредсказуемости поведения СССР на международном уровне.

¹⁷ Le président Kennedy annonce: embargo sur les armes a destination de Cuba pour arrêter les préparatifs soviétiques in vue d'une éventuelle offensive contre le continent américain. *Le Figaro*. 23.10.1962

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Cuba: Coup de théâtre. Khrouchtchev accepte démanteler les bases cubaines. *Le Figaro*. 29.10.1962.

²⁰ Épreuve de force avec U.S.S.R. possible dans les 24 heures. *Le Figaro*. 23.10.1962.

²¹ Le président Kennedy annonce: embargo sur les armes a destination de Cuba pour arrêter les préparatifs soviétiques in vue d'une éventuelle offensive contre le continent américain. *Le Figaro*. 23.10.1962.

²² Cuba: Coup de théâtre. Khrouchtchev accepte démanteler les bases cubaines. *Le Figaro*. 29.10.1962.

²³ Crise des missiles à Cuba: M. Khrouchtchev cherche visiblement à renouer le dialogue avec les Américains. *Le Monde*. 26.10.1962.

²⁴ Crise des missiles à Cuba: Washington n'acceptera de lever la "quarantaine" que si les bases soviétiques de Cuba sont démantelées. *Le Monde*. 27.10.1962.

²⁵ Crise des missiles à Cuba: M. Khrouchtchev a sans doute commis au départ une erreur de calcul. *Le Monde*. 30.10.1962.

Оценки Карибского кризиса в прессе Испании

При обращении к вопросу освещения испанскими газетами Карибского кризиса необходимо сделать ряд важных замечаний. В 1962 г. испанская пресса подчинялась Закону о печати 1938 г., который предусматривал введение предварительной цензуры, осуществляемой Министерством информации и туризма, назначение государством редакторов изданий, а также обязанность печати размещать официальные заметки, лозунги, директивы, в которых во всех подробностях излагалось содержание ряда газет. В то время как некоторые из основных ежедневных газет находились в частных руках, например, выбранные для анализа мадридская промонархическая ABC или барселонская газета либерально-консервативной направленности *La Vanguardia Española*, значительная часть испанской прессы (около 35%) напрямую подчинялась правительству через Государственную делегацию по делам прессы, пропаганды и радио (*Delegación Nacional de Prensa, Propaganda y Radio*) (Fleites Marcos 2019: 112).

Несмотря на это, позиции разных испанских газет в отношении Карибского кризиса не были одинаковыми. Это объясняется, прежде всего, тем, что в тот период цензура оказывала значительно меньшее влияние на информацию, поступающую из-за рубежа, нежели на информацию национального характера. При этом освещение международных новостей в испанской прессе нередко было настолько обширным, что доминировало в новостных сегментах газет (Pizarroso Quintero 1989: 248). Различные группы, входившие в состав франкистского режима, стремились сохранять свою автономию. Эти группы – католики, фалангисты и монархисты – при полном разделении принципов франкизма привнесли в газеты, которые они контролировали, хоть и слабые, но заметные идеологические нюансы.

Важно подчеркнуть, что стремление к всестороннему освещению международной повестки было характерно, прежде всего, для тех изданий, которые могли себе позволить иметь собственных иностранных корреспондентов. Таковыми изданиями выступают выбранные для анализа газеты ABC и *La Vanguardia Española*. Несмотря на существовавшие в начале 1960-х гг. в Испании ограничения печати, ABC и *La Vanguardia Española* удавалось сохранять баланс между лояльностью режиму и информативностью, что привлекало читателей разных политических взглядов. Долголетняя история изданий и их репутация обеспечивали доверие читателей, которые ценили стабильность и надёжность этих газет как источника информации.

С самого начала событий на Кубе испанская печать признала происходящее международным событием большой важности²⁶ и пристально следила

²⁶ Kennedy decreta el bloqueo de Cuba. ABC. Madrid. 23.10.1962. P. 47–48; Kennedy anuncia otras tajantes medidas para yugular la amenaza soviética contra las Américas. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 23.10.1962. P. 5–6.

за развитием «ракетного кризиса» (*Crisis de los Misiles*), как она его обозначила, несколько отодвинув на второй план вопросы внутривнутриполитического характера.

Публикации о Карибском кризисе в обоих изданиях в целом не демонстрируют богатой палитры жанров. Большую часть занимают информационные статьи и новостные заметки (60–65%), аналитические материалы, в которых журналисты или приглашённые эксперты размышляют над происходящим и комментируют его, охватывают 30% публикаций (см. табл. 1). Следует отметить, что и *ABC*, и *La Vanguardia Española* в период ракетного кризиса неоднократно публиковали передовицы, придавая тем самым большую значимость событиям вокруг Кубы. Среди других жанров также встречаются репортажи с заседаний ООН, стенограммы выступлений и телевизионных обращений политических деятелей, однако их количество не превышает 5%.

Визуальное сопровождение публикаций в рассматриваемых изданиях отличается разнообразием. В основном газеты сопровождали публикации фотографиями и портретами Дж. Кеннеди, Н.С. Хрущёва, Ф. Кастро, Генерального секретаря ООН У Тана и других политических деятелей, вовлечённых в конфликт и его разрешение, военного контингента, советских и американских кораблей (36% в *ABC* и 32% в *La Vanguardia Española*) (см. табл. 2). На страницах изданий можно встретить карты Антильских островов, Кубы с размещёнными на ней советскими бомбардировщиками, фотофрагменты посланий лидеров двух сверхдержав.

Особое внимание заслуживают виньетки – небольшие сатирические рисунки, высмеивающие какую-либо ситуацию. Всего в газете *ABC* их было опубликовано 12 единиц (16%). Авторство некоторых виньеток принадлежит известному испанскому карикатуристу Антонио Минготе. Так, в одной виньетке, появившейся 26 октября 1962 г., СССР и США были представлены в виде гигантских пещерных людей, которые, находясь в окружении пигмеев, столкнулись большим камнями. Виньетку сопровождал комментарий: «Я думаю, они поймут, что у них нет места для ссор»²⁷. На другой виньетке, опубликованной 1 ноября 1962 г., тема пещерных людей была продолжена, однако теперь сцена представляла собой соглашение, достигнутое двумя гигантами уже в отсутствие больших камней, – метафора, отсылающая к выводу советских ракет с острова, на котором висела табличка «Не беспокоить!» Рядом был изображён кричащий человечек – намёк на кубинцев, выступивших против обещания Кеннеди не вторгаться на Кубу²⁸.

Около 30% материалов обоих изданий подготовлено к публикации собкорами газет, которые освещали международную ситуацию, находясь в США. Так, собственным корреспондентом газеты *ABC* во время Карибского кризиса был

²⁷ Tensión. *ABC*. Madrid. 26.10.1962. P. 51.

²⁸ Ha sido un éxito. *ABC*. Madrid. 01.11.1962. P. 25.

Хосе Мария Масеп, работавший в Вашингтоне, а газете *La Vanguardia Española* информацию из Нью-Йорка передавал Анхель Суньига. Поэтому в материалах испанских газет можно встретить частые упоминания американских изданий *The Washington Post* и *The New York Times* соответственно. В новостных заметках печать нередко прибегала к информации крупнейшего испанского информационного агентства *EFE*, а также американского агентства *Associated Press*. Как правило, новостные заметки обоих изданий публиковались без указания авторства. Некоторые фотоматериалы размещены с пометкой *DALMAS* (французское информационное и фотоагентство). При упоминании советских политических деятелей и сделанных ими заявлений испанские издания ссылались на советские СМИ, например, на советскую международную радиостанцию «Московское радио», газеты «Правда» и «Известия». Отсылки к кубинским средствам массовой информации не выявлено (см. табл. 3).

В качестве источников информации испанская пресса обращалась к заявлениям Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущёва, активно цитируя в испанском переводе их переписку в этот период, также публиковались выступления и обращения других зарубежных политических деятелей – генсека ООН У Тана, первого заместителя председателя правительства СССР А.И. Микояна, папы римского Иоанна XXIII, премьер-министра Алжира Ахмеда Бен Беллы. Среди менее распространённых источников информации упомянем документы, позиции различных организаций, информацию от очевидцев (см. табл. 3).

При обращении к кубинской позиции испанская печать прибегала к выступлениям и заявлениям Ф. Кастро. Следует особо отметить, что, несмотря на историческую и культурную близость Испании с Кубой, кубинский лидер представлен в испанской прессе марионеткой Москвы, а Куба – её сателлитом, «агрессивным инструментом русского империализма»²⁹. В целом и *ABC*, и *La Vanguardia Española* крайне негативно оценивали Кастро как политического деятеля, формируя образ революционера-фанатика, действующего импульсивно и необдуманно, при упоминании политика газеты брали в кавычки слово «лидер»³⁰. В прессе мелькали такие его характеристики, как «авантюрист»³¹, «сумасшедший»³², «постоянный кошмар и проблема для всей Америки»³³. *La Vanguardia Española* называла кубинского революционера «сумасшедшим», целью которого, по мнению издания, было уничтожение большей части человечества, чтобы остаться в памяти потомков: «Но Фидель Кастро “ненормальный политик”. И в конкретном случае, связанном с ядерными ракетами, установленными Россией среди Пинар-дель-Рио и Матансаса, нам кажется

²⁹ Cuba y el continente americano. *ABC*. Madrid. 27.10.1962. P. 27.

³⁰ Ben Bella y Fidel Castro. *ABC*. Madrid. 07.11.1962. P. 48.

³¹ Kennedy anuncia que Cuba desmantela las bases soviéticas. *ABC*. Madrid. 03.11.1962. P. 31.

³² Mikoyan y Fidel Castro. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 11.11.1962. P. 5.

³³ Nueva York: expectative ante la reunión Kennedy-Mikoyan de hoy. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 29.11.1962. P. 15.

совершенно правдоподобным, что он чувствовал себя на пороге того, чтобы стать героем сказочной, зловещей, ошеломляющей, безумной приключенческой истории, в которой всё человечество – белые, чёрные, жёлтые, метисы, мулаты, гиганты и пигмеи – оказалось бы в волнах кипящего металла, посреди моря кипящей крови. Почему бы нам не признать, что Кастро переполняло радостное предвкушение в ожидании того, что из-за него, из-за его голоса, из-за его революции, из-за его воли по всему миру разразится война расщеплённых атомов? Не было ли это, в конце концов, способом увековечить свою славу до скончания веков? История народов будет состоять из двух общих глав: до Фиделя Кастро и после Фиделя Кастро»³⁴. В публикациях испанских изданий, особенно в период окончания кризиса, прослеживается сожаление о том, Соединённые Штаты упустили возможность свержения кубинского правительства³⁵.

Для испанских изданий характерно сопровождение статей метафоричными заголовками, включающими риторические вопросы, сравнения. В качестве заголовка может использоваться как одно слово, точно отражающее текущую ситуацию, так и развёрнутые прямые и косвенные цитаты из выступлений политиков. В первые дни кризиса (22–25 октября 1962 г.) испанская пресса выражала крайнюю обеспокоенность возможным началом ядерной войны и была весьма сдержанна в заявлениях. Характерно название статьи, опубликованной в газете *La Vanguardia Española* 24 октября 1962 г.: «Осторожность»³⁶. Визит на Кубу первого заместителя председателя правительства СССР А.И. Микояна в ноябре 1962 г. испанская пресса охарактеризовала как провальный. Примечателен заголовок редакционной статьи, опубликованной в газете *ABC* 4 ноября 1962 г.: «Чтобы польстить Кастро, Микоян говорит, что тот – словно солнце, взошедшее после Кубинской революции»³⁷.

Язык публикаций, особенно редакционных статей и материалов собственных корреспондентов изданий, богат метафорами, сравнениями, содержит стереотипы и клише, типичные для эпохи Холодной войны. Так, например, по отношению к СССР используется стереотип – сравнение с империалистической державой, «пожирающей народы» с «аннексионистским аппетитом»³⁸. Образ врага формируется не только по отношению к ненавистному Испании «коммунистическому режиму» на Кубе³⁹, но и ко всему коммунистическому лагерю («международный коммунизм», «вечный враг мира и порядка») ⁴⁰. Упомянуты ключевые клише времён Холодной войны («железный занавес», «ко-

³⁴ Mikoyan y Fidel Castro. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 11.11.1962. P. 5.

³⁵ Nueva York: expectativa ante la reunión Kennedy-Mikoyan de hoy. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 29.11.1962. P. 15.

³⁶ Cautela. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 24.10.1962. P. 19.

³⁷ Para halagar a Castro, Mikoyan dice que es un sol dado mas de la revolución cubana. *ABC*. Madrid. 04.11.1962. P. 83.

³⁸ K y K. *ABC*. Madrid. 28.10.1962. P. 80.

³⁹ Madrid: la libertad y la paz son indivisibles. *La Vanguardia Española*. 24.10.1962. P. 7.

⁴⁰ Plena solidaridad del gobierno español con el Gobierno norteamericano. *La Vanguardia Española*. 27.10.1962. P. 5.

рейская агрессия», «вторжение на персидские территории»)⁴¹. «Локальными пожарами, которые зажигаются в мире»⁴², названы военные конфликты этой эпохи, например Иранский кризис 1946 г., Корейская война (1950–1953), война за независимость Алжира (1954–1962).

Победу в Карибском кризисе испанская пресса «присудила» Соединённым Штатам, именно представленность позиции США в материалах обеих газет преобладает над освещением только советской позиции (такие публикации оказались единичными) (см. табл. 4). Кубинская позиция испанской прессой не рассматривалась всерьёз. В публикациях неоднократно подчёркивалось, что твёрдость, проявленная американцами, заставила коммунистов отступить⁴³. Успех Соединённым Штатам в урегулировании ракетного кризиса обеспечила энергичная позиция молодого президента: «С того дня тональность существенно изменилась: стало понятно, что Холодная война была гигантским “блефом”, который с любовью оберегался Россией, чтобы расшатать нервы планеты»⁴⁴.

Несмотря на то, что в начале 1960-х гг. Испания позиционировала себя как союзника Соединённых Штатов (хотя и вспоминала в связи с событиями на Кубе испано-американскую войну 1898 г., лишившую Испанию практически всех колониальных владений, включая Кубу) и выражала крайнее недовольство правительством Ф. Кастро, освещение Карибского кризиса в рассматриваемых изданиях не было совершенно идентичным. Так, газета *La Vanguardia Española* в большей степени, чем газета *ABC*, обращалась к вопросам сохранения европейской безопасности. По мнению издания, президент Кеннеди должен был консультироваться с европейскими союзниками о действиях, предпринимаемых в отношении Кубы. Издание подчёркнуто выражало солидарность с «западным миром» – демократическими странами Запада, выступившими на стороне США против «советской интервенции» на Кубе, отмечало важность латиноамериканского фактора во внешней политике Испании. *La Vanguardia Española* отражала позицию испанского правительства оперативно и притом эмоционально, что нашло отражение в метафоричных заголовках и стилистически окрашенной лексике, которая относится преимущественно к кубинскому правительству и конкретно к личности Ф. Кастро.

Газета *ABC* подходила к освещению кризиса с большей критикой в адрес Вашингтона, отмечая, что какой бы то ни было внешнеполитический жест США может оказать влияние на любую часть мира, что ставит под угрозу жизнь и будущее каждого человека. Газета выражала надежду на то, что США

⁴¹ К у К. ABC. Madrid. 28.10.1962. P. 80.

⁴² Ibid.

⁴³ La orden de Krushev de desmantelar las bases en Cuba ha sido bien acogida en general. ABC. Madrid. 30.10.1962. P. 47; Krushev ordena el desmantelamiento de las bases en Cuba. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 30.10.1962. P. 6; Kennedy acepta el principio de una amplia negociación. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 30.10.1962. P. 7; Satisfacción con matices de cautela. *La Vanguardia Española*. Barcelona. 30.10.1962. P. 7.

⁴⁴ La guerra ha retrocedido. ABC. Madrid. 06.12.1962. P. 17.

действуют в рамках доктрины Трумэна, а не доктрины Монро⁴⁵. Кроме того, критика в адрес США проявлялась и через публикацию виньеток, которые образно высмеивали столкновение сверхдержав. В своём стремлении разобраться в причинах и последствиях Карибского кризиса ABC разместила больше аналитических материалов, чем *La Vanguardia Española*, сопровождая их длинными «объяснительными» заголовками. Так, была опубликована подборка ретроспективных материалов испанской прессы, в которых рассматривалось развитие Кубы после революции 1959 г. и начала активного советско-кубинского сотрудничества⁴⁶. В то же время газета сохраняла антикоммунистический настрой и выражала неприятие кубинского руководства, что находило отражение, например, в аналитических статьях известного испанского дипломата Хосе де Янгуас-и-Мессиа и кубинского поэта-эмигранта Гастона Бакеро.

Заключение и дискуссия

Анализ публикаций газет Великобритании, Франции и Испании показал, что события на Кубе 1962 г. стали весьма обсуждаемой темой ведущих национальных изданий упомянутых стран, несмотря на то, что данные страны не были непосредственными участниками этих событий. Тематика, жанровое, лексическое своеобразие, визуальное сопровождение и другие характеристики газетных материалов позволили выявить специфику редакционных подходов европейских изданий к информированию национальных аудиторий о крупном международном конфликте.

Подход к освещению кубинских событий 1962 г. ежедневной прессой Великобритании можно охарактеризовать как рационально-критический. Инициатором кризиса, по мнению британских изданий, был Советский Союз. В материалах *The Guardian* и *The Telegraph* делается акцент на победе США в геополитической схватке с СССР, укрепившей позицию президента Кеннеди внутри страны. И хотя британские издания в целом поддержали внешнеполитическую линию Вашингтона, в публиковавшихся письмах читателей они предлагали аудитории альтернативный взгляд на события вокруг Кубы, поскольку в письмах содержалась критика действий США и их союзников, предостережения о набирающей обороты гонке ядерных вооружений. По сравнению с прессой других стран Европы, британские издания отличались меньшей экспрессивностью в повествовании о кризисе. Негативный образ объекта критики, в качестве которого в основном выступал Советский Союз, формировался за счёт большего внимания к источникам, представляющим противоположную сторону конфликта, а также логической аргументации, риторических приёмов и сравнений.

⁴⁵ El peso de la púrpura. ABC. Madrid. 30.10.1962. P. 48.

⁴⁶ El "por qué" de la acción de Kennedy. ABC. Madrid. 24.10.1962.

Французские газеты *Le Monde* и *Le Figaro* предпочли подойти к освещению Карибского кризиса с фокусом на аналитике и установкой институциональной оптики. Большое внимание в своих передовых аналитических статьях, подготовленных в том числе собственными корреспондентами, издания уделяли анализу последствий Карибского кризиса в первую очередь для европейской безопасности. Оба издания отмечали возросшую роль ООН в качестве организации, способной предотвращать крупнейшие международные конфликты. В большинстве публикаций *Le Monde* и *Le Figaro* отражали преимущественно американскую позицию, однако заметны попытки изданий осветить все три стороны конфликта. Прежде всего, это характерно для первых публикаций о Карибском кризисе газеты *Le Monde*. Президент Франции Ш. де Голль выражал опасения относительно распространения ядерного оружия и стремился ограничить ядерную гонку. Его позиция подчёркивала необходимость проведения переговоров и мирного разрешения конфликта. Обе французские газеты отдали первенство в разрешении кризиса Соединённым Штатам, тогда как Советский Союз, как утверждалось, допустил просчёт в своей внешней политике и был вынужден согласиться с условиями, выставленными американцами. Оба издания выражали поддержку действиям американского президента, хотя и прослеживается некоторая озабоченность относительно того, что свои шаги в отношении Кубы США не обсуждали с европейскими союзниками. Данную позицию французской прессы можно рассматривать как предвестника процесса европейской интеграции: страны Европы начали осознавать важность сотрудничества и координации действий, в том числе для предотвращения кризисов.

Для испанской прессы характерно последовательное и весьма экспрессивное освещение событий на Кубе. Общее видение разразившегося между двумя сверхдержавами конфликта определялось откровенно антикоммунистическим настроением франкистского режима в Испании и его желанием позиционировать страну в западном мире как привилегированного сторонника Соединённых Штатов. Такая позиция отчётливо транслировалась через национальную прессу. Несмотря на историческую и культурную близость Испании с Кубой, в редакционных статьях и новостных заметках газет *ABC* и *La Vanguardia Española* кубинское руководство, в частности лидер Кубы Ф. Кастро, подвергались резкой критике, звучало сожаление об упущенной США возможности свергнуть кубинское правительство во время Карибского кризиса. По мнению испанских изданий, победу в «ракетном кризисе» одержали Соединённые Штаты, проявив твёрдость и непоколебимость. Именно превосходство позиции США и освещение кризисного события с позиций испано-американских отношений преобладает в материалах испанских газет.

Полученные результаты позволяют зафиксировать два ключевых аспекта, важных для понимания функционирования западной прессы в период Холодной войны в целом, и Карибского кризиса как периода его наивысшей

напряжённости, в частности. С одной стороны, европейские СМИ, действуя в логике биполярной системы, демонстрировали солидарность со своим союзником по геополитическому блоку, ретранслируя преимущественно нарратив американской стороны. С другой стороны, ярко проявилась дифференциация национальных редакционных стратегий, объяснение которой, на наш взгляд, стоит связывать с различием исторического опыта, политической культуры и актуальных внешнеполитических задач каждой страны. Так, рационально-критический подход британской прессы можно рассматривать как отражение её «особых отношений» с США и традиций публичной полемики. Аналитический фокус французских изданий и их ранние попытки показать «три стороны» конфликта коррелируют с курсом на внешнеполитическую самостоятельность и зарождавшимся общеевропейским дискурсом коллективной безопасности. В свою очередь, гипертрофированная антикоммунистическая риторика испанской прессы служила инструментом легитимации франкистского режима на международной арене и демонстрации его лояльности западному блоку.

В этой связи дальнейшим перспективным направлением исследований видится продолжение изучения механизмов реализации дихотомии «солидарность – суверенитет» в информационном поле стран, относящих себя к разным геополитическим блокам, военным и экономическим союзам в определённые исторические периоды и на современном этапе.

Об авторах:

Гелия Сергеевна Филаткина – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 125009, ул. Моховая, 9с1. E-mail: filatkinags@my.msu.ru

Полина Андреевна Киреева – научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 125009, ул. Моховая, 9с1. E-mail: polinakireeva_msu@mail.ru

Мария Георгиевна Маслина – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 125009, ул. Моховая, 9с1. E-mail: maria270292@mail.ru

Мария Дмитриевна Пуцева – старший преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 125009, ул. Моховая, 9с1. E-mail: putseva@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.5(729.1)"1962":070(4-15)

Received: 18 September 2025

Accepted for publication: 23 March 2026

National Patterns in Western European Newspaper Coverage of the Cuban Missile Crisis

 G.S. Filatkina, P.A. Kireeva, M.G. Maslina, M.D. Putseva

[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-47-82](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-47-82)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This article examines national patterns in Western European newspaper coverage of the Cuban Missile Crisis of 1962. While the crisis has traditionally been studied through the actions of the United States, the Soviet Union, and Cuba, its perception in allied but non-participant European states remains less explored. The article addresses this gap by comparing how leading newspapers in the United Kingdom, France, and Spain represented one of the most dangerous episodes of the Cold War to their national audiences.

The study is based on a content analysis of 493 publications from six major newspapers: The Guardian and The Telegraph in the United Kingdom, Le Monde and Le Figaro in France, and ABC and La Vanguardia Española in Spain. The chronological scope covers the period from 16 October to 31 December 1962, making it possible to analyze both the peak of the crisis and its post-crisis interpretation. The research examines authorship, genre structure, visual presentation, source base, representation of the positions of the United States, the Soviet Union, and Cuba, and the rhetorical devices used to shape readers' perceptions.

The findings show that Western European newspapers largely reproduced the American narrative of the crisis, reflecting the logic of bloc solidarity in the bipolar international system. At the same time, the study reveals significant national differences in editorial strategies. British newspapers adopted a rational-critical approach: while generally supporting Washington, they also provided space for public debate and criticism of the Kennedy administration. French newspapers approached the crisis through an institutional and analytical lens, emphasizing the role of international organizations, especially the United Nations, and the implications of the crisis for European security. Spanish newspapers, operating under Francoist censorship and shaped by the regime's anti-communist orientation, offered the most expressive and ideologically charged coverage, portraying Cuba and Fidel Castro in sharply negative terms.

The article argues that Western European press coverage of the Cuban Missile Crisis was structured by a "solidarity–sovereignty" dichotomy. European newspapers demonstrated solidarity with the United States as the leading power of the Western bloc, yet their coverage also reflected national political cultures, historical experiences, and foreign policy priorities. This comparative perspective contributes to the study of Cold War media by showing how allied European societies interpreted global nuclear confrontation through their own national frameworks.

Keywords: Cuban Missile Crisis, USSR, USA, Cuba, European Press, Nuclear Weapon, Cold War, Confrontation of Superpowers

About the authors:

Gelia S. Filatkina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 9, Mokhovaya St., bldg. 1, 125009, Moscow, Russia. E-mail: filatkinags@my.msu.ru

Polina A. Kireeva – Research Fellow, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 9, Mokhovaya St., bldg. 1, 125009, Moscow, Russia. E-mail: polinakireeva_msu@mail.ru

Maria G. Maslina – PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 9, Mokhovaya St., bldg. 1, 125009, Moscow, Russia. E-mail: maria270292@mail.ru

Maria D. Putseva – Senior Lecturer, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 9, Mokhovaya St., bldg. 1, 125009, Moscow, Russia. E-mail: putseva@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Alferez A. 1986. *Cuarto poder en España. La prensa desde la Ley Fraga 1966*. Barcelona: Plaza & Janes. (In Spanish).

Bacot J.P. 2008. La naissance du photo-journalisme. Le passage d'un modèle européen de magazine illustré à un modèle américain. *Réseaux*. 5(151). P. 9–36. DOI: 10.3917/res.151.0009 (In French).

Baylis J., Eames A. 2023. Nuclear Trust Challenged, 1958–1963. *Sharing Nuclear Secrets*. P. 114–139. DOI: 10.1093/oso/9780198875116.003.0006

Berelson B. 1952. *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe: Free Press.

Boyle P.G. 1996. The British Government's View of the Cuban Missile Crisis. *Contemporary British History*. 10(3). P. 22–38. DOI: 10.1080/13619469608581403.

Catterall P. 2012. At the End of the Day: Macmillan's Account of the Cuban Missile Crisis. *International Relations*. 26(3). P. 267–289. DOI: 10.1177/0047117812451838.

Chenille V. 2011. Le national et l'international dans les séries télévisées d'espionnage américaines et britanniques des années soixante. *Le Temps des médias*. 1(16). P. 74–85. DOI: 10.3917/tdm.016.0074. (In French).

Chomentowski G. 2016. L'expérience soviétique des cinémas africains au lendemain des indépendances. *Le Temps des médias*. 1(26). P. 111–125. DOI: 10.3917/tdm.026.0111. (In French).

del Rey Vicente. 2020. La crisis de los misiles al borde del precipicio. *Clío: Revista de historia*. №227. P. 36–43. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7642263>. (In Spanish).

Feigelson K. 2019. Filmer le Goulag. Entre histoire et mémoire. *Le Temps des médias*. 2(33). P. 145–164. DOI: 10.3917/tdm.033.0145. (In French).

Fleites Marcos Á. 2019. La Crisis de los Misiles vista por la prensa española, octubre-noviembre de 1962. *Historia y Sociedad*. №36. P. 109–131. DOI: 10.15446/hys.n36.69999. (In Spanish).

Graham J.T. 1998. Kennedy, Cuba, and the Press. *Journalism History*. 24(2). P. 60–71. DOI: 10.1080/00947679.1998.12062492.

Gunther R., Montero J. R., Wert J. I. 2000. The Media and Politics in Spain: from Dictatorship to Democracy. R. Gunther and A. Mughan (eds.) *Democracy and the Media: A Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press P. 28–84. DOI: 10.1017/CBO9781139175289.002

Lasswell H.D. 1927. *Propaganda Technique in the World War*. USA: A.A. Knopf.

Marín Escobar A.F. 2016. Crisis de los misiles de 1962: génesis de los cambios en las determinaciones en el Sistema Internacional. *Perspectivas En Inteligencia*. 8(17). P. 21–32. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=9694133> (In Spanish).

Miller R.A., Bokemper S.E. 2016. Media Coverage and the Escalation of Militarized Interstate Disputes, 1992–2001. *Media, War & Conflict*. 9(2). P. 162–179. DOI: 10.1177/1750635216648116.

Oustinoff M. 2019. De Star Trek au lancement du «traducteur universel» de Microsoft. *Hermès, La Revue*. 3(85). P. 49–54. DOI: 10.58079/pifa (In French).

Pamies Palazuelo J.C. 2014. La crisis de los misiles en Cuba a través de la óptica soviética: una doble aproximación desde la historia y la teoría de las Relaciones Internacionales. *Historia de las Relaciones Internacionales*. P. 1–9. DOI: 10.13140/2.1.4875.2326. (In Spanish).

Pizarroso Quintero A. 1989. Política informativa: información y propaganda (1939–1966). *Historia de los medios de comunicación en España. Periodismo, publicidad e imagen (1900–1990)*. P. 238–244.

Ramos R. 2016. La CIA et les dividendes de la paix: l'ouverture du renseignement américain au lendemain de la guerre froide. *Hermès, La Revue*. 3(76). P. 31–36. (In French).

Seaton J., Hughes R. 2014. The BBC and the Cuban Missile Crisis: Private Worlds and Public Service. Gioe, D., Scott, L., Andrew, C. (eds.). *An International History of the Cuban Missile Crisis: A 50-Year Retrospective*. Abingdon, Oxon: Routledge. P. 43–72.

Tenorio Maciá J.C. 2020. La integración europea en la prensa española (1945–1977). *Revista Universitaria Europea*. №33. Julio-Diciembre. P. 95–122. (In Spanish).

Uceda García J. F. 2021. Perspectivas españolas sobre la Crisis de los Misiles. *Alcalibe: Revista Centro Asociado a la UNED Ciudad de la Cerámica*. №21. P. 213–222. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=8400391>. (In Spanish).

Villaescusa Padrón A.I. 2015. La prensa cubana en el primer decenio de la Revolución. *Revista Mexicana de Ciencias Agrícolas*. Vol. 2. P. 101–109. (In Spanish).

Wang J. 2023. Britain's Reaction and Attitude towards the Cuba Missile Crisis. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. 6(1). P. 1060–1066. DOI: 10.54254/2753-7048/6/20221001.

Winter D.G. 2003. Asymmetrical Perceptions of Power in Crises: A Comparison of 1914 and the Cuban Missile Crisis. *Journal of Peace Research*. 40(3). P. 251–270. DOI: 10.1177/0022343303040003001.

Anpilova E.S. 2018. Tema Karibskogo krizisa na stranitsakh "Pravdy" 1962 goda [The Theme of the Caribbean Crisis on the Pages of "Pravda" in 1962]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3–2(81). P. 219–222. DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-2.1 (In Russian).

Beglov S.I. 2002. *Chetvertaya vlast': britanskaya model'* [The Fourth Estate: The British Model]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Belov S.I. 2023. Otrazheniye Karibskogo krizisa v videoigrakh: na primere Call of Duty: Black Ops [Reflection of the Caribbean Crisis in Video Games: on the Example of Call of Duty: Black Ops]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №2. P. 105–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-105-116. (In Russian).

Bondar' Yu.K. K. 2021. Karibskij krizis na stranicah central'nyh izdaniy SSSR i SShA: na primere gazet The New York Times i «Pravda» [Caribbean Crisis Reflected on the Soviet and American Central Newspapers' Pages: Example of The New York Times and «Pravda»]. *Meridian*. 5(58). URL: <https://meridian-journal.ru/site/article10ec/?ysclid=meiegx84rn310077712> (In Russian).

Cohen P. 2020. *Hearts and minds: The propaganda war over the British nuclear deterrent, 1957–1963* [Doctoral dissertation, University of Hertfordshire].

Fedotova L.N. 2001. *Analiz sodержaniya – sotsiologicheskii metod izucheniya sredstv massovoy kommunikatsii* [Content Analysis: A Sociological Method for Studying Mass Communication]. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russian).

Filatkina G.S., Maslina M.G., Putseva M.D., Kireeva P.A. 2023. Informatsionnoe protivostoyanie SSSR i SShA v gody kholodnoy voyny: obzor aktualnykh zarubezhnykh issledovaniy [Information Confrontation between the USSR and the USA during the Cold War: Review of Current Foreign Studies]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 12(4). P. 636–653. DOI:10.17150/2308-6203.2023.12(4).636-653 (In Russian).

Filatov G.A. 2017. Ekonomicheskiye svyazi mezhdru SSSR i frankistskoy Ispaniyei v 1960-h gg. [Economic Relations between the USSR and Francoist Spain in the 1960s]. *Iberoamerikanskiye tetradii*. №4. P. 20–26. DOI: 10.46272/2409-3416-2017-4-20-26 (In Russian).

Fomicheva I.D. 2007. *Sotsiologiya SMI* [Sociology of Mass Media]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Fursenko A.A., Naftali T. 2001. *Adskaya igra. Sekretnaya istoriya Karibskogo krizisa 1958–1964* [One Hell of a Gamble: The Secret History of the Cuban Missile Crisis 1958–1964]. Moscow: Geya Iterum (In Russian).

Gorovtsov D.E. 1996. *Evolutsiya sovetsko-amerikanskikh otnosheniy i Karibskiy krizis 1962 goda* [The Evolution of Soviet-American Relations and the Cuban Missile Crisis of 1962]. Ed. by G. G. Kasarov. Moscow: Mosk. gos. avtomobilno-dorozh. in-t (Tekhn. un-t) (In Russian).

Kodzoev M.A. 2023. «Fleshbeki» karibskogo krizisa 1962 g. v amerikano-kubinskikh otnosheniyakh 60 let spustya ["Flashbacks" of the 1962 Caribbean Crisis in American-Cuban Relations 60 Years Later]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №2. P. 60–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-60-69 (In Russian).

Korsakova N.L. 2006. *Frantsuzskaya diplomatiya i Kubinskyy krizis* [French Diplomacy and the Cuban Crisis]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) (In Russian).

Kuskova S.A. 2016. Osveshcheniye Karibskogo krizisa amerikanskimi i sovetskimi gazetami (na primere “Nyu-York Tayms” i “Pravda”) [Coverage of the Caribbean Crisis by American and Soviet Newspapers (on the Example of “New York Times” and “Pravda”)]. *Mediaalmanah*. 6(77). P. 40–47 (In Russian).

Ladygin F.I., Lota V.I. 2012. *Karibskiy krizis: sekretnaya khronika opasnoy konfrontatsii* [The Caribbean Crisis: A Secret Chronicle of a Dangerous Confrontation]. Moscow: Kuchkovo pole (In Russian).

Mikoyan S.A. 2006. *Anatomiya Karibskogo krizisa* [The Anatomy of the Caribbean Crisis]. Moscow: Academia (In Russian).

Sharonchikova L.V. 2014. «Le Monde» v menyayushchemsya mire [«Le Monde» in a Changing World]. Moscow: MediaMir (In Russian).

Tyukaeva T.I. 2017. Miropoliticheskoye vliyaniye globalnykh SMI v sovremennom mire: konstruktivistskiy podkhod [Worldpolitical Impact of Global Media in the Modern World: Constructivist Approach]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(55). P. 242–271. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271 (In Russian).

Vachnadze G.N. 1969. *Pechat' Pyatoy Respubliki. 1958–1968* [The Press of the Fifth Republic. 1958–1968]. Moscow: Izd-vo MGU (In Russian).

Yazov D.T. 2015. *Karibskiy krizis: 50 let spustya* [The Cuban Missile Crisis: 50 Years Later]. Moscow: Centrpoligrafmash

Список литературы на русском языке:

- Анпилова Е.С. 2018. Тема Карибского кризиса на страницах «Правды» 1962 года. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 3–2(81). С. 219–222. DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-2.1.
- Беглов С.И. 2002. *Четвёртая власть: британская модель*. Москва: Изд-во МГУ.
- Белов С.И. 2023. Отражение Карибского кризиса в видеоиграх: на примере Call of Duty: Black Ops. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. №2. С. 105–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-105-116.
- Бондарь Ю.К. 2021. Карибский кризис на страницах центральных изданий СССР и США: на примере газет The New York Times и «Правда». *Меридиан*. 5(58). URL: <https://meridian-journal.ru/site/article10ec/?ysclid=meiegx84rn310077712>
- Вачнадзе Г.Н. 1969. *Печать Пятой Республики. 1958–1968*. Москва: Изд-во МГУ.
- Горовцов Д.Е. 1996. *Эволюция советско-американских отношений и Карибский кризис 1962 года*. Под ред. Г.Г. Касарова. Москва: Моск. гос. автомобильно-дорож. ин-т (Техн. ун-т).
- Кодзоев М.А. 2023. «Флешбэки» карибского кризиса 1962 г. в американо-кубинских отношениях 60 лет спустя. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. №2. С. 60–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-60-69.
- Корсакова Н.Л. 2006. *Французская дипломатия и Кубинский кризис*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Кускова С.А. 2016. Освещение Карибского кризиса американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк Таймс» и «Правда»). *Медиаальманах*. 6(77). С. 40–47.
- Ладыгин Ф.И., Лота В.И. 2012. *Карибский кризис: секретная хроника опасной конфронтации*. Москва: Кучково поле.
- Микоян С.А. 2006. *Анатомия Карибского кризиса*. Москва: Academia.
- Тюкаева Т.И. 2017. Мирополитическое влияние глобальных СМИ в современном мире: конструктивистский подход. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(55). С. 242–271. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271.
- Федотова Л.Н. 2001. *Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации*. Москва: Институт социологии РАН.
- Филаткина Г.С., Маслина М.Г., Пуцева М.Д., Киреева П.А. 2023. Информационное противостояние СССР и США в годы Холодной войны: обзор актуальных зарубежных исследований. *Вопросы теории и практики журналистики*. 12(4). С. 636–653. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).636-653.
- Филатов Г.А. 2017. Экономические связи между СССР и франкистской Испанией в 1960-х гг. *Иberoамериканские тетради*. №4. С. 20–26. DOI: 10.46272/2409-3416-2017-4-20-26.
- Фурсенко А.А., Нафтали Т. 2001. *Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964*. Москва: Гея Итэрум.
- Шарончикова Л.В. 2014. *«Монд» в меняющемся мире*. Москва: МедиаМир.
- Язов Д.Т. 2015. *Карибский кризис: 50 лет спустя*. Москва: Центрполиграфмаш.

Дипломатия здравоохранения с китайской спецификой

 И.И. Арсентьева

Институт философии и права Уральского отделения РАН

Пандемия COVID-19, приведя к секьюритизации проблем общественного здравоохранения, сформировала ряд новых трендов в мировой политике и международных отношениях, в том числе существенно увеличила роль медицинской дипломатии во внешнеполитических стратегиях отдельных государств, которые рассматривают её как сферу реализации национальных интересов. Одно из таких государств – Китайская Народная Республика, называющая свои действия в период пандемии крупнейшей операцией по оказанию медицинской помощи с момента своего образования в 1949 г. В статье прослежена эволюция подходов Пекина к дипломатии здравоохранения. Определены особенности современного этапа, отличающегося прагматичным подходом, сочетанием «мягкой» и «жесткой» силы, акцентом на укреплении сотрудничества Юг–Юг и апеллированием к морали, что обозначено автором статьи как дипломатия здравоохранения с китайской спецификой. Особое внимание уделено одному из направлений инициативы «Пояс и путь» – «Шёлковому пути здоровья», под эгидой которого осуществляется дипломатия здравоохранения КНР в последнее десятилетие. Охарактеризованы изменения на фоне пандемии COVID-19, которая наглядно показала, что геополитическое соперничество мировых держав распространяется на все сферы. Китай стремился, с одной стороны, создать имидж ответственной глобальной державы, способной возглавить усилия мирового сообщества по преодолению коронакризиса; другой – извлечь из этого кризиса максимальные экономические и политические дивиденды. Тем не менее он не смог в полной мере воспользоваться ими для наращивания своего международного влияния. В статье выявлены внешние и внутренние ограничения для китайской дипломатии здравоохранения на современном этапе. Сделан вывод, что Китай пока не готов к достижению и поддержанию лидерства в данной сфере. Вместе с тем устойчивые тренды (включая создание международных коалиций на региональном и глобальном уровнях) позволяют говорить о том, что дипломатия здравоохранения, интегрируясь во внешнеполитическую стратегию КНР, оказывает всё более сильное воздействие на глобальный политико-экономический ландшафт.

Ключевые слова: дипломатия здравоохранения, вакцинация, дипломатия великой державы с китайской спецификой, дипломатия здравоохранения с китайской спецификой, инициатива «Пояс и путь», «Шёлковый путь здоровья», сотрудничество Юг–Юг, пандемия COVID-19, геополитическое соперничество США и КНР

УДК: УДК 327(510):614

Поступила в редакцию: 09.04.2025

Принята к публикации: 11.03.2026

Долгое время общественное здравоохранение рассматривалось преимущественно как вопрос внутренней политики. Дипломатия здравоохранения, или медицинская дипломатия¹, в качестве относительно самостоятельного направления, которое использует связанные со здоровьем вопросы для развития межгосударственных связей, учитывает их воздействие на международную безопасность, мировую политику и экономику, начала оформляться во второй половине XX столетия. Однако, несмотря на постепенную актуализацию проблемы в политическом и научном дискурсе, в первые два десятилетия XXI в. она оставалась в тени других вопросов.

Пандемия COVID-19, приведя к секьюритизации проблем здравоохранения², сформировала ряд новых трендов в международных отношениях, в том числе существенно увеличила роль медицинской дипломатии во внешнеполитической деятельности отдельных государств, которые всё отчётливее позиционируют её как сферу реализации национальных интересов и инструмент достижения лидерства на мировой арене. Наибольшее внимание в этом отношении привлекает КНР, называющая свои действия в период пандемии крупнейшей в национальной истории операцией по оказанию медицинской помощи³.

Исследовательский вопрос заключается в том, почему Китай, стремившийся во время пандемии, с одной стороны, создать имидж ответственной глобальной державы, способной возглавить усилия мирового сообщества по преодолению коронакризиса; с другой – извлечь экономические и политические дивиденды, не смог в полной мере воспользоваться ими для наращивания своего международного влияния. В ходе исследования планируется проверить гипотезу о том, что в силу ряда внутренних и внешних ограничений Пекин пока не готов к достижению и поддержанию лидерства в данной сфере.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей дипломатии здравоохранения КНР, способствующих и препятствующих усилению её влияния на мировой арене. Для достижения данной цели необходимо решить ряд уточняющих задач, составляющих этапы предстоящего исследования: анализ

¹ В англоязычном научном дискурсе изначально появился термин «медицинская дипломатия» (*medical diplomacy*) (Bourne 1978), в настоящее время широко используется понятие «дипломатия здравоохранения» / «дипломатия общественного здравоохранения» (*health diplomacy / public health diplomacy*); они обычно рассматриваются как синонимичные (подробнее см. Lee, Smith 2011; Арсентьева 2022). В китайской научной литературе чаще встречается понятие «дипломатия здравоохранения» (卫生外交), поэтому именно оно будет использоваться в настоящей статье для обозначения политики КНР в данной сфере.

² По этому вопросу есть разные точки зрения. Так, М.В. Харкевич и Е.С. Зиновьева отмечают, что, хотя пандемия COVID-19 секьюритизирована на уровне отдельных стран, на глобальном уровне данный дискурс встроен в более широкую рамку макросекьюритизации, исходящей из того, что доминирующие угрозы связаны с противоборством великих держав, а не с угрозами в области здравоохранения (Харкевич, Зиновьева 2022).

³ Fighting COVID-19: China in Action. White Paper. 2020. *Global Times*. 7 June. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202006/1190779.shtml> (accessed 12.04.2026).

эволюции подходов Пекина к месту и роли вопросов здравоохранения во внешнеполитической повестке; характеристика изменений, происходящих под влиянием чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения; систематизация оценок китайской дипломатии здравоохранения в зарубежном дискурсе; анализ её возможностей и ограничений на современном этапе; определение перспективных направлений дальнейших научных изысканий.

Концептуальная рамка исследования

Медицинская дипломатия, под которой мы будем понимать международную помощь и сотрудничество, направленные на укрепление здоровья и/или использующие программы в области здравоохранения для продвижения внешнеполитических целей, не связанных со здоровьем (Fazal 2020: 78), может рассматриваться сквозь призму различных теорий.

В первую очередь, выделим публичную дипломатию, которая как часть гуманитарного ресурса государства приобретает всё большее значение в современном мире (Лебедева 2020: 296). Исходя из её наработок, медицинскую дипломатию можно трактовать как деятельность, направленную на установление диалога с иностранной общественностью посредством сотрудничества в области здравоохранения, оказания медицинской помощи, обмена опытом и информацией, что особенно значимо в чрезвычайных ситуациях. Подобную трактовку дал ещё в конце 1970-х гг. автор термина «медицинская дипломатия» П. Борн: определённые гуманитарные вопросы, особенно в области здравоохранения, могут стать основой для налаживания диалога и преодоления дипломатических барьеров, а медицинская дипломатия способна выступать средством установления каналов связи между народами даже в тех случаях, когда межгосударственные отношения напряжены или разорваны (Bourne 1978: 121).

В этой связи многие исследователи рассматривают медицинскую дипломатию как инструмент «мягкой силы» (Hosseini Divkolaye et al. 2016; Kobierecka, Kobierecki 2021; Mol et al. 2021; Журавлёва 2021; Van Dijk, Lo 2023), которая используется для формирования благоприятного мнения за рубежом, для «завоевания сердец и умов людей в бедных странах посредством экспорта медицинской помощи, знаний и персонала для помощи тем, кто в ней больше всего нуждается» (Fauci 2007: 1169). Как отмечает профессор Женевского института международных отношений и развития И. Кикбуш, термин «мягкая сила» часто применяют для описания программ в области здравоохранения, которые могут повысить политическую репутацию, улучшить отношения с другими государствами, способствовать созданию альянсов. Поддержка подобных программ используется и растущими державами, когда они бросают вызов устоявшимся подходам к области развития (Kickbusch 2011).

С началом пандемии COVID-19 медицинскую дипломатию всё чаще рассматривали в рамках геополитических концепций, что особенно актуально для такого её направления, как вакцинная дипломатия. В условиях повышенного мирового спроса вакцины превратились в «геополитический маркер»⁴, а рынок вакцин стал новым полем геополитической конкуренции (Bialasiewicz 2021; Hyndman 2021; Vankovska 2021).

Перечисленные теории продуктивны и для анализа дипломатии здравоохранения КНР, которая, однако, не исчерпывается ими. Для понимания её эволюции следует принимать во внимание наработки китайской политической мысли, среди которых выделим теорию трёх миров Мао Цзэдуна, концепцию ответственной глобальной державы Ху Цзиньтао и концепцию человеческого сообщества с общим будущим (глобального сообщества совместного будущего)⁵ Си Цзиньпина. На наш взгляд, эти концепции как программное видение места и роли страны в международных отношениях определяют вехи развития дипломатии здравоохранения. Кратко обозначим ключевые положения, которые будут использоваться в ходе исследования.

После своего создания в 1949 г. КНР при развитии межгосударственных связей, в том числе в сфере здравоохранения, исходила из деления международных отношений на политико-экономические миры. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на фоне советско-китайского раскола и конфронтации с США основатель и первый глава КНР Мао Цзэдун разработал теорию промежуточных зон. В отличие от его более ранних заявлений о том, что невозможно следовать независимым путём без присоединения к одной из двух сверхдержав, новая теория делила мир на три пространства – США, СССР и промежуточные зоны, куда входят не только экономически отсталые страны Азии, Африки и Латинской Америки, но и государства Европы. Позднее глава КНР отстаивал трёхчастную концепцию: первый мир – сверхдержавы США и СССР; второй мир – страны Европы, Япония, Австралия и Канада; третий мир – страны Азии (кроме Японии), Африка и Латинская Америка. Именно третий мир, где проживает подавляющее большинство населения, выступает источником революционных сил, способных победить империализм, колониализм

⁴ Безруков А., Сушенцов А., Мамонов М. и др. 2020. *Международные угрозы 2021. Геополитика после пандемии*. Москва: МГИМО МИД России. С. 26–27. URL: <https://odin.mgimo.ru/upload/iblock/ata/int-threats-2021.pdf> (дата обращения: 12.04.2026)

⁵ Понятие 人类命运共同体, внесённое в 2018 г. в преамбулу Конституции КНР, часто переводится на английский язык как *community of common destiny for mankind*, на русский – «сообщество единой судьбы человечества». Однако, исходя из опубликованного на сайте Государственного совета КНР (<http://english.www.gov.cn/>) англоязычного текста Конституции и представленного там перевода *human community with a shared future*, а также Белых книг 2022–2023 гг., в названии которых используется наименование *global community of shared future*, в настоящей статье будут использоваться понятия «человеческое сообщество с общим будущим» и «глобальное сообщество совместного будущего», которые, на наш взгляд, корректнее с грамматической точки зрения, а второе наименование к тому же отражает рост глобальных амбиций Китая.

и гегемонизм⁶. В качестве одного из каналов налаживания связей с этим миром КНР использовала медицинскую помощь (в первую очередь, отправку бригад врачей), которая трактовалась как интернациональный долг, поэтому предоставлялась безвозмездно, несмотря на сложную социально-экономическую обстановку внутри страны.

Что касается термина «ответственная держава», то он, появившись в работах китайских экспертов в конце 90-х гг. XX столетия, утверждается в формулировке «ответственная глобальная держава» к концу 2000-х гг., во время второго срока правления Ху Цзиньтао (подробнее см. Портяков 2013; Лексютина 2018). При этом ответственность понималась Пекином как выполнение взятых на себя международных обязательств и внесение вклада в развитие мира посредством интенсификации сотрудничества по линии Юг–Юг. Со временем Китай начал всё активнее позиционировать себя как крупнейшего представителя и лидера Глобального Юга, способного нести ответственность по отстаиванию его интересов.

Наиболее рельефно это проявляется после 2012 г., с приходом к власти нового поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином, который заявил, что Китай будет всеми силами стремиться к расширению представительства развивающихся стран в глобальном управлении и получению права выступать от их имени в международных делах⁷. Для достижения этой цели Пекин перешёл к реализации более активной и всесторонней дипломатии – дипломатии великой державы с китайской спецификой⁸, которая включает ряд идей и концепций.

Центральное место занимает концепция построения человеческого сообщества с общим будущим, впервые озвученная в ноябре 2012 г. на XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в выступлении Си Цзиньпина, избранного тогда генеральным секретарём. На международном уровне он представил её в марте 2013 г. во время визита в Россию уже в статусе председателя КНР. Ключевая идея заключается в установлении нового типа международных отношений, построенного на принципах справедливости и учитывающего интересы всех государств. Если отбросить риторику (о том, что судьбы всех народов и стран взаимосвязаны, поэтому необходимо совместно преодолевать

⁶ В 1974 г. Дэн Сяопин озвучил эту теорию на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы обосновать экономическое сотрудничество КНР с некоммунистическими странами. См.: Speech by Chairman of the Delegation of the People's Republic of China, Deng Xiaoping, at the Special Session of the U.N. General Assembly (April 10, 1974). 2003. *Marxists Internet Archive*. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1974/04/10.htm> (accessed 12.04.2026).

⁷ China Pushes for Developing World's Rights as BRICS Summit Opens. 2014. *Reuters*. 15 June. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-diplomacy/china-pushes-for-developing-worlds-rights-as-brics-summit-opens-idUSKBN0FK05T20140715/> (accessed 12.04.2026).

⁸ Selected Readings from the Works of Xi Jinping. Vol. I. Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics (November 28, 2014). 2025. *Qishu: CPC Central Committee Bimonthly*. 7 March. URL: https://en.qstheory.cn/2025-03/07/c_1075423.htm (accessed 12.04.2026).

трудности, продвигаясь к большей гармонии), по сути, Китай говорит о необходимости реформирования миропорядка и своей руководящей роли в этом процессе⁹.

В 2018 г. концепция была включена в обновлённую версию Конституции КНР, а во время пандемии дополнена идеей глобального сообщества здравоохранения для всех. Пекин выдвинул пять главных принципов построения такого сообщества: ставить жизни людей на первое место; следовать научно обоснованной политике и предлагать системные ответные меры на чрезвычайные ситуации; держаться вместе, развивать солидарность и сотрудничество; обеспечивать справедливость и равноправие (в распределении выгод от медицинского прогресса); совершенствовать систему глобального управления здравоохранением¹⁰.

Главной опорой глобального сообщества совместного будущего Пекин называет инициативу «Пояс и путь», выдвинутую в 2013 г. и нацеленную на развитие всесторонних связей с разными регионами мира¹¹. В 2015–2016 гг. в рамках Инициативы было выделено направление «Шёлковый путь здоровья»¹², нацеленное на развитие сотрудничества в области здравоохранения (Tang et al. 2017; Арсентьева 2025). Активная фаза его реализации началась во время пандемии. В октябре 2023 г. на открытии III Форума «Пояса и пути» Си Цзиньпин заявил, что Инициатива, документы о сотрудничестве с которой подписали более 150 стран и 30 международных организаций, во время пандемии превратилась в «дорогу, спасающую жизни»¹³. В доказательство приводилась следующая статистика: в 2020 г. Китай стал крупнейшим мировым поставщиком медицинских изделий, включая средства индивидуальной защиты¹⁴, тесты, аппараты искусственной вентиляции лёгких¹⁵; в 2021 г. – крупнейшим экспортёром антиковидных вакцин, поставив к концу 2022 г. 1,42 млрд доз в 119 стран¹⁶.

⁹ A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. White Paper. 2023. *The State Council of the PRC*. 26 September. URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (accessed 12.04.2026).

¹⁰ Working Together to Build a Global Community of Health for All: Remarks by Xi Jinping at the Global Health Summit. 2021. *Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. 21 May. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2020zt/kjgzbdffyq/202406/t20240606_11379924.html (accessed 12.04.2026).

¹¹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. White Paper. 2023. *The State Council of the PRC*. 10 October. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202310/10/content_WS6524b55fc6d0868f4e8e014c.html (accessed 12.04.2026).

¹² Xi Calls for Building "Green, Healthy, Intelligent and Peaceful" Silk Road. 2016. *Xinhua*. 23 June. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0623/c90883-9076046.html> (accessed 12.04.2026).

¹³ Xi Jinping's Keynote Speech at 3rd Belt and Road Forum. 2023. *Belt and Road Portal*. 18 October. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0FEFLQHC.html> (accessed 12.04.2026).

¹⁴ Их доминирование в период пандемии породило наименование «масочная дипломатия» Китая.

¹⁵ China Exports over 224 billion Masks to Assist Global COVID-19 Fight. 2021. *Xinhua*. 14 January. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667681.htm (accessed 12.04.2026).

¹⁶ China COVID-19 Vaccine Tracker. 2022. *Bridge Beijing*. URL: <https://bridgebeijing.com/our-publications/our-publications-1/china-covid-19-vaccines-tracker/> (accessed 12.04.2026).

Исходя из вышеизложенного, в рамках настоящей статьи для обозначения медицинской дипломатии КНР будет использоваться наименование «дипломатия здравоохранения с китайской спецификой». В терминах западной научной мысли дипломатию здравоохранения КНР корректнее рассматривать не как механическое сочетание различных теоретических парадигм, а как многослойную политическую практику, допускающую несколько аналитических интерпретаций. В политико-экономической оптике она может быть связана с извлечением материальных выгод и расширением рынков; в реалистской – с наращиванием власти, статуса и международного влияния; в неолиберальной – с использованием институтов и механизмов сотрудничества для получения взаимных выгод; в конструктивистской – с формированием образа Китая как ответственного участника глобального управления здравоохранением (Huang 2012). Для выявления «китайской специфики» эвристическую ценность имеет также моральный реализм, разработанный Янь Сюэтуном. Эта теория сочетает базовые положения реализма – признание конкуренции держав, значения силы и национальных интересов – с идеями древнекитайской политической мысли о роли морального лидерства. В отличие от классического реализма, моральный реализм подчёркивает, что международное влияние государства зависит не только от материальных ресурсов, прежде всего экономической и военной мощи, но и от качества политического лидерства, его способности формировать доверие, демонстрировать ответственность и претендовать на моральную легитимность во внутренней и внешней политике (Yan 2016; 2019).

Источниковую базу работы составляют: белые книги КНР; документы по строительству «Шёлкового пути здоровья»; программа «Здоровый Китай – 2030»; План КНР по развитию биоэкономики на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.); документы Всемирной организации здравоохранения; треке-ры расходов на здравоохранение и поставок вакцин; выступления и заявления официальных должностных лиц; статистические данные; публикации в средствах массовой информации и т.д.

Дипломатия здравоохранения КНР в зарубежном научном и экспертном дискурсе

Дипломатия здравоохранения часто становится предметом исследования китайских учёных, многие из которых активно продвигают её на международный уровень посредством англоязычных публикаций в авторитетных научных журналах (подробнее см. Liu et al. 2014; Tang et al. 2017; Zhao, Wang 2022; Zeng et al. 2023). В целом их оценки согласуются с позицией руководства страны: китайская дипломатия, с одной стороны, вносит существенный вклад в систему глобального здравоохранения и способствует её реформированию, с другой – позволяет укреплять взаимовыгодное сотрудничество с развивающимися

странами и не преследует геополитических целей (подробнее см. Арсентьева 2025: 32–33). В этой связи основной акцент будет сделан на оценках в зарубежном научном дискурсе.

Следует отметить, что до 2000-х гг. дипломатия здравоохранения КНР почти не привлекала внимания зарубежных исследователей. Однако в 2002–2003 гг. в стране произошла вспышка SARS (атипичной пневмонии), которая, несмотря на относительно небольшое количество жертв¹⁷, повлекла за собой серьёзные политические и экономические последствия. Пекин, традиционно рассматривавший здравоохранение как внутреннюю социальную проблему и преуменьшавший её международные последствия, подвергся резкой критике за сокрытие информации и непринятие мер по борьбе с заболеванием¹⁸.

По подсчётам Азиатского банка развития, эпидемия обошлась Китаю в 6,1 млрд долл., или 0,5% ВВП¹⁹. Эти потери «могут показаться незначительными, но для режима, который ставит во главу угла экономический рост и стабильность, политические последствия экономического спада, вызванного кризисом в сфере здравоохранения, нельзя недооценивать» (Chan et al. 2010: 1). Китайские СМИ писали, что «с таким трудом завоёванное доверие между Китаем и международным сообществом было подвергнуто серьёзному испытанию» (цит. по Huang 2010: 115). В итоге Пекин был вынужден принести публичные извинения за невнимание к «нетрадиционному фактору безопасности» и признать, что под угрозой находятся здоровье и безопасность людей, развитие и стабильность, национальные интересы и международный имидж страны (Huang 2010: 116).

С этого времени начинает пересматриваться подход к участию в глобальном здравоохранении. Так, в 2003 г. Китай выступил с инициативой «Укрепление потенциала в области глобального здравоохранения»²⁰, в 2006 г. организовал совместно с Европейской комиссией и Всемирным банком конференцию по финансовой поддержке борьбы с потенциальной пандемией птичьего

¹⁷ С ноября 2002 г. по июль 2003 г. почти в 30 странах было зарегистрировано 8096 случаев заболевания, из них свыше 5300 случаев в материковом Китае. Общая смертность составила 9,6%. См.: Summary of Probable SARS Cases with Onset of Illness from 1 November 2002 to 31 July 2003. 2015. *World Health Organization*. 24 July. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/summary-of-probable-sars-cases-with-onset-of-illness-from-1-november-2002-to-31-july-2003> (accessed 12.04.2026).

¹⁸ По оценке Конгресса США, атипичная пневмония – трагический пример того, как существующая в КНР система подавляет свободу выражения мнений и препятствует освещению социально значимых проблем в СМИ. В связи с активизацией участия Китая в мировых делах это угрожает не только его гражданам, но и всем, с кем он взаимодействует. См.: Annual Report. 2003. *Congressional-Executive Commission on China*. 2 October. URL: <https://www.cecc.gov/publications/annual-reports/2003-annual-report#164a> (accessed 12.04.2026).

¹⁹ Asian Development Outlook 2003 Update. *Asian Development Bank*. URL: <https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook-2003-update> (accessed 12.04.2026).

²⁰ Statement by Chinese Permanent Representative Wang Guangya at the 58th Session of the UN Introducing a Draft Resolution Entitled “Enhancing Capacity Building in Global Public Health”. 2003. *Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN*. 27 October. URL: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/socialhr/health/t40032.htm> (accessed 12.04.2026).

гриппа²¹. Расширилось сотрудничество с международными организациями, прежде всего, с ВОЗ, генеральным директором которой в 2006 г. впервые стала представительница КНР Маргарет Чэнь. По заявлениям китайского руководства, это свидетельствовало об улучшении имиджа страны.

Если рассматривать действия Китая в региональном срезе, то наибольшую активность он проявлял в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Африке. Так, в рамках диалога Китай – АСЕАН созданы такие механизмы, как Совещание министров здравоохранения (*ASEAN–China Health Ministers Meeting*) и Совещание высокопоставленных чиновников по развитию здравоохранения (*ASEAN–China Senior Officials' Meeting on Health Development*).

На Африке остановимся подробнее, потому что именно с ней связано зарождение дипломатии здравоохранения КНР: в 1963 г. первая бригада китайских медиков отправилась в ставший независимым Алжир, который обратился за помощью к международному сообществу в связи с острой нехваткой врачей. С того времени именно отправка бригад стала основной формой оказания медицинской помощи. По официальным данным, с 1963 по 1982 г. 6,5 тыс. китайских медработников были направлены в 42 страны, в том числе в 32 африканских (Huang 2010: 108–109)²². В 1982 г. XII съезд КПК провозгласил курс на социалистическую модернизацию, что изменило политику финансирования медицинских бригад: к началу 1980-х гг. только 11% стран-реципиентов получали помощь бесплатно, 60% вносили вклад в финансирование, 29% оплачивали услуги за счёт выданных Китаем займов (Huang 2010: 111). Возможности использовать эти бригады в качестве внешнеполитического инструмента сузились, а в 1990-е гг. участие КНР в международном здравоохранении носило символический характер.

После эпидемии SARS ситуация изменилась. В опубликованной в 2006 г. Белой книге по африканской политике заявлялось, что Китай продолжит направлять медицинские бригады, поставлять лекарства и расходные материалы, помогать в открытии медицинских учреждений и подготовке персонала²³. В качестве примера реальных действий можно привести начавшуюся в 2014 г. эпидемию Эболы, когда Китай не только оказал финансовую помощь западноафриканским странам, где произошла вспышка заболевания, но и провёл обучение 13 тыс. медработников в девяти странах региона, направил свыше тысячи медиков в пострадавшие районы. По оценке ВОЗ, это были хорошо

²¹ Beijing Pledging Conference on Avian and Human Pandemic Influenza: Pledging Outcome. 2006. *World Bank*. 17 January. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/949081468014977435> (accessed 12.04.2026).

²² В 1971 г. при голосовании по резолюции 2758 (XXVI) «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединённых Наций» значительную часть голосов Пекину обеспечили африканские страны. По оценкам Пекина, важную роль в этом сыграла деятельность медицинских бригад (Li 2007: 78).

²³ China's African Policy. White Paper. 2006. *China Internet Information Center*. 12 January. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/focac/183721.htm> (accessed 12.04.2026).

подготовленные бригады, использовавшие накопленный за несколько десятилетий работы в Африке опыт и самостоятельно закупавшие необходимое оборудование, материалы, медикаменты²⁴. Также Китай принимал участие в открытии региональной сети центров по контролю и профилактике заболеваний (*Africa Centres for Disease Control and Prevention*).

Столь существенные изменения в китайской политике привели к росту интереса в экспертном сообществе. Особое внимание привлекли результаты выборов главы ВОЗ в 2006 г. По оценке Совета по международным отношениям США (*Council on Foreign Relations, CFR*), М. Чэнь способствовала реализации ряда проектов Пекина, в том числе по продвижению традиционной китайской медицины (ТКМ) на международный уровень²⁵. В январе 2017 г. перед уходом с поста главы организации именно она поставила подпись под соглашением о совместной реализации «Пояса и пути»²⁶, что сделало ВОЗ первым специализированным учреждением ООН, заключившим подобное соглашение с Китаем. Новый глава ВОЗ – представитель Эфиопии Тедрос Гебрейесус – также подвергается критике за связи с Китаем. Так, в 2017 г. газета *Washington Post* писала, что китайские дипломаты «неустанно работали в кулуарах, чтобы помочь ему победить... Победа Тедроса стала также победой Пекина»²⁷.

Серию докладов о китайской дипломатии здравоохранения подготовил американский Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, CSIS*)²⁸. В докладе 2009 г. отмечалось, что Китай стал «прозрачнее», больше делится важной информацией с международным сообществом, но эти позитивные тенденции сдерживаются традиционными соображениями национальной безопасности и суверенитета. Поэтому новая китайская дипломатия порождает и возможности, и вызовы для глобального здравоохранения²⁹. В докладе 2010 г. подчёркивалось, что у Пекина нет целостной стратегии, его усилия носят фрагментарный характер, направлены

²⁴ China's Growing Contribution to Health at Home and on the Global Stage, Lecture at the Chinese Academy of Governance. 2016. *World Health Organization*. 18 November. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/china-s-growing-contribution-to-health-at-home-and-on-the-global-stage-lecture-at-the-chinese-academy-of-governance> (accessed 12.04.2026).

²⁵ China's Approach to Global Governance: An Interactive Report. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/china-global-governance/> (accessed 12.04.2026).

²⁶ WHO, China Sign Pact Establishing "Health Silk Road". 2017. *China Daily*. 19 January. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017wef/2017-01/19/content_27993857.htm (accessed 12.04.2026).

²⁷ Ghitis F. 2017. Another Week, Another Scandal at the United Nations. *The Washington Post*. 25 October. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2017/10/25/another-week-another-scandal-at-the-united-nations/> (accessed 12.04.2026).

²⁸ Включён в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

²⁹ Lu X. (ed.) 2009. *China's Capacity to Manage Infectious Diseases. Global Implications*. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/090403_Freeman_ChinaCapacity_Web1.pdf (accessed 12.04.2026).

преимущественно на урегулирование кризисных ситуаций³⁰. Доклад 2011 г., посвящённый Африке, призывал к сотрудничеству США и КНР, чтобы помочь африканским странам повысить качество медицинских услуг. Однако для этого потребуется множество условий, в том числе поддержка руководства обеих стран и преодоление взаимных подозрений³¹.

Как считает эксперт CFR Хуан Яньчжун, один из наиболее известных специалистов по китайской дипломатии здравоохранения, усилению роли страны в глобальном здравоохранении препятствует её политика, которая, несмотря на изменившийся социально-экономический контекст, продолжает носить авторитарный, непрозрачный характер (Huang 2010; 2013). Однако Пекин становится восприимчивее к международным нормам, давлению и влиянию (Huang 2012).

В научных работах допандемийного периода по обозначенным выше причинам чаще всего фигурировала Африка (Thompson 2005; Youde 2010; Killeen et al. 2018). Так, исследователь Миннесотского университета Дж. Юд, проанализировав историю и современное состояние китайско-африканских отношений, пришёл к выводу, что дипломатия здравоохранения не только обеспечивает Китаю выгодные условия торговли и облегчает доступ к ресурсам региона, но и поддерживает его усилия по изображению себя «добропорядочным гражданином мира» (Youde 2010).

Во время пандемии COVID-19 дипломатия здравоохранения КНР, которая с 2016 г. реализуется под эгидой «Шёлкового пути здоровья», существенно расширила не только интенсивность, но и географию. Это привело к росту интереса в экспертном сообществе и усилению критики, прежде всего, со стороны США, которые, будучи крупнейшим в мире биофармацевтическим рынком и разработчиком международных стандартов в данной области, восприняли усиление позиций Китая как угрозу своему влиянию.

Приведём некоторые тезисы о «Шёлковом пути здоровья»:

– преследует внутренние и внешние цели. С одной стороны, сигнализируя китайским гражданам об ответственности их государства, повышает авторитет КПК; с другой – используется для создания имиджа ответственной, открытой к сотрудничеству державы³²;

³⁰ Bliss K. (ed.) 2010. *Key Players in Global Health. How Brazil, Russia, India, China, and South Africa Are Influencing the Game*. URL: https://cis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/101110_Bliss_KeyPlayers_WEB.pdf (accessed 12.04.2026).

³¹ Lu X. (ed.) *China's Emerging Global Health and Foreign Aid Engagement in Africa*. 2011. URL: https://cis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/111122_Freeman_ChinaEmergingGlobalHealth_Web.pdf (accessed 12.04.2026).

³² Swaine M. 2020. Chinese Crisis Decision Making – Managing the COVID-19 Pandemic. Part 1: The Domestic Component. *China Leadership Monitor*. 1 June. URL: <https://www.prclleader.org/post/chinese-crisis-decision-making-managing-the-covid-19-pandemic-part-one-the-domestic-component>; Part 2: The International Dimension. *China Leadership Monitor*. 1 September. URL: <https://www.prclleader.org/post/chinese-crisis-decision-making-managing-the-covid-19-pandemicpart-two-the-international-dimension>; Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. 2020. Mapping China's Health Silk Road. *Council on Foreign Relations*. 10 April. URL: <https://www.cfr.org/blog/mapping-chinas-health-silk-road> (accessed 12.04.2026).

- бросает вызов сложившимся нормам глобального управления. Чтобы противостоять этому, либеральные демократии по всему миру должны выступить единым антикитайским фронтом³³;
- подрывает роль Вашингтона как мирового центра экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации глобального масштаба³⁴;
- способствует узурпации Китаем международных институтов, прежде всего, ВОЗ, что, в частности, повлекло за собой медленное реагирование на вспышку COVID-19³⁵;
- строит под предлогом внедрения цифрового здравоохранения в странах Глобального Юга телекоммуникационную инфраструктуру, способствующую «экспорту авторитаризма»³⁶;
- носит преимущественно коммерческий характер и сопровождается обязательными условиями, включая публичное выражение благодарности Пекину и поддержку его политики³⁷.

Серьёзную критику вызвала вакцинальная дипломатия Китая, который, по оценкам экспертов, стремился стать поставщиком вакцин в глобальном масштабе, выступить «спасителем» развивающихся стран, чтобы искупить вину за начало пандемии³⁸ (Colley, Van Noort 2022); использовал вакцины в качестве инструмента усиления влияния в важных регионах, в том числе в тех, где традиционно сильны позиции США (Cohen 2020); выбирал реципиентов из политических соображений³⁹; отвлекал внимание мировой общественности от своих неудач и провалов по многим другим вопросам (права человека, бедность, коррупция, недостатки системы здравоохранения и т. д.)⁴⁰; стремился посредством вакцин продемонстрировать своё технологическое превосходство⁴¹ и эффективность собственной модели управления.

³³ Lee K., Racer M. 2020. China's Health Silk Road Is a Dead-End Street. *Foreign Policy*. 16 June. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/16/china-health-propaganda-covid/> (accessed 12.04.2026).

³⁴ Hillman J., Tippet A. A Robust U.S. 2021. Response to China's Health Diplomacy Will Reap Domestic and Global Benefits. *Think Global Health*. 15 April. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/robust-us-response-chinas-health-diplomacy-will-reap-domestic-and-global-benefits> (accessed 12.04.2026).

³⁵ Collins M. 2020. The WHO and China: Dereliction of Duty. *Council on Foreign Relations*. 27 February. URL: <https://www.cfr.org/blog/who-and-china-dereliction-duty> (accessed 12.04.2026).

³⁶ Edel Ch., Shullman D.O. 2021. How China Exports Authoritarianism. Beijing's Money and Technology Is Fueling Repression Worldwide. *Foreign Affairs*. 16 September. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-09-16/how-china-exports-authoritarianism> (accessed 12.04.2026).

³⁷ Lin B. et al. 2021. Is China's Covid-19 Diplomacy Succeeding? *CSIS China Power Project*. 23 September. URL: <https://chinapower.csis.org/china-covid-medical-vaccine-diplomacy/> (accessed 12.04.2026).

³⁸ Freymann F., Stebbing J. 2020. China Is Winning the Vaccine Race. How Beijing Positioned Itself as the Savior of the Developing World. *Foreign Affairs*. 5 November. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (accessed 12.04.2026).

³⁹ Lin B. et al. 2021. China is Exploiting the Pandemic to Advance Its Interests, With Mixed Results. *Center for Strategic and International Studies*. 30 September. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-exploiting-pandemic-advance-its-interests-mixed-results> (accessed 12.04.2026).

⁴⁰ Ellwood D. 2021. Vaccine Diplomacy: A New Chapter in the Story of Soft Power. *USC Annenberg*. 17 March. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/vaccine-diplomacy-new-chapter-story-soft-power> (accessed 12.04.2026).

⁴¹ Такая трактовка обусловлена тем, что производство вакцин – дорогостоящее высокотехнологическое предприятие; их разработчики стремятся «укрепить свои позиции на международной арене, в том числе с позиций «мягкой силы», как государство с развитой... базой в сфере биотехнологий» (Харкевич, Зиновьева 2022: 144).

Некоторые авторы заявляли, что откровенная, «неуклюжая» пропаганда принесла Китаю больше вреда, чем пользы, подорвала его авторитет на международной арене⁴². Акцентировалось внимание на поставках некачественного оборудования и низкой эффективности китайских вакцин, а успехи объяснялись просчётами Запада. Изредка выходили работы, призывающие США и КНР к открытому диалогу в целях минимизации рисков и максимизации преимуществ китайского проекта (Yuan 2023). Подчёркивалась необходимость разработки дальновидной стратегии, которая будет одновременно и противостоять влиянию Китая, и признать его важную роль, а также значимость американо-китайского сотрудничества⁴³.

Приведённые выше оценки позволяют говорить о том, что в американском научном дискурсе китайский проект рассматривается преимущественно как угроза сложившимся нормам глобального управления здравоохранением, где долгое время ключевую роль играли США. Мнения в других странах вариативнее. Выделим наиболее интересные, на наш взгляд, тезисы:

– западные державы проиграли битву в области вакцинной дипломатии Китаю (и России), который в условиях «вакцинного вакуума» зарекомендовал себя надёжным поставщиком в регионах, где он конкурирует за влияние с Западом или где его присутствие пока ограничено⁴⁴;

– Пекин получил возможность противопоставить себя Вашингтону, который долгое время не мог справиться со вспышкой заболевания внутри страны и не оказывал практически никакой помощи своим союзникам. Вряд ли Китай (по крайней мере в ближайшее время) займёт место США, но может в какой-то степени изменить отношение к себе (Kobierecka, Kobierecki 2021);

– запуск «Шёлкового пути здоровья» положил начало централизованной упорядоченной кампании Китая, а пандемия выступила катализатором расширения сотрудничества с развивающимися странами, что в случае бездействия Запада будет иметь долгосрочные геополитические последствия (Rudolf 2021; 2022);

– Китай прибегал к сочетанию публичной дипломатии, пропаганды, открытых и скрытых дезинформационных кампаний. Это проявлялось и в вакцинной дипломатии, используемой Пекином для смягчения внутренней и международной критики, демонстрации компетентности и щедрости⁴⁵;

⁴² Lew J.J., Roughead G., Hillman J., Sacks D. 2021. China's Belt and Road: Implications for the United States. *Council on Foreign Relations*. March. URL: <https://www.cfr.org/task-force-report/chinas-belt-and-road-implications-for-the-united-states/> (accessed 12.04.2026).

⁴³ Huang Y. 2022. The COVID-19 Pandemic and China's Global Health Leadership. *Council on Foreign Relations*. January. URL: https://www.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/Huang_CSR-92.pdf (accessed 12.04.2026).

⁴⁴ Q2 Global Forecast. What Next for Vaccine Diplomacy? 2021. *Economist Intelligence Unit*. 28 April. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=q2globalforecast21 (accessed 12.04.2026).

⁴⁵ Schafer B. 2021. Influence-enza: How Russia, China, and Iran Have Shaped and Manipulated Coronavirus Vaccine Narratives. *Indian Strategic Studies*. 29 March. URL: <https://www.strategicstudyindia.com/2021/03/influence-enza-how-russia-china-and.html> (accessed 12.04.2026).

– коронакризис использовался Пекином для вовлечения других стран в свою политическую орбиту, а его дипломатия здравоохранения предполагала обязательные политические уступки (Chen 2022);

– главное преимущество Китая заключается в маркетинге и дистрибуции. Будучи крупнейшим мировым экспортёром, он имеет прочные экономические связи с развивающимися странами, а китайские производители вакцин при поддержке правительства способны удовлетворять потребности Глобального Юга (Suzuki, Yang 2023);

– дипломатия здравоохранения является частью институциональной цепочки, формирующей структуры власти, которые помогут Китаю утвердиться в качестве ведущей державы в процессе глобальной перестройки мира (Rosas González et al. 2023);

– глобальное здравоохранение с его огромным социальным неравенством создано и поддерживается правительствами и корпорациями Запада. Китай стремится противостоять этому, в том числе посредством дипломатии здравоохранения, которая в период пандемии повысила его авторитет на Глобальном Юге (Chan 2024).

Проведённый обзор свидетельствует об отсутствии единого мнения о китайской дипломатии здравоохранения. На Западе её рассматривают преимущественно через призму геополитики; в развивающихся странах отношение более позитивное, что во многом обусловлено их участием в китайских инициативах. При этом практически все сходятся во мнении, что пандемия COVID-19 была воспринята Пекином как стратегическая возможность расширить влияние на мировой арене в целом и в глобальном здравоохранении в частности. Но, несмотря на существенные успехи, очевидно наличие определённых ограничений, которые не позволяют Китаю использовать имеющийся потенциал в полной мере.

Особенности дипломатии здравоохранения Китая на современном этапе

За последнее десятилетие дипломатия здравоохранения существенно укрепила свои позиции во внешнеполитической стратегии КНР. И если в 2010-е гг. можно было согласиться приведённым в предыдущем разделе мнением, что усилия Пекина фрагментарны и направлены преимущественно на урегулирование чрезвычайных ситуаций, то сегодня более релевантной представляется оценка Н. Ролланд, научного сотрудника Национального бюро азиатских исследований (*National Bureau of Asian Research, NBR*): «“Шёлковый путь здоровья” как одно из направлений инициативы “Пояс и путь” – это не пиар-кампания, основанная на пустых лозунгах, а систематические усилия, которые демонстрируют способность партийно-государственного аппарата Китая мобилизовать собственные структуры и аффилированных лиц, а также

номинально неправительственных акторов для реализации своего видения миропорядка. И, продолжает автор, помимо стремления извлечь коммерческие и дипломатические выгоды, «Шёлковый путь здоровья» представляет собой попытку продемонстрировать цивилизационное влияние Китая, утвердить его «мудрость» и «опыт» в качестве жизнеспособной альтернативы западным моделям»⁴⁶.

Есть мнение, что эта попытка не увенчалась особым успехом, если принимать во внимание результаты в конкретных регионах. Так, исследователи Маастрихтского университета К. Ло и с Р. ван Дейк отмечают, что, несмотря на некоторый рост привлекательности и показателей торговли в странах ЮВА, Китай во время пандемии не добился значимых успехов в укреплении «мягкой силы» (Van Dijk, Lo 2023). Немецкий профессор Д. Нольте, проанализировав политику Китая в Латинской Америке, приходит к выводу, что «дипломатия масок и вакцин» как часть стратегии «мягкой силы» была призвана сформировать и усилить позитивное восприятие Китая в странах-реципиентах, минимизировать критику его политики, открыть двери китайским компаниям на международные рынки. И в начале пандемии он действительно имел преимущество перед Западом, но в целом ситуация для него не изменилась ни геополитически, ни геоэкономически (Nolte 2023).

Российский исследователь Н.Г. Рогожина в 2021 г. подчёркивала, что необходимо время, чтобы понять долгосрочные последствия масочной дипломатии Китая (Рогожина 2021). На наш взгляд, сегодня их можно оценить как достаточно успешные. Для подтверждения сошлёмся на последний Глобальный индекс «мягкой силы», который шестой год подряд публикует британская консалтинговая компания *Brand Finance*⁴⁷. В нём оцениваются государства – члены ООН по 55 показателям, сгруппированным в восемь категорий. Согласно опросу, в котором приняли участие свыше 170 тыс. респондентов из более чем 100 стран, Китай продемонстрировал статистически значимый рост по шести категориям и 2/3 измеряемых показателей. В результате в 2025 г. он впервые поднялся на второе место в мире, уступив только США. На наш взгляд, этому в немалой степени способствовали действия Пекина в период пандемии, когда он старался создать образ компетентного, ответственного партнёра, стремящегося возглавить усилия по преодолению кризиса.

В то же время можно выделить целый ряд достаточно противоречивых факторов, которые и способствуют усилению международных позиций китайской дипломатии здравоохранения, и препятствуют продвижению к этой цели. Остановимся на некоторых из них более подробно.

⁴⁶ Rolland N. 2024. The Health Silk Road: A Branch of China's Belt and Road Initiative. *National Bureau of Asian Research*. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr113_rolland_dec2024.pdf (accessed 12.04.2026).

⁴⁷ Global Soft Power Index 2025: Ranking the Most Diplomatic Nations. 2025. *International Investments*. 11 March. URL: <https://internationalinvestment.biz/en/research/5492-global-soft-power-index-2025-ranking-the-most-diplomatic-nations.html?ysclid=mjdbdy03a8c89107531> (accessed 12.04.2026).

Дипломатия здравоохранения КНР с самого начала по вполне понятным причинам ориентировалась на развивающиеся страны. Среди принципов оказания внешней помощи, озвученных премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем во время африканского турне и изложенных в Белой книге 1964 г., на первом месте стоят равенство и взаимная выгода: это не «односторонняя милостыня, а нечто взаимное». Основной вид помощи – беспроцентные или низкопроцентные займы, чтобы «помочь... шаг за шагом встать на путь самообеспечения и независимого экономического развития»⁴⁸. При этом, как уже отмечалось, до 1980-х гг. медицинская помощь как часть внешней помощи предоставлялась бесплатно.

В Белой книге 2011 г. подчёркивается, что КНР – крупнейшая развивающаяся страна с большим населением, слабой материальной базой и неравномерным экономическим развитием. Поэтому её внешняя помощь (гранты, беспроцентные займы, льготные кредиты) является взаимопомощью развивающихся стран. Среди видов помощи названа отправка за рубеж медицинских бригад и приведена следующая статистика: в одном только 2009 г. 1324 чел. в составе 60 бригад оказывали услуги в 130 медицинских учреждениях 57 развивающихся стран⁴⁹.

В Белой книге 2021 г. заявлено, что Китай, стремясь соответствовать требованиям времени, повышает уровень своей внешней помощи до уровня международного сотрудничества в целях развития, под которым понимаются двусторонние и многосторонние усилия по линии Юг–Юг⁵⁰. Важно отметить, что за три года до выхода документа было учреждено Китайское агентство международного сотрудничества в целях развития (*China International Development Cooperation Agency, CIDCA*), отвечающее за администрирование программ помощи, своего рода аналог Агентства США по международному развитию (*United States Agency for International Development, USAID*). *CIDCA* подчиняется непосредственно Госсовету КНР, в то время как раньше вопрос находился в ведении Министерства коммерции. Последние шесть лет агентство действует под брендом *China Aid for Shared Future (ChinaAid)*, что отсылает к концепции глобального сообщества совместного будущего.

Некоторые зарубежные эксперты не только ставят под сомнение правомерность отнесения современного Китая к Глобальному Югу, но и считают, что отношения второй экономики мира с развивающимися странами всё больше

⁴⁸ China's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries (January 1964). 2011. *China Internet Information Center*. 21 April. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-04/21/content_22411843.htm (accessed 12.04.2026).

⁴⁹ China's Foreign Aid. White Paper. 2011. *The State Council of the PRC*. 21 April. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (accessed 12.04.2026).

⁵⁰ China's International Development Cooperation in the New Era. White Paper. 2021. *The State Council of the PRC*. 10 January. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (accessed 12.04.2026).

воспроизводят модель Север – Юг, или центр – периферия. Китай со своей стороны заявляет, что независимо от международной обстановки всегда будет надёжным другом и партнёром развивающегося мира⁵¹. В этой связи в некоторых исследованиях используется концепт «сотрудничество Юг– Юг с китайской спецификой» (см. напр., Warmerdam, Naan 2019).

При реализации дипломатии здравоохранения Китай действует одновременно на нескольких уровнях – двустороннем и многостороннем, региональном и глобальном. Приоритетом являются программы сотрудничества с участниками инициативы «Пояс и путь», которую Пекин называет ключевой опорой глобального сообщества совместного будущего. Сотрудничество с участниками «Пояса и пути» дополняется взаимодействием с региональными организациями – АСЕАН (Qiao et al. 2025), Африканским союзом (Killeen et al. 2018; Rodrigues Santiago, Tritto 2025), Лигой арабских государств (Tang, Hu 2023), Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Арсентьева 2025) и др. По мнению некоторых исследователей, это позволяет Китаю создавать «легко адаптируемый план управления международными отношениями в региональном масштабе» (Jakóbski 2018).

Ещё одной площадкой, на которой Китай активно реализует дипломатию здравоохранения, выступает БРИКС (подробнее см. Liu et al. 2023). Именно Пекин стал в 2011 г. инициатором включения вопросов здравоохранения в повестку дня группы, что нашло отражение в Саньясской декларации III саммита БРИКС и Пекинской декларации, принятой на Первой встрече министров здравоохранения. В министерской декларации подчёркивается необходимость реформирования ВОЗ и продвижения БРИКС как платформы для координации политики в области здравоохранения⁵². В 2017 г. Китай выдвинул идею БРИКС+ в целях создания «наиболее влиятельной платформы сотрудничества Юг – Юг»⁵³. Несмотря на во многом справедливые упреки в отсутствии реальных действий, формат БРИКС+ (на сегодняшний день 10 государств-членов и 10 государств-партнёров) потенциально способен стать переговорной платформой и для его участников, и для «стран мирового большинства с “золотым миллиардом”»⁵⁴.

⁵¹ Wang Yi: Solidarity Vital in Meeting Challenges. 2020. *China Daily*. 28 September. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/144734> (accessed 12.04.2026).

⁵² BRICS Health Ministers Declaration. 2011. *BRICS Information Centre*. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/110711-health.html> (accessed 12.04.2026).

⁵³ BRICS Mechanism Will Shine More Brightly: Chinese FM. *Xinhua*. 2017. 8 March. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/08/c_136112470.htm (accessed 12.04.2026).

⁵⁴ БРИКС становится переговорной платформой стран мирового большинства с «золотым миллиардом». 2024. *Национальный комитет по исследованию БРИКС*. 14 июня. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/666ca86a62726917c0670000> (дата обращения: 12.04.2026).

Китай позиционирует себя не только как крупнейшую развивающуюся страну, которая «делится передовым опытом и помогает другим странам обеспечивать самоподдерживающийся рост»⁵⁵, но и выражает готовность отстаивать их интересы на мировой арене. Так, утверждённая в 2016 г. программа «Здоровый Китай – 2030» включает раздел по международному сотрудничеству, где говорится о новой стратегии в области здравоохранения⁵⁶. С одной стороны, она призвана укрепить отношения с участниками «Пояса и пути», с другой – активизировать участие КНР в глобальном управлении здравоохранением, чтобы оказывать влияние на исследования, переговоры, стандарты и нормы (Chow-Bing 2020: 10–11).

Во втором случае имеется в виду, прежде всего, участие в работе ВОЗ. В 2024/2025 г. Китай с долей 15,25% (США – 22%) занимал второе место по обязательным (установленным) взносам, рассчитываемым в процентном отношении к ВВП. По этой причине его иногда называют одним из главных спонсоров организации. Однако обязательные взносы составляют менее 20% бюджета ВОЗ, основное финансирование приходится на добровольные взносы (88% из них целевые), которые платят не только государства-члены, но и международные организации, благотворительные фонды, бизнес-структуры, академические круги и т. д.⁵⁷. По этому показателю доля Китая крайне незначительна.

В связи с решением администрации Д. Трампа о выходе США из ВОЗ (членство прекратилось в январе 2026 г.)⁵⁸ Пекин заявил, что окажет поддержку организации «в выполнении ведущей и координирующей роли в глобальном управлении здравоохранением» и перечислит ей дополнительные 500 млн долл. Многие расценили это как намерение занять место ключевого игрока в организации, но речь идёт не о единовременной выплате, а о сумме на пять лет, которая включает «увеличение установленного взноса, определённую сумму добровольного взноса и поддержку проектов через Фонд глобального развития и по линии сотрудничества Юг – Юг»⁵⁹. В этом, на наш взгляд, кроется одна из дилемм дипломатии здравоохранения Китая в среднесрочной перспективе: придерживаться текущей линии (приоритет собственных форматов сотрудничества и решение проблем национальной системы здравоохранения) или, воспользовавшись отсутствием США, усилить свои позиции в ВОЗ, что налагает дополнительные финансовые обязательства.

⁵⁵ Shifting Paradigm: How the BRICS are Reshaping Global Health and Development. 2012. *Health Systems Trust*. 25 March. URL: https://www.hst.org.za/publications/NonHST%20Publications/ghsi_brics_report.pdf (accessed 12.04.2026).

⁵⁶ Li B. et al. 2020. Intensifying International Exchanges and Cooperation. *Tutorial for Outline of the Healthy China 2030 Plan*. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-32-9603-9_21 (accessed 12.04.2026).

⁵⁷ How WHO is funded. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/about/funding> (accessed 12.04.2026).

⁵⁸ Withdrawing the United States from the World Health Organization. 2025. *The White House*. 20 January. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/withdrawing-the-united-states-from-the-worldhealth-organization/> (accessed 12.04.2026).

⁵⁹ Китай выделит ВОЗ дополнительные \$500 млн в следующие пять лет. 2025. *TACC*. 20 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23998541> (дата обращения: 12.04.2026).

Отметим ещё один важный момент. Фундаментом медицинской дипломатии выступают успехи национальной системы здравоохранения и научный потенциал страны. В обнародованном в 2022 г. Плане по развитию биоэкономики, первом документе КНР подобного рода, выделяются четыре ключевых приоритета: биомедицина, биоагрокультура, биопроизводство, биобезопасность. Увеличение их общих масштабов – среднесрочная цель, которая должна быть достигнута в течение 14-й пятилетки (2021–2025 гг.); долгосрочной целью заявлен выход к 2035 г. на передовые позиции в мире (подробнее см. Zhang et al. 2022). Среди важнейших направлений развития названо поощрение инноваций в медицине и усовершенствование цепочек поставок высококачественных медицинских изделий⁶⁰. В конце первого периода можно говорить о существенных успехах, что подтверждают отчёты международных консалтинговых компаний.

В опубликованной в 2025 г. американской компанией *Frost & Sullivan* «Синей книге» отмечено, что с 2020 г. рынок медицинского оборудования в Китае растёт в среднем на 6,6% в год. Высокая конкуренция и внедрение централизованных закупок внутри страны стимулируют выход компаний на внешний рынок, что активно поощряется государством. Этому способствует растущее глобальное влияние Китая, а также пандемия, повысившая узнаваемость брендов и открывшая новые каналы и рынки сбыта продукции, в основном расходных материалов, средств диагностики и вакцин. С 2023 г., в условиях глобального экономического спада, китайские компании для повышения конкурентоспособности переключают внимание на высокотехнологичную продукцию⁶¹.

Схожие процессы наблюдаются в биофармацевтической отрасли. Так, аналитики компаний *Bloomberg* и *Norstell* говорят о тектоническом сдвиге, вызванном китайскими производителями лекарств, которые прошли долгий путь от подражательства до вызова западному господству в области инноваций. В 2024 г. число инновационных препаратов (от рака, ожирения и т. д.), находящихся в стадии разработки, достигло в Китае 1250, что почти сравнялось с показателями США. Кроме того, китайские лекарственные препараты всё активнее выходят на мировой рынок, получая одобрение регулирующих органов и западных фармацевтических гигантов⁶².

⁶⁰ China's Five-Year Bioeconomy Plan to Focus on Low-Carbon Growth, Epidemic Prevention. 2022. *The State Council of the PRC*. 10 May. URL: https://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202205/10/content_WS627a5395c6d02e533532a808.html (accessed 12.04.2026).

⁶¹ Frost & Sullivan Published the 2025 Blue Book on the Current Status and Trends of Global Expansion of Chinese Medical Devices. 2025. *Yahoo Finance*. 25 November. URL: <https://finance.yahoo.com/news/frost-sullivan-published-2025-blue-032700564.html> (accessed 12.04.2026).

⁶² China Biotech's Stunning Advance Is Changing the World's Drug Pipeline. 2025. *Bloomberg* 14 July. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2025-07-13/china-drugmakers-catching-up-to-us-big-pharma-with-new-medicine-innovation?srnd=homepage-europe> (accessed 12.04.2026).

Существенные изменения происходят в национальной системе здравоохранения. Программа «Здоровый Китай» ставит целью повышение к 2030 г. стандартов в области здравоохранения до уровня развитых стран. За истекший период зафиксирована существенная положительная динамика. Расходы государства на здравоохранение растут в среднем на 9–9,5%, а спрос населения на медицинские услуги – на 10,6% в год, что отражает повышение его платёжеспособности. Эти факторы в совокупности с численностью населения в 1,4 млрд чел. делают сектор здравоохранения привлекательным для инвесторов как отечественных, так и зарубежных, в том числе таких фармацевтических гигантов, как *Merck, AstraZeneca, Bayer*.

В то же время китайская система здравоохранения сталкивается с большим количеством проблем, назовём лишь некоторые. По данным ВОЗ, в 2024 г. расходы Китая на здравоохранение составили 5,38% ВВП (129-е место в мире). Для сравнения: в США этот показатель составляет 16,57% (4-е место), в Германии – 12,65% (9-е место)⁶³. Перед центральным правительством остро стоит проблема рационального распределения ресурсов, что осложняется размерами территории и существенными дисбалансами в социально-экономическом развитии административно-территориальных единиц. Также необходимо учитывать фактор старения населения, что увеличивает нагрузку на систему здравоохранения. По данным переписи 2020 г., в стране проживало 264 млн чел. старше 60 лет (18,7%), а к 2050 г. их количество превысит 500 млн, что составит почти треть от прогнозируемой численности населения⁶⁴. Это и многое другое свидетельствует о том, что Пекин, призывая к строительству глобального сообщества здравоохранения для всех, ещё далёк от построения такого сообщества внутри страны.

Перспективы дипломатии здравоохранения зависят от стабильности политической и экономической ситуации в стране. К тому же в силу особенностей системы управления Китай продолжает во многом оставаться закрытой страной, что снижает доверие со стороны международного сообщества. А это играет важную роль в медицинской дипломатии, затрагивающей одну из наиболее чувствительных сфер – здоровье. Также нельзя отрицать существование снофобских настроений, что отчётливо проявляется в периоды чрезвычайных ситуаций (в качестве примера можно привести начало пандемии COVID-19).

⁶³ Current Health Expenditure (CHE) As Percentage of Gross Domestic Product (GDP) (%). *World Health Organization*. URL: [\(https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/current-health-expenditure-\(che\)-as-percentage-of-gross-domestic-product-\(gdp\)-\(-\)\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/current-health-expenditure-(che)-as-percentage-of-gross-domestic-product-(gdp)-(-)) (accessed 12.04.2026).

⁶⁴ Маслов А. 2021. Китай стареет – что это значит для мира. *Российский совет по международным делам*. 13 мая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitay-stareet-cto-eto-znachit-dlya-mira/> (дата обращения: 12.04.2026).

Существенным ограничением для дипломатии здравоохранения Китая на современном этапе является слабость его «международной дискурсивной силы». Данный термин, вошедший в политический оборот при Ху Цзиньтао и получивший новое наполнение при Си Цзиньпине, в самом общем виде означает способность создавать собственные нарративы и внедрять их в мировую практику. Этим, на наш взгляд, объясняется активность Пекина в выдвижении различных инициатив и проектов, в том числе в сфере здравоохранения. Отличительная черта многих из них – апеллирование к моральным ценностям, что особенно ярко проявилось во время пандемии, когда Пекин призывал обеспечить справедливое распределение вакцин, сократить разрыв в иммунизации и т. д. Тем самым он стремился заработать моральный авторитет, что, согласно теории морального реализма, является одним из ключевых факторов глобального лидерства. Но, несмотря на большое количество инициатив и проектов, Китай до сих пор не выработал целостной стратегии в области здравоохранения. Это признают и китайские эксперты. Так, профессор Шанхайского университета международных исследований Цзинь Цзюнь отмечает, что, несмотря на значительный вклад Китая в глобальное здравоохранение, у него отсутствует всеобъемлющая стратегия, которая бы направляла его дипломатические усилия в данной области⁶⁵.

Заключение

В год официального завершения пандемии COVID-19 КНР отметила 60 лет с момента первой отправки своих медицинских бригад за рубеж и 10 лет с начала реализации инициативы «Пояс и путь», в рамках которой к настоящему времени действует целый ряд специализированных платформ сотрудничества, в том числе «Шёлковый путь здоровья». Современный этап отличается прагматичным подходом, сочетанием «мягкой» и «жесткой» силы, акцентом на укреплении сотрудничества Юг – Юг и апеллированием к морали. Комбинация этих факторов создаёт «китайскую специфику» дипломатии здравоохранения, роль которой во внешнеполитической стратегии КНР продолжает возрастать, оказывая всё более сильное воздействие на глобальный политико-экономический ландшафт.

В этой связи актуализируются её дальнейшие исследования, наиболее перспективными из которых нам представляются следующие. Во-первых, долгосрочные последствия дипломатии здравоохранения, которую Китай проводил во время пандемии COVID-19. Во-вторых, сопряжение «Шёлкового пути здоровья» с другим китайским проектом – «Цифровым Шёлковым путём».

⁶⁵ Jin J. 2024. China's Foreign Policy and Global Health Leadership. *Think Global Health*. 16 December. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/chinas-foreign-policy-and-global-health-leadership> (accessed 12.04.2026).

В-третьих, возможные изменения «Шёлкового пути здоровья» в условиях новой пандемии. В-четвёртых, медицинский потенциал новых форматов международного сотрудничества, в которых участвует Китай, в том числе БРИКС+. В-пятых, влияние обостряющейся конкуренции США и КНР на глобальное здравоохранение.

Последний аспект стал особенно актуальным в 2025 г. В сентябре китайское руководство выдвинуло Инициативу глобального управления, которая в концентрированной форме выражает главную цель всех предыдущих глобальных инициатив Пекина – реформирование мирового порядка. В декабре обнародована новая Стратегия национальной безопасности США, в которой заявлено о крахе более чем 30-летних надежд на то, что Китай встроится в так называемый «международный порядок, основанный на правилах». На наш взгляд, обостряющееся геополитическое противостояние двух мировых держав существенно увеличивает риск того, что в дипломатии здравоохранения КНР начнут доминировать геополитические расчёты, которые должны дополнять гуманитарные и экономические мотивы, а не заменять их.

Об авторе:

Ирина Ильинична Арсентьева – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, ул. Софьи Ковалевской, д.16, Екатеринбург, 620108. E-mail: airen1@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327(510):614
Received: 9 April 2025
Accepted for publication: 11 March 2026

Health Diplomacy with Chinese Characteristics

 I.I. Arsenyeva
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-83-109](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-83-109)

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines China's health diplomacy as an increasingly important component of its foreign policy strategy and global political positioning. The COVID-19 pandemic, by securitizing public health and exposing the geopolitical dimension of medical assistance,

substantially increased the relevance of health diplomacy as a sphere in which states pursue national interests, cultivate international legitimacy, and compete for influence. The People's Republic of China represents one of the most significant cases in this regard, since Beijing has described its pandemic-era assistance as the largest medical aid operation in the country's history.

The article traces the evolution of China's approach to health diplomacy from the early use of medical teams in the developing world to the contemporary Health Silk Road, one of the specialized dimensions of the Belt and Road Initiative. The study argues that China's health diplomacy has entered a new stage characterized by pragmatism, the combined use of soft and hard power, an emphasis on South–South cooperation and appeals to moral responsibility. These features are conceptualized as health diplomacy with Chinese characteristics.

The theoretical framework draws on public diplomacy, soft power, geopolitical interpretations of vaccine diplomacy, and Chinese foreign policy concepts, including Mao Zedong's theory of the three worlds, Hu Jintao's idea of China as a responsible global power, Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind, and Yan Xuetong's moral realism. The empirical basis includes Chinese white papers, documents related to the Health Silk Road, official statements, WHO materials, vaccine and health expenditure trackers, statistics, expert reports, media publications, and academic literature.

The article shows that China used the COVID-19 pandemic both to present itself as a responsible global power capable of contributing to the management of a worldwide crisis and to gain economic and political benefits. However, Beijing was unable to fully transform these opportunities into sustainable international leadership. Its health diplomacy faces external constraints, including geopolitical rivalry with the United States, distrust toward Chinese intentions, and criticism of vaccine and mask diplomacy, as well as internal limitations related to China's own healthcare system, transparency deficits, and the absence of a comprehensive global health strategy.

The article concludes that China is not yet ready to achieve and maintain leadership in global health diplomacy. Nevertheless, the institutionalization of the Health Silk Road, regional coalition-building, and the integration of health diplomacy into China's broader foreign policy strategy suggest that health diplomacy will remain an important instrument through which Beijing seeks to strengthen its international position and influence global health governance.

Keywords: health diplomacy, vaccine diplomacy, major-country diplomacy with Chinese characteristics, health diplomacy with Chinese characteristics, Belt and Road Initiative, Health Silk Road, South–South cooperation, COVID-19 pandemic, the US-China geopolitical rivalry

About the author:

Irina I. Arsenyeva – Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 16 Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russia. E-mail: airen1@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bialasiewicz L. 2021. Vaccine Geopolitics, “Big” and “Small”, and Europe's Challenge. *Green European Journal*. 29 January. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/vaccine-geopolitics-big-and-small-and-europes-challenge/> (accessed 07.12.2025)

Bourne P. 1978. A Partnership for International Health Care. *Public Health Reports*. 93(2). P. 114–123.

Chan G. 2024. *China's Health Silk Road. Vaccine Diplomacy and Health Governance*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 166 p.

Chan L.-H., Chen L., Xu J. 2010. China's Engagement with Global Health Diplomacy: Was SARS a Watershed? *PLoS Medicine*. 7(4). P. 1–6. DOI: 10.1371/journal.pmed.1000266

Chen I.T.Y. 2022. The Crisis of COVID-19 and the Political Economy of China's Vaccine Diplomacy. *Foreign Policy Analysis*. 18(3). DOI: 10.1093/fpa/orac014

Chow-Bing N. 2020. *COVID-19, Belt and Road Initiative and the Health Silk Road: Implications for Southeast Asia*. Jakarta: Friedrich-Ebert-Stiftung. 22 p.

Cohen J. 2020. China's Vaccine Gambit. *Science*. 370(6522). P. 1263–1267. DOI: 10.1126/science.370.6522.1263

Colley T., Van Noort C. 2022. China's COVID-19 Strategic Narratives in 2020 and How States Responded to Them. *Strategic Narratives, Ontological Security and Global Policy: Responses to China's Belt and Road Initiative*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 211–264.

Fauci A.S. 2007. The Expanding Global Health Agenda: A Welcome Development. *Nature Medicine*. 13(10). P. 1169–1171. DOI: 10.1038/nm1646

Fazal T.M. 2020. Health Diplomacy in Pandemical Times. *International Organization*. 74(S1). P. 78–97. DOI: 10.1017/S0020818320000326

Hosseini Divkolayeh N.S., Radfar M.H., Seighali F., Buckley Jr F.M. 2016. When Health Diplomacy Serves Foreign Policy: Use of Soft Power to Quell Conflict and Crises. *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. 10(5). P. 724–727. DOI: 10.1017/dmp.2016.31

Huang Y. 2010. Pursuing Health as Foreign Policy: The Case of China. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 17(1). P. 105–146. DOI: 10.2979/gls.2010.17.1.105

Huang Y. 2012. China and Global Health Governance. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.2169847

Huang Y. 2013. *Governing Health in Contemporary China*. London: Routledge. 192 p. DOI: 10.4324/9780203078549

Hyndman J. 2021. Vaccine Geopolitics During COVID-19: How Pandemics Thicken Borders, Exacerbate Violence, and Deepen Existing Fault Lines. *COVID-19 and Similar Futures. Pandemic Geographies*. Cham: Springer. P. 193–198. DOI: 10.1007/978-3-030-70179-6_25

Jakóbowski J. 2018. Chinese-Led Regional Multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16+1, FOCAC, and CCF. *Journal of Contemporary China*. 27(113). P. 659–673. DOI: 10.1080/10670564.2018.1458055

Kickbusch I. 2011. Global Health Diplomacy: How Foreign Policy Can Influence Health. *British Medical Journal*. №342. DOI: 10.1136/bmj.d3154.

Killeen O.J., Davis A., Tucker J.D., Meier B.M. 2018. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges. *Global Health Governance*. 12(2). P. 4–29.

Kobierecka A., Kobierecki M.M. 2021. Coronavirus Diplomacy: Chinese Medical Assistance and Its Diplomatic Implications. *International Politics*. 58(1). P. 937–954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1

Lee K., Smith R. 2011. What is 'Global Health Diplomacy'? A Conceptual Review. *Global Health Governance*. 5(1). P. 1–12.

Li A. 2007. China and Africa: Policy and Challenges. *China Security*. 3(3). P. 69–93.

Liu P., Yan Guo Y., Qian X. et al. 2014. China's Distinctive Engagement in Global Health. *Lancet*. 384 (9945). P. 793–804. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)60725-X

Liu Z., Wang Z., Xu M. et al. 2023. The Priority Areas and Possible Pathways for Health Cooperation in BRICS Countries. *Global Health Research and Policy*. 8(1). DOI: 10.1186/s41256-023-00318-x

- Mol R., Singh B., Chattu V.K. et al. 2021. India's Health Diplomacy as a Soft Power Tool towards Africa: Humanitarian and Geopolitical Analysis. *Journal of Asian and African Studies*. 57(6). DOI: 10.1177/00219096211039539
- Nolte D. 2023. China's Mask and Vaccine Diplomacy in Latin America: A Success Story? *International Politics*. DOI: 10.1057/s41311-023-00525-w
- Qiao J., Zhan S., Ren M. et al. 2025. A New Phase of China-ASEAN Health Cooperation: The China-ASEAN Beijing Declaration on Cooperation in Innovation of Health Products and Technologies. *Global Health Research and Policy*. 10. DOI: 10.1186/s41256-024-00401-x
- Rodrigues Santiago A., Tritto T. 2025. China-Africa Community with Shared Benefits: Health Cooperation and Its Wider Political and Economic Implications. *The Palgrave Handbook on China-Europe-Africa Relations*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 407–421. DOI: 10.1007/978-981-97-5640-7_19
- Rosas González M., Magaña Huerta P., Haro Barón T. 2023. La ruta sanitaria de la seda y el poder suave de la República Popular China ante el SARS-CoV-2. *Foro Internacional*. №1. P. 85–132. DOI: 10.24201/fi.v63i1.2937
- Rudolf M. 2021. China's Health Diplomacy During COVID-19: The Belt and Road Initiative (BRI) in Action. *SWP Comment*. №9. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2021C09_ChinaHealthDiplomacy.pdf (accessed 12.04.2026)
- Rudolf M. 2022. *China's Global Health Diplomacy. Revisiting Beijing's pre- and post-COVID-19 Outreach Efforts*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. 35 p.
- Suzuki M., Yang Sh. 2023. Political Economy of Vaccine Diplomacy: Explaining Varying Strategies of China, India, and Russia's COVID-19 Vaccine Diplomacy. *Review of International Political Economy*. 30(3). P. 865–890. DOI: 10.1080/09692290.2022.2074514
- Tang B., Hu H. 2023. Diplomatic Partnership Building and Transformation of China-Middle East Health Cooperation. *Chinese Journal of International Review*. 5(2). DOI: 10.1142/S2630531323500105
- Tang K., Li Zh., Li W., Chen L. 2017. China's Silk Road and Global Health. *Lancet*. 390(10112). P. 2595–2601. DOI: 10.1016/s0140-6736(17)32898-2
- Thompson D. 2005. China's Soft Power in Africa: From the 'Beijing Consensus' to Health Diplomacy. *China Brief: A Journal of Information and Analysis*. 5(21). P. 1–4.
- Van Dijk R., Lo C. 2023. The Effect of Chinese Vaccine Diplomacy During COVID-19 in the Philippines and Vietnam: A Multiple Case Study from a Soft Power Perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*. №10. DOI: 10.1057/s41599-023-02073-3
- Vankovska B. 2021. Geopolitics of Vaccines: War by Other Means? *Security Dialogues*. 12(2). P. 41–56. DOI: 10.47054/SD21122041v
- Warmerdam W., Haan A. de. 2019. South-South Cooperation with Chinese Characteristics. *Innovating South-South Cooperation: Policies, Challenges and Prospects* / Ed. by H.G. Besada, M.E. Tok, L.M. Polonenko. Ottawa: University of Ottawa Press. P. 141–172.
- Yan X. 2016. Political Leadership and Power Redistribution. *The Chinese Journal of International Politics*. 9(1). P. 1–26. DOI: 10.1093/cjip/pow002
- Yan X. 2019. *Leadership and the Rise of Great Powers*. Princeton: Princeton University Press. 280 p.
- Youde J. 2010. China's Health Diplomacy in Africa. *China: An International Journal*. 8(1). P. 151–163. DOI: 10.1142/S0219747210000099
- Yuan Sh. 2023. The Health Silk Road: A Double-Edged Sword? Assessing the Implications of China's Health Diplomacy under Covid-19. *World*. 4(2). P. 333–346. DOI: 10.3390/world4020021

Zeng W., Ding M., Liu H. 2023. China's Health Silk Road Construction During the COVID-19 Pandemic. *Global Public Health*. 18(1). DOI: 10.1080/17441692.2023.2185799

Zhang X., Zhao C., Shao M. et al. 2022. The Roadmap of Bioeconomy in China. *Engineering Biology*. 6(4). P. 71–81. DOI: 10.1049/enb2.12026

Zhao L., Wang B. 2022. China's Public Health Diplomacy in the Post Covid-19 Era. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 20(3). P. 235–244. DOI: 10.1080/14765284.2022.2056380

Arsenteyeva I.I. 2022. Transformatsiya meditsinskoi i vaksinnoi diplomatii v ehpokhu COVID-19 [Transformations of Medical and Vaccine Diplomacies in the COVID-19 Era]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(5). P. 182–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207. (In Russian)

Arsenteyeva I.I. 2025. Kitaiskii Shelkovyi put' zdorov'ya [China's Health Silk Road]. *World Economy and International Relations*. 69(1). P. 30–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-30-38. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2020. Konceptual'nye perevoploshheniya publichnoy diplomatii [Conceptual Transformations of Public Diplomacy]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(5). P. 293–306. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306. (In Russian)

Leksyutina Ya.V. 2018. Kitai kak otvetstvennaya velikaya derzhava: ozhidaniya Zapada i politika Pekina [China, Great Power Responsibility, and Global Leadership]. *International Trends*. 16(2). P. 293–306. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306. (In Russian)

Portyakov V.Ya. 2013. *Stanovlenie Kitaja kak otvetstvennoj global'noj derzhavy* [China's Emergence as a Responsible Global Power]. Moscow: IFES RAS. 238 p. (In Russian)

Rogozhina N.G. 2021. Masochnaja diplomatija Kitaja v stranah Jugo-Vostochnoj Azii [The Mask Diplomacy of China in Southeast Asia]. *South East Asia: Actual problems of Development*. 1(1). P. 73–81. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081. (In Russian)

Zhuravleva E.V. 2021. Medicinskaya diplomatiya kak instrument politiki «myagkoj sily» KNR [Medical Diplomacy as a Soft Power Instrument of the PRC]. *Kommunisticheskij Kitaj. Celi i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK*. Moscow: IFES RAS. P. 224–239. (In Russian)

Kharkevich M.V., Zinovieva E.S. 2022. «Vaksinnii natsionalizm» v kontekste konkurentsii velikikh derzhav: analiz s pozitsii teorii sek'yuritizatsii [“Vaccine Nationalism” as a Great Power Competition: Analysis from the Standpoint of the Securitization Theory]. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 27(2). P. 137–150. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.12. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Арсентьева И.И. 2022. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(5). P. 182–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207

Арсентьева И.И. 2025. Китайский Шёлковый путь здоровья. *Мировая экономика и международные отношения*. 69(1). С. 30–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-30-38

Журавлева Е.В. 2021. Медицинская дипломатия как инструмент политики «мягкой силы» КНР. *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК*. Москва: ИДВ РАН. С. 224–239.

Лебедева М.М. 2020. Концептуальные превращения публичной дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(5). С. 293–306. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306

Лексютина Я.В. 2018. Китай как ответственная великая держава: ожидания Запада и политика Пекина. *Международные процессы*. 16(2). С. 60–72. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4

Портяков В.Я. 2013. Становление Китая как ответственной глобальной державы. Москва: ИДВ РАН. 238 с.

Рогожина Н.Г. 2021. Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 1(1). С. 73–81. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081

Харкевич М.В., Зиновьева Е.С. 2022. «Вакцинный национализм» в контексте конкуренции великих держав: анализ с позиций теории секьюритизации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 27(2). С. 137–150. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.12

Капитал китайской диаспоры в экономике КНР

А.В. Афонасьева

Институт Китая и современной Азии РАН

Статья посвящена оценке роли капитала китайской диаспоры в экономическом развитии Китайской Народной Республики с 1949 г. по начало 2020-х гг. В центре исследования находится вопрос о том, в какой мере зарубежные китайцы выступали источником прямых инвестиций, предпринимательской активности, экспортного роста, занятости и налоговых поступлений в КНР. Автор анализирует эволюцию хозяйственной деятельности китайской диаспоры в несколько этапов: от ограниченного участия хуацяо в финансировании государственных и государственно-частных предприятий в 1949–1965 гг. до прекращения инвестиционных потоков в годы «культурной революции», восстановления доверия в период реформ и открытости, масштабного роста инвестиций в 1992–2007 гг. и перехода к капиталоемкому и высокотехнологичному производству в 2008–2023 гг.

Методологически статья опирается на анализ китайской и международной статистики, научной литературы, нормативных документов КНР, а также на сопоставление существующих методик оценки прямых инвестиций зарубежных китайцев. Особое внимание уделено корректировке методики расчёта инвестиций китайской диаспоры в современный период с учётом изменения роли Гонконга, Макао, офшорных юрисдикций, стран Юго-Восточной Азии, США и других центров концентрации китайского капитала.

Согласно авторским расчётам, за 1949–2023 гг. китайская диаспора инвестировала в КНР около 2,03 трлн долл., что составляет значительную часть накопленного объёма прямых иностранных инвестиций. В долгосрочной перспективе КНР оказалась победителем в конкуренции с Тайванем за капитал китайской диаспоры, хотя на ранних этапах этот результат не был предопределён. В 2008–2023 гг. позиции капитала зарубежных китайцев относительно прочего иностранного капитала в КНР заметно усилились. Делается вывод, что в условиях торгово-технологического соперничества с США и оттока части западных инвесторов капитал китайской диаспоры остаётся одним из ключевых ресурсов высокотехнологичного развития КНР и при сохранении текущих тенденций будет частично замещать уходящий западный капитал.

Ключевые слова: китайская диаспора (зарубежные китайцы, хуацяо-хуажэнь), капитал китайской диаспоры, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), прямые инвестиции зарубежных китайцев, бизнес, экономика КНР

УДК: 339.727.22(510):314.74

Поступила в редакцию: 9.04.2025

Принята к публикации: 15.03.2026

За два десятилетия до образования КНР между Коммунистической партией Китая (КПК) и партией Гоминьдан шла активная борьба за ресурсы китайской диаспоры¹. Гоминьдан выдвигала политические и патриотические лозунги без экономических предложений зарубежным китайцам. КПК сделала ставку не только на политику и патриотизм, но и на экономическую составляющую в работе с китайской диаспорой. Ставка на экономику определила в итоге победу КПК над Гоминьданом в этой борьбе. После образования в 1949 г. КНР большая часть китайских эмигрантов, несмотря на свою антикоммунистическую позицию, стала рассматривать новую страну как главного защитника своих бизнес-интересов за рубежом и старалась наладить с её руководством деловые отношения. КПК продолжила выстраивать экономические отношения с китайской диаспорой и привлекать её капитал в экономику страны. «Культурная революция» (1966–1976 гг.) в КНР и связанные с ней притеснения родственников китайских эмигрантов оставляли Тайвань, управляемому на тот момент Гоминьданом, шанс на победу в борьбе за капитал китайской диаспоры. Но с приходом к власти Дэн Сяопина в 1977 г. и началом политики реформ и открытости в КНР в 1978 г. началась переориентация китайской диаспоры на КНР. Многомиллионная китайская диаспора, проживающая практически на всех континентах и обладающая на начало реформ и открытости капиталом в размере 66,7–80 млрд долл. (Афонасьева 2024: 123), была вписана в планы социалистической модернизации в КНР².

В разные годы отдельные аспекты экономического взаимодействия КНР и китайской диаспоры были освещены в работах китайских исследователей Лун Дэнгао (Long et al. 2009, Long, Zhang (eds.) 2014), Чжан Инлуна (Zhang 2009), Жэнь Гуйсяна (Ren (ed.) 2009), Тань Чибэна (Tan 2013), Чжу Вэньчжуня и Цзя Хайтао (Zhu, Jia 2006), Ц. Сюя (Smart, Hsu 2006); западных экспертов М. Ардовино (Ardivino 2009), Г. Хали (Haley et al. 2009), К. Брауна (Brown 2008), А. Дрю (Drew 2010), А. Смарта (Smart, Hsu 2004), К. Чжана (Zhang 2006), Р. Хайтера (Hayter, Sun 1998); отечественных учёных Е. Гребенниковой (Гребенникова 1980), С. Манежева (Манежев 1990), С. Гончарова (Гончаров 1986), А. Ларина (Ларин и др. 2015) и других, включая автора данной статьи (Афонасьева 2013).

¹ Китайская диаспора или зарубежные китайцы (по-китайски: 华侨华人 *хуацяо-хуажэнь*) – это китайские эмигранты с гражданством КНР (华侨 *хуацяо*) и этнические китайцы с иностранным гражданством (华人 *хуажэнь*), включая китайских иностранцев в первом поколении и родивших за рубежом потомков китайских эмигрантов (华裔 *хуай*). Зарубежные китайцы вне зависимости от гражданства имеют свои сообщества и ассоциации широкого профиля, а также учебные заведения за рубежом, то есть они хорошо организованы и способны поддерживать свою идентичность и связи с исторической родиной.

² Социалистическая модернизация в КНР – это «китайская модель модернизации, базирующаяся на теории строительства социализма с китайской спецификой, которая является результатом осуществлённого правящей политической элитой Китая синтеза марксистских представлений о развитии общества, конфуцианских социально-политических представлений о гармоничном общественном развитии (в частности о построении общества “малого благоденствия” – “сяокан”), а также капиталистических техник и методов в области экономического реформирования» (Сизикова 2009: 14).

Цель настоящего исследования – оценить влияние капитала китайской диаспоры на экономическое развитие КНР с момента основания данного государства до настоящего времени. Достижение этой цели, с одной стороны, будет способствовать более объективному представлению о так называемом «китайском экономическом чуде», превратившем КНР из беднейшей страны во вторую экономику мира за относительно короткий по историческим меркам период (1978–2011 гг.). С другой стороны, покажет степень эффективности мер руководства КНР в области привлечения капитала китайской диаспоры и выявит, насколько китайская диаспора и КНР в действительности экономически связаны между собой.

Основная гипотеза настоящего исследования – капитал китайской диаспоры занимает весомое место в экономике КНР, является одним из ключевых ресурсов её развития, в том числе высокотехнологичного, и будет постепенно замещать уходящий из КНР с 2018 г. капитал западных компаний.

Исследование базируется на значительном объёме международных и китайских статистических и научных данных. Автор исследует китайские методики оценки прямых инвестиций китайской диаспоры в КНР в периоды 1979–1997 гг. и 1998–2007 гг., затем предлагает свой вариант методики оценки прямых инвестиций китайской диаспоры в КНР для современного периода 2008 г. – начало 2020 х гг. Он определяет основные этапы становления и развития бизнеса зарубежных китайцев в КНР, связанные с текущими социально-экономическими условиями в этой стране и ситуацией в мировой экономике.

1949–1965: финансирование государственных компаний и приоритетных отраслевых проектов

В 1949–1965 гг. китайские эмигранты фактически были единственными зарубежными частными инвесторами и предпринимателями в КНР. За 1949–1955 гг. они инвестировали в страну около 120 млрд юаней старыми деньгами (Ren Guixiang (ed.) 2009: 103) – 12 млн юаней в новых деньгах³ или 4,8 млн долл. по среднегодовому внутреннему курсу КНР в указанный период. Это эквивалентно 0,12% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры в мире (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123).

До 1953 г. *хуацяо* вкладывали прямые инвестиции в создание государственно-частных (эмигрантских) и частных предприятий обрабатывающей промышленности и туристической сферы. Они участвовали в управлении предприятиями и, согласно действующему законодательству⁴, получали

³ В 1955 г. в КНР была проведена денежная реформа (деноминация), старые деньги были заменены на новые по курсу 10000 к 1.

⁴ Lixi suodeshui zanzing tiaoli (1950) [Provisional Regulations on Interest Income Tax]. Repealed on July 25, 1986. URL: <https://www.commonprogram.science/documents/Provisional%20Regulations%20on%20Interest%20Income%20Tax.pdf> (accessed 04.03.2026).

не облагаемые 5% м подоходным налогом дивиденды. В частности, в Пекине в сентябре 1950 г. на средства *хуацяо* была основана Пекинская государственно-частная промышленно-инвестиционная компания (公私合营北京兴业投资公司). В Гуанчжоу они основали около сотни частных предприятий в сфере торговли, обрабатывающей промышленности, транспортных перевозок, ресторанном бизнесе и прочих отраслях сферы услуг. В 1950–1952 гг. на эти отрасли приходилось соответственно 34,4%, 26,5%, 18,6%, 11,8% и 8,46% всех инвестиций *хуацяо* в Гуанчжоу (Ren (ed.) 2009: 116).

В 1953 г. генеральная линия КПК на переходный период запустила процесс социалистического преобразования капитала китайских эмигрантов. *Хуацяо* лишились прав управлять бизнесом. Единственным вариантом вложения капитала в КНР для них остались портфельные инвестиции, дивиденды с которых облагались 5% м подоходным налогом.

Инвесторам действующих государственно-частных (эмигрантских) предприятий выдавали ценные бумаги (аналог облигаций госзайма) на сумму эквивалентную вложенному капиталу, а сама компания и капитал *хуацяо* переходили под полный контроль государства, которое финансировало государственные предприятия. В частности, в 1953 г. за счёт средств Пекинской государственно-частной промышленно-инвестиционной компании было профинансировано восемь государственных предприятий в Пекине, занятых в пищевой, текстильной, стекольной, химической, химико-фармацевтической промышленности, производстве строительной древесины, гостиничном сервисе для иностранцев (Chen 2010: 115).

Основатели действующих частных предприятий также фактически утратили возможность управлять бизнесом. Управление перешло государству, а *хуацяо* получили ценные бумаги (акции) этих компаний и общественное уважение за вклад в экономическое развитие соответствующих регионов, как правило относящихся к малой родине эмигрантов (侨乡 *цяосян*). Например, в Гуанчжоу за 1951–1955 гг. на средства *хуацяо* было создано 221 частное предприятие (хозяйство) в различных отраслях промышленности и сферы услуг. Эти предприятия (хозяйства) контролировали более 70% торговли транспортным электрооборудованием и местной продукцией, 69% строительной отрасли, более 52% ресторанного бизнеса, ломбардной деятельности и торговли продуктами питания, более 45% металлургической промышленности и торговли мясными продуктами, около 40% нефтехимической промышленности, более 35% химической промышленности, торговли лекарствами и внешней торговли, более 25% сферы образования, культуры, искусства, торговли топливом, более 18% красильной промышленности (см. табл. 1). В 1951–1952 гг. контроль осуществляла китайская диаспора, а в 1953–1955 гг. эта функция перешла государству.

Таблица 1. Инвестиции хуацяо в частные промышленные и торговые предприятия в Гуанчжоу в 1951–1955 гг.

Table 1. Huaqiao investments in private industrial and commercial enterprises in Guangzhou in 1951–1955.

Отрасли экономики	Число хозяйств (компаний)	Инвестиции хуацяо	
		объем, юань	доля в отрасли, %
Торговля транспортным электрооборудованием	1	1500	74,4
Торговля местной продукцией	4	17837	71,1
Строительство	6	23424	69,0
Ломбардная деятельность	1	5600	54,9
Торговля продуктами питания	16	45292	53,8
Ресторанное дело	22	541702	52,3
Торговля мясными продуктами	4	12462	48,1
Металлургическая промышленность	18	536797	45,4
Нефтехимическая промышленность	4	106100	39,7
Торговля лекарствами	51	88137	37,1
Внешняя торговля	18	905501	37,1
Химическая промышленность	27	705080	35,8
Торговля топливом	6	6779	27,4
Образование, культура и искусство	8	24651	26,2
Красильная промышленность	1	18650	18,6
Фармацевтическая промышленность	5	97340	9,4
Полиграфическая промышленность	1	50000	7,7
Машиностроение	1	25000	6,8
Производство зерна	2	24700	6,2
Торговля изделиями металлургической и химической промышленности	5	17208	5,2
Резиновая промышленность	1	7500	4,4
Обувная промышленность	1	96000	3,7
Транспорт	3	28723	2,3
Гостиничное хозяйство	3	12300	2,1
Пищевая промышленность	8	31034	1,8
Торговля текстилем	1	100	0,5
Прочее	3	90583	–
Всего	221	3520000	–

Источник: Chen 2010: 117.

Принятое в августе 1955 г. «Положение о подаче заявок хуацяо на освоение пустынных гор и целинных земель»⁵ усилило приток инвестиций хуацяо в сельское хозяйство в тропических и субтропических регионах КНР, в частности, в приоритетное для страны производство каучука.

⁵ Huaqiao shenqing shiyong guoyoude huangshan huangdi tiaoli [Regulations on Overseas Chinese Application for use of State-Owned Barren Hills and Waste Land] 1955. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2008-12/15/content_1462103.htm (accessed 04.03.2026).

За 1955–1956 гг. на Хайнане на средства китайских эмигрантов и реэмигрантов (归侨 *гуйцяо*) было создано 2325 крупных и малых частных и государственно-частных каучуковых плантаций. Площадь этих плантаций превысила 40 тыс. му (около 2,67 тыс. га), число посаженных каучуковых деревьев превышало 1,4 млн. В 1956 г. инвестиционная компания *хуацяо* из пров. Гуандун основала на Хайнане компанию по засеванию пустующих земель. Последняя, в свою очередь, объединила многие закреплённые за *хуацяо* пустующие поля в Баотинское государственное фермерское хозяйство *хуацяо* (госхоз)⁶ площадью около 100 тыс. му (6667 га) под выращивание каучуковых деревьев и других культур. Такие же плантации и фермерские хозяйства *хуацяо* (ФХХ) были созданы в Гуанси-Чжуанском АР, пров. Фуцзянь, Юньнань, а также в окрестностях Пекина и Шанхая (Ren (ed.) 2009: 109). Возделывание пустующих земель освобождалось от сельскохозяйственного налога.

Эти плантации не обошёл стороной начавшийся в КНР после 1956 г. процесс формирования сельскохозяйственных кооперативов и социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли. Собственникам не выплатили компенсацию, что нарушило их законные права и могло в дальнейшем сократить объём их инвестиций в КНР. Однако уже с августа 1957 г. китайские эмигранты получили право создавать частные и государственно-частные компании не только в сфере освоения целины и производства каучука, но и в других отраслях экономики КНР⁷.

Предоставленные *хуацяо* в августе 1955 г. и 1957 г. льготы принесли заметные результаты. Объём инвестиций китайских эмигрантов за 1956–1965 гг. вырос как минимум в 16 раз относительно 1949–1955 гг. Только в инвестиционные компании в пров. Гуандун, Фуцзянь, Юньнань, Шаньдун, Ляонин, Гуанси-Чжуанском АР, г. Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Нанкин и Вэньчжоу *хуацяо* вложили более 200 млн юаней (81,2 млн долл.), что эквивалентно почти 2% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры за рубежом (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). Более 35% этих инвестиций пришлось на пров. Гуандун и Фуцзянь (Ren 2009: 109).

Хуацяо активно инвестировали в строительство заводов. К 1960 г. число промышленных предприятий в пров. Гуандун, построенных на инвестиции *хуацяо*, превысило 100 единиц (мешочные, текстильные, красильно-отделочные фабрики, сахарные и мукомольные заводы, фруктовые компании).

⁶ Фермерские хозяйства *хуацяо* (ФХХ) или *хуацяо нунчан* – созданные руководством КНР на средства *хуацяо* госхозы для реэмигрантов с целью социальной адаптации и вовлечения последних в экономическое строительство КНР. Первое ФХХ было создано в 1951 г. в пров. Хайнань (пос. Синлун, г. Ваннин). Всего в КНР до «культурной революции» было создано 84 ФХХ.

⁷ Huaqiao touzi yu guoying huaqiao touzi gongsi de youdai banfa [Preferential Treatment for Overseas Chinese Investing in State-Owned Overseas Chinese Investment Companies]. 1957. *Law Library*. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view1.asp?id=93993 (accessed 04.03.2026).

Продукция реализовалась не только в КНР, но и в Гонконге, Макао, странах ЮВА. В пров. Фуцзянь было построено 62 завода и шахты, в том числе сахарный завод в Цюаньчжоу и консервный завод в Сямэне (Chen 2010: 123). Инвесторы фактически участвовали в управлении этими предприятиями до введения в 1958 г. единого торгового-промышленного налога (ЕТПН) и новых ставок сельскохозяйственного налога. Ставки ЕТПН и нового сельскохозяйственного налога значительно превысили сохранявшуюся на уровне 5% ставку подоходного налога с дивидендов по портфельным инвестициям. Это сделало портфельный вариант вложения капитала более выгодным для *хуацяо*.

Таким образом, с момента образования КНР в 1949 г. до «культурной революции (1966–1976 гг.)» *хуацяо* вложили в экономику КНР более 212 млн юаней (86 млн долл.), что эквивалентно 2,1% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры в мире в 1949–1965 гг. (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). Территориально эти инвестиции были сосредоточены в 12 регионах КНР: пров. Гуандун, Фуцзянь, Хайнань, Юньнань, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун, Ляонин, Хубэй, Гуанси-Чжуанский АР, г. Пекин и Шанхай (см. рис. 11, штрих). Для сравнения, в сопоставимый период 1952–1965 гг. *хуацяо* инвестировали на Тайвань около 110 млн долл. (Chen 2010: 159), что соответствует 2,7% среднегодового объёма их капитала за рубежом (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). На Тайвань *хуацяо* инвестировали на 28% больше капитала, чем в КНР. Эти средства шли на развитие высокотехнологичных отраслей промышленности Тайваня. То есть, несмотря на готовность китайской диаспоры поддержать экономическое строительство КНР, Тайвань на данном этапе всё же был более привлекательной территорией для бизнеса китайской диаспоры.

Относительно малый объём инвестиций *хуацяо* в КНР не мог удовлетворить потребности индустриального строительства в масштабах всей страны. Индустриальное строительство в КНР в указанный период осуществлялось во многом благодаря помощи со стороны СССР, который предоставлял кредиты на льготных условиях под строительство крупных промышленных предприятий и закупку передового оборудования, направлял своих специалистов для организации работы на этих предприятиях, передавал научно-техническую документацию, оказывал научно-техническую и производственную помощь в добыче полезных ископаемых и в развитии каучуковых плантаций. Общая сумма кредитов, предоставленных СССР Китаю за 1950–1961 гг., составила 1816 млн руб. или 2018 млн долл. по внутреннему курсу СССР на 01.01.1961 г. (Сладковский 1974: 277). Это в 23,5 раз больше, чем инвестиции *хуацяо* в КНР за 1949–1965 гг. Стоимость безвозмездной советской научно-технической помощи (включая военную технику и ядерные исследования) КНР в 1949–1966 гг., по оценкам группы научных сотрудников ИДВ АН СССР, была не менее 10 млрд долл. (Сладковский 1974: 278).

Китайские эмигранты, несмотря на имеющиеся финансовые возможности, оказывали значительно меньшее влияние на развитие экономики КНР

в рассматриваемый период, чем могли бы. Однако в экономическое развитие отдельных регионов страны, относящихся к малой родине эмигрантов, их инвестиции внесли весомый вклад. Например, в 1956 г. акционерный капитал *хуацяо* составлял 10% всего объёма инвестиций в промышленность пров. Гуандун и Фуцзянь. Они профинансировали строительство 44 промышленных и горнодобывающих предприятий, фермерских хозяйств (госхозов), транспортных компаний (Chen 2010: 123–124).

Сравнительно низкий объём инвестиций китайской диаспоры в КНР в 1949–1965 гг. можно объяснить отсутствием уверенности в эффективности вложений и недоверием к модели экономического развития КНР по образцу СССР. Бизнес-круги китайской диаспоры настороженно относились к тесному сотрудничеству КНР с СССР и вели бизнес в капиталистических странах или их колониях. Китайские эмигранты также испытывали некоторое недоверие к инвестиционному климату КНР, которая то директивными методами, то налоговой политикой стремилась получить полный контроль над их инвестициями.

1966–1977 гг.: полное прекращение потока инвестиций и приостановление бизнеса зарубежных китайцев в КНР

Степень взаимного недоверия КНР и китайской диаспоры значительно усилилась со стартом в стране «культурной революции» (1966–1976 гг.). В 1966–1967 гг. власти страны упразднили все инвестиционные компании *хуацяо* в пров. Гуандун и Фуцзянь и конфисковали ФХХ. Родственников китайских эмигрантов и реэмигрантов в КНР приравнивали к классу буржуазии. Их притесняли за связи с заграницей, незаконно лишали имущества, денежных переводов из-за рубежа, избивали, сажали в тюрьмы по сфабрикованным делам и даже убивали.

В таких условиях КНР потеряла доверие зарубежных китайских инвесторов. Инвестиционный поток от китайских эмигрантов в КНР полностью прекратился. Тем временем объём инвестиций *хуацяо* на Тайвань составил примерно 591,2 млн долл. (Chen 2010: 159) за 1966–1977 гг., что было эквивалентно 3,6% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры за рубежом (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). Благодаря «культурной революции» КНР недополучила примерно 461,9 млн долл. инвестиций *хуацяо*, если учитывать, что до 1966 г. распределение инвестиций китайских эмигрантов между КНР и Тайванем составляло 1:1,28.

Лишившись основного источника валютных поступлений в страну в виде китайской диаспоры, прагматически настроенная часть руководства КНР в 1968 г. стала добиваться возврата семьям *хуацяо* жилья и денежных переводов. В целом ей это удалось. Для части семей китайских эмигрантов «культурная революция» завершилась на 5–8 лет раньше, чем для большинства жителей КНР (Афонасьева 2022: 63).

Ближе к концу «культурной революции» КНР начала разморозку капитала инвесторов-хуацяо. К концу 1975 г. инвесторам упразднённых компаний вернули чуть более 40% капитала и дивидендов – 58 млн юаней (31,5 млн долл.). Общая сумма невозвращённых денежных средств составила 82 млн юаней (Мао, Lin 1993: 103) или 44,6 млн долл. Погашение задолженности КНР перед хуацяо в 1977–1978 гг. стало ключевым шагом к восстановлению доверия китайской диаспоры. До объявления в декабре 1978 г. о политике реформ и открытости руководство КНР смогло вернуть эти средства и заручиться поддержкой китайской диаспоры, обладающей необходимыми для экономического строительства ресурсами.

1978–1991 гг.: возобновление инвестиционных потоков, трудоёмкое производство, ориентация на экспорт

Китайская диаспора с воодушевлением приняла известие о начале в КНР политики реформ и открытости в 1978 г., хотя и сохраняла некоторую степень недоверия к коммунистическому правительству КНР. В реформах она видела уникальный шанс для развития собственного бизнеса на исторической родине. Правительство КНР рассматривало китайскую диаспору как один из ключевых инструментов проведения социалистической модернизации.

В 1978–1987 гг. зарубежные китайцы вкладывали портфельные инвестиции в государственные инвестиционные компании КНР и прямые инвестиции в создание совместных предприятий (СП) в свободных экономических зонах (СЭЗ) и зонах технико-экономического развития (ЗТЭР), основанных преимущественно в регионах, относящихся к малой родине эмигрантов. Весьма популярным у зарубежных китайцев было создание СП семейного типа или краткосрочное (до трёх лет) сотрудничество бартерного типа через компании *сань лай и бу*⁸, не имеющие статуса юридического лица. Это соответствовало основным способам инвестирования капитала, изложенным Ляо Чэнчжи⁹ в рабочем докладе на Всекитайском конгрессе по делам китайских эмигрантов в декабре 1978 г.: «Добросовестно осуществлять политику партии по работе с делами китайских эмигрантов – значит бороться за сильное социалистическое государство, проводящее модернизацию» (Liao 1990: 546–557).

⁸ Компании типа *сань лай и бу* (дословно: берем три – возмещаем одно) занимались переработкой давальческого сырья, давальческих материалов, сборочными работами и компенсационной торговлей.

⁹ Ляо Чэнчжи (廖承志/Liao Chengzhi) 1908–1983 гг. – государственный деятель КНР, специализирующийся на работе с китайской диаспорой. Заместитель председателя Комитета по делам китайских эмигрантов в 1949–1959 гг.; председатель Комитета по делам китайских эмигрантов в 1959–1970 гг.; председатель Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР в 1978–1983 гг.

«Временное положение Госсовета КНР о льготах для инвестиций китайских эмигрантов (1985) (далее – «Временное положение 1985»)¹⁰ и «Положение Госсовета КНР о поощрении инвестиций китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао (1990) (далее – «Положение 1990»)¹¹ фактически закрепили за зарубежными китайцами, а также за соотечественниками из Гонконга, Макао¹² и в некоторых случаях из Тайваня¹³ статус привилегированных инвесторов. Они получили значительно больше льгот и преференций в КНР, чем местные и иностранные предприниматели некитайского происхождения (далее – собственно иностранцы). Зарубежные китайцы стали переходить от создания компаний типа *сань лай и бу* на срок не более трёх лет к открытию компаний трёх видов капитала (*саньцзы цие*)¹⁴ на срок 5–30 лет.

В 1979–1982 гг. совокупный объём инвестиций *хуацяо-хуажэнь* составил 640 млн долл. (в среднем 160 млн долл. в год). В 1983 г. они инвестировали 350 млн долл., что почти в 2,2 раза выше среднегодовой суммы их инвестиций в 1979–1982 гг. В 1984 г. инвестиции зарубежных китайцев выросли почти в два раза. В 1985–1989 гг. они росли в среднем на 21,4% в год, при этом максимальные темпы роста (более 30%) пришлось на 1985 г. и 1988 г., когда было принято и полностью реализовано «Временное положение 1985», а минимальные (6,25%) – на 1989 г., когда шла подготовка проекта «Положения 1990». В августе 1990 г. этот документ вступил в силу, и, как показывает статистика, стимулировал рост прямых инвестиций *хуацяо-хуажэнь* в КНР. С октября 1990 г. по декабрь 1991 г. объём зарубежных китайских инвестиций составил 5,71 млрд долл. или около 380 млн долл. в среднем в месяц. За январь – сентябрь 1990 г. КНР получила от зарубежных китайцев 1,21 млрд долл. прямых инвестиций, то есть в среднем 134 млн долл. в месяц (см. табл. 2). Таким образом, согласно среднемесячным оценкам, новые льготы и преференции, прописанные в «Положении 1990», привели к росту прямых инвестиций зарубежных китайцев в 2,8 раза.

¹⁰ Guowuyuan guanyu huaqiao touzi youhui de zanxing guiding [Interim Provisions of the State Council on Investment Preferences for Chinese Emigrants]. 1985. *Law Star*. URL: <http://law1.law-star.com> (accessed 04.03.2026).

¹¹ Guowuyuan guanyu guli huaqiao he xianggang aomen tongbao touzi de guiding [Provisions of the State Council on Encouraging Investment by Chinese Emigrants and Compatriots from Hong Kong and Macau]. 1990. *Overseas Chinese Affairs Office of the State Council*. URL: <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node102/userobject7ai1540.html> (accessed 04.03.2026).

¹² Льготы и преференции для китайских эмигрантов по указанным документам 1985 и 1990 гг. распространялись и на иностранцев китайского происхождения (*хуажэнь*), а также на соотечественников из Гонконга и Макао.

¹³ Льготы и преференции для китайских эмигрантов по указанному документу 1985 г. распространялись на соотечественников из Тайваня. С 1994 г. бизнес тайваньцев в КНР регулируется отдельным документом – «Законом КНР о защите инвестиций соотечественников из Тайваня». См.: Zhonghua renmin gongheguo taiwan tongbao touzi baohu fa [The Law of the PRC on the Protection of Investments by Taiwan Compatriots]. 1994. *Law Star*. URL: <http://law1.law-star.com> (accessed 04.03.2026).

¹⁴ Компании трёх видов капитала (三资企业 *саньцзы цие*) – это китайский термин, обозначающий в совокупности три типа компаний с иностранным капиталом (в том числе с капиталом *хуацяо-хуажэнь*): предприятия со 100%-м иностранным капиталом (外商独资企业 *вайшан дуцзы цие*), китайско-иностранные совместные предприятия (中外合资企业 *чжунвай хэцзы цие*), китайско-иностранные кооперативы (中外合作企业 *чжунвай хэцзо цие*).

С октября 1990 г. по декабрь 1991 г. доля инвестиций зарубежных китайцев в общем объёме ПИИ в КНР выросла до 62,1%, тогда как в предшествующие периоды составляла около 55% (см. табл. 2), что говорит об эффективности льгот и преференций по «Положению 1990» и росте уровня доверия и интереса деловых кругов китайской диаспоры к проводимым в КНР реформам.

Таблица 2. Инвестиции зарубежных китайцев в сравнении с объёмом ПИИ в КНР в 1979–1991 гг.

Table 2. Overseas Chinese Investments in Comparison with FDI Stocks in the PRC in 1979–1991

Период/год	Общий объём ПИИ, млрд долл.	Инвестиции зарубежных китайцев	
		Объём, млрд долл.	Доля в ПИИ, %
1979–1982	1,17	0,64	54,7
1983	0,64	0,35	54,7
1984	1,26	0,69	54,8
1985	1,66	0,91	54,8
1986	1,87	1,03	55,1
1987	2,31	1,28	55,4
1988	3,19	1,76	55,2
1989	3,39	1,87	55,2
01–09.1990	2,20	1,21	55,0
10.1990–12.1991	9,20	5,71	62,1
1979–1991	26,89	15,45	57,5

Источники: составлено и рассчитано по: Chen 2010: 138–139; *Zhongguo tongji nianjian 1999* [China Statistical Yearbook 1999]. Table 17–13. URL: <https://www.stats.gov.cn/yearbook/indexC.htm> (accessed 04.03.2026).

Всего за 1979–1991 гг. зарубежные китайцы инвестировали в КНР в общей сложности 15,45 млрд долл., что соответствует 10,2% капитала китайской диаспоры в мире. Для сравнения, на Тайвань в 1978–1991 гг. они инвестировали в семь раз меньше, чем в КНР – 2,2 млрд долл.¹⁵ или 1,5% в эквиваленте к объёму капитала китайской диаспоры в мире (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). Профессор Цзинаньского университета (Гуанчжоу) Чжан Инлун оценивает прямые инвестиции зарубежных китайцев как сумму инвестиций, поступивших в КНР из Гонконга, Макао и пяти стран ЮВА: Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин (Zhang 2009: 227). Гонконг и Макао в это время ещё не перешли под юрисдикцию КНР: все китайцы, проживавшие в этих регионах, фактически являлись зарубежными для материкового Китая. В пяти странах ЮВА было сосредоточено 75% капитала китайской диаспоры, который поступал в КНР напрямую или через Гонконг и Макао.

¹⁵ Рассчитано по: Чэнь 2010: 157, 159; 102 nian jingji tongji nianbao. F2 Hezhun huaqiao touzi – an diqu biefen [2013 Yearbook of Economic Statistics. F2 Approved Overseas Chinese Investment – by Area]. 2014. Taipei: Ministry of Economic Affairs (Executive Yuan). 266 p. P. 161.

Всего за 1979–1991 гг. зарубежные китайцы открыли в КНР 32,1 тыс. предприятий (75,5% от общего числа иностранных предприятий), на которых трудилось 0,7% всего занятого городского населения¹⁶. В основном это были трудоёмкие предприятия обрабатывающей промышленности, ориентированные на внешние рынки. На обрабатывающую промышленность были нацелены и иностранные инвесторы в целом. В 1990 г. на эту отрасль пришлось 93,7% иностранных инвестиционных проектов. Рост ПИИ в обрабатывающую промышленность привёл к значительному увеличению объёма экспорта из КНР. В 1979–1987 гг. среднегодовой объём экспорта составлял 24,8 млрд долл., а в 1988–1991 гг. – 58,5 млрд долл. (рост в 2,4 раза) (Афонасьева 2013: 32).

Зарубежные китайцы имели право вести хозяйственную деятельность на всей территории КНР. Однако в 1979–1983 гг. они развивали бизнес в пров. Гуандун (Шэньчжэнь, Шаньтоу, Чжухай) и Фуцзянь (Сямэнь). Эти провинции являются малой родиной для большинства зарубежных китайцев и имеют выгодное географическое положение – близость к Гонконгу, Макао, ЮВА и выход к южно-китайскому морю. В 1984–1991 гг. кроме вышеуказанных провинций *хуацяо-хуажэнь* освоили пров. Цзянсу, Чжэцзян, Ляонин, Шаньдун, Хэбэй, Аньхой, Хайнань, Юньнань, Гуанси-Чжуанский АР, г. Шанхай и Тяньцзинь (см. рис. 11).

1992–2007 гг.: наращивание объёмов инвестиций, переориентация на капиталоемкое производство, сохранение ориентации на экспорт

В 1992 г. в ходе инспекционной поездки на экономически развитый юг страны Дэн Сяопин заручился поддержкой местных чиновников и влиятельных бизнес-кругов, состоящих в это время из представителей китайской диаспоры или связанных с ней предпринимателей – реэмигрантов и родственников эмигрантов. Это позволило, несмотря на имеющиеся внутри КПК идеологические разногласия, отстоять курс на дальнейшее проведение реформ, в том числе улучшить инвестиционный климат для зарубежных китайских и собственно иностранных предпринимателей в КНР.

С 1993 г. КНР на регулярной основе проводит мероприятия по презентации новых бизнес-возможностей для зарубежных китайских инвесторов. В 1994 г. был отменен ЕТПН и введена нулевая ставка НДС для экспортных товаров. Импортное оборудование для нужд компаний типа *сань лай* и *бу* было освобождено от уплаты НДС, а экспортные товары – от налога на потребление. С предприятий обрабатывающей промышленности не взимался налог

¹⁶ Рассчитано по: *Zhongguo shangwu nianjian 2008* [China Commerce Yearbook 2008]. Pekin: China Commerce and Trade Press. 2008. P. 197; *Zhongguo tongji nianjian 2008* [China Statistical Yearbook 2008]. Table 4–2. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2008/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

на хозяйственную деятельность. Всё это привело к стремительному росту ПИИ в КНР в 1992–2007 гг. (см. рис. 1). Более чем 10% е сокращение ПИИ в 1999–2000 гг. вызвано Азиатским финансовым кризисом 1998–1999 гг., который сильно затронул главный регион концентрации капитала китайской диаспоры в 1990 е гг. – ЮВА.

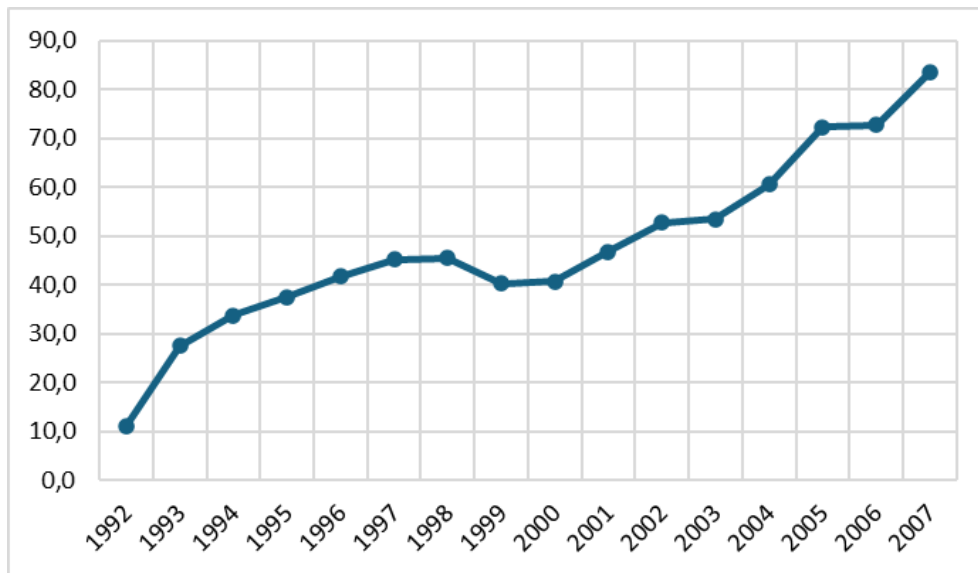

Рисунок 1. Динамика ПИИ в КНР 1992–2007 гг., млрд долл.

Figure 1. Dynamics of FDI in the PRC in 1992–2007, billion dollars

Источник: *Zhongguo tongji nianjian 2024 [China Statistical Yearbook 2024]. Table 11–13. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).*

Ключевыми зарубежными инвесторами КНР на данном этапе оставались *хуацяо-хуажэнь*. За 1992–1997 гг. объём их прямых инвестиции в КНР автор рассчитывал по методике проф. Чжан Инлуна как сумму прямых инвестиций из Гонконга, Макао и пяти стран ЮВА (Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин) в КНР. В 1998 г. Гонконг уже находился под юрисдикцией КНР, готовился аналогичный переход Макао. Местные предприниматели этих двух регионов более не являлись или в скором времени переставали являться зарубежными по отношению к материковому Китаю. Однако, Гонконг и Макао в силу исторических, культурных и политических особенностей сохраняли привлекательность для деловых кругов китайской диаспоры. С 1998 г. зарубежные китайские предприниматели, в том числе из ЮВА, США и Западной Европы, стали активно инвестировать в КНР через Каймановы о-ва, Виргинские о-ва и прочие офшорные зоны.

С учётом вышеназванных обстоятельств и тенденций, в 2009 г. группа китайских учёных под руководством профессора Университета Цинхуа Лун Дэнгао предложила новую, основанную на эмпирическом опыте, методику оценки

прямых инвестиций зарубежных китайцев в КНР с 1998 г. (далее – методика Лун Дэнгао). Объём этих инвестиций стали рассчитывать как 95% прямых инвестиций из Гонконга, Макао, пяти стран ЮВА (Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура, Филиппин) и 80% прямых инвестиций из офшорных зон (Каймановы о-ва, Виргинские о-ва (Брит.), Маврикий, Самоа, Бермуды и другие) в КНР (Long et al. 2009: 2). Представим данную методику в виде эмпирической формулы:

$$OCDI = 95\% \sum_{i=1}^7 (fdi_r)_i + 80\% \sum_{i=1}^n (fdi_z)_i \quad (1)$$

где, *OCDI* – прямые инвестиции зарубежных китайцев в КНР;

fdi_r – ПИИ каждой из семи стран и регионов (Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин, Гонконга, Макао);

fdi_z – ПИИ каждой из офшорных зон (Каймановы о-ва, Виргинские о-ва (Брит.), Маврикий, Самоа и другие);

n – фактическое число офшорных зон, из которых поступили ПИИ в КНР.

Методики Лун Дэнгао и Чжан Инлуна носят условный характер и позволяют оценить только общий объём прямых инвестиций зарубежных китайцев. Полученные по этим двум методикам расчётные данные показывают устойчивую тенденцию роста прямых инвестиций зарубежных китайцев в КНР в 1992–2007 гг. (см. рис. 2).

В 1992 г. китайская диаспора вложила в КНР 8 млрд долл. (72,5% ПИИ). В 1993 г. её прямые инвестиции выросли в 2,4 раза, составив 18,9 млрд долл. (68,5% ПИИ) (см. рис. 2). Она не только на словах, но и на деле поддержала дальнейшее проведение реформ в КНР.

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и эпидемия атипичной пневмонии (SARS) 2002–2004 гг. вызвали краткосрочное снижение объёма прямых инвестиций китайской диаспоры в 1999 г. и 2003 г. соответственно.

Всего за 1992–2007 гг. *хуацяо-хуажэнь* инвестировали в КНР 412,5 млрд долл. (53,9% накопленных ПИИ) (см. рис. 2), что соответствует 33,7% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры в мире (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123). Для сравнения, инвестиции зарубежных китайцев на Тайвань за аналогичный период составили 1,3 млрд долл.¹⁷ – 0,1% в эквиваленте к объёму капитала китайской диаспоры в мире (рассчитано по: Афонасьева 2024: 123).

¹⁷ Рассчитано по: Chen 2010: 157, 159; 102 nian jingji tongji nianbao. F 2 Hezhun huaqiao touzi – an diqu biefen [2013 Yearbook of Economic Statistics. F2 Approved Overseas Chinese Investment – by Area]. Taipei: Ministry of Economic Affairs (Executive Yuan). 2014. 266 p. P. 161.

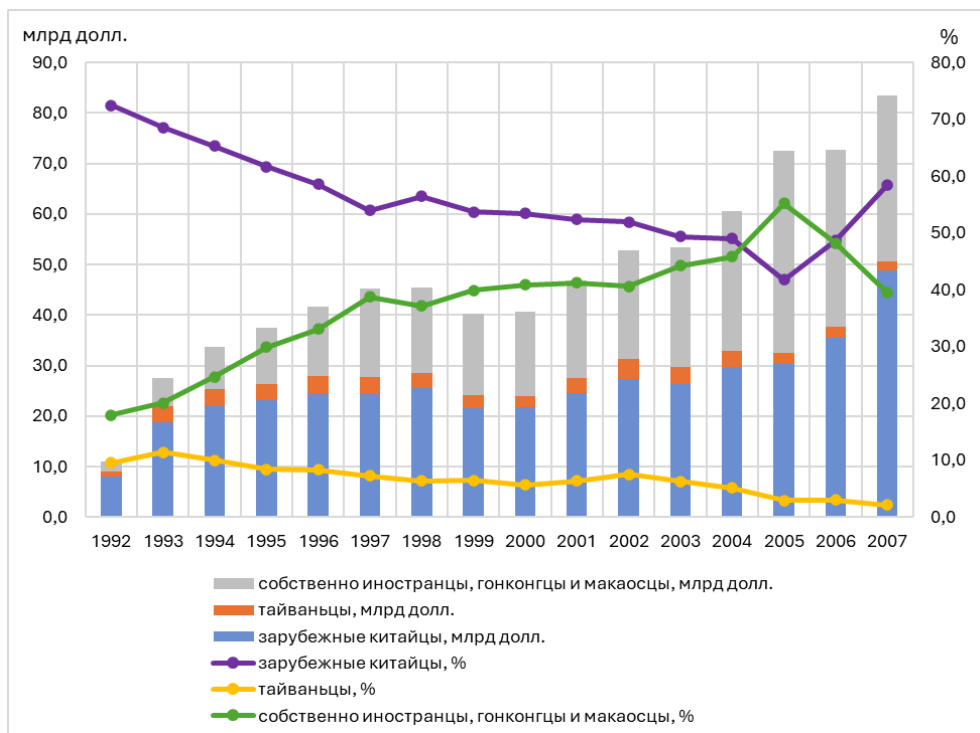

Рисунок 2. Динамика прямых инвестиций китайской диаспоры в КНР в сравнении с другими инвесторами в 1992–2007 гг., млрд долл.

Figure 2. Dynamics of direct investment of the Chinese diaspora in the PRC in comparison with other investors in 1992–2007, billion dollars

Источник: рассчитано по: Zhang (ed.) 2009: 227; Long et al. 2009: 2–3; формула (1); Afonaseva 2013: 36–37, 208; Zhongguo tongji nianjian 2000, 2002 [China Statistical Yearbook 2000, 2002], Table 17–15; Zhongguo tongji nianjian 2005 [China Statistical Yearbook 2005]. Table 18–15; Zhongguo tongji nianjian 2024 [China Statistical Yearbook 2024]. Table 11–13. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/j/> (accessed 04.03.2026).

В 1992–2007 гг. в КНР также рос объём прямых инвестиций собственно иностранных инвесторов, гонконгцев и макаоцев (см. рис. 2). Собственно иностранцы на данном этапе получили право продавать свою продукцию в КНР. Гонконгцы и макаоцы получили это право в августе 1990 г. Зарубежные китайцы с начала реформ имели такую возможность, но сохраняли ориентацию на экспортное производство. В 1994 г. сопоставимые с зарубежными китайцами, гонконгцами и макаоцами права получили тайваньцы¹⁸, что не привело к заметному росту прямых инвестиций из этого региона, напротив, с 1995 г. по 2007 г. они имели общую тенденцию к снижению (см. рис. 2).

¹⁸ Zhonghua renmin gongheguo taiwan tongbao touzi baohu fa [The Law of the PRC on the Protection of Investments by Taiwan Compatriots]. 1994. *Law Star*. URL: <http://law1.law-star.com> (accessed 04.03.2026).

За 1992–2007 гг. зарубежные китайцы открыли в КНР 334,3 тыс. новых компаний (56,7% всех иностранных компаний в КНР) – это в 1,8 раза больше, чем число компаний, открытых собственно иностранными, гонконгскими и макао-скими инвесторами, и в 4,7 раза больше числа компаний, основанных тайваньскими инвесторами. На рис. 3 количественное соотношение данных предприятий в абсолютных и относительных числах показано в динамике.

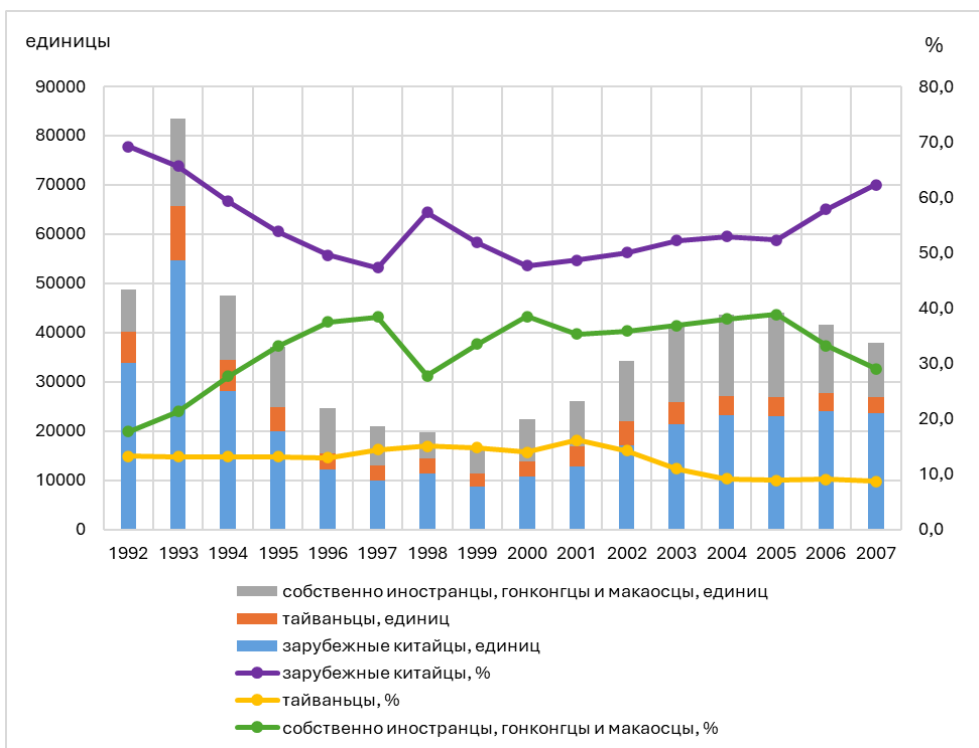

Рисунок 3. Число компаний зарубежных китайцев в КНР в сравнении с другими компаниями с иностранным капиталом в 1992–2007 гг., единиц

Figure 3. Number of Overseas Chinese companies in the PRC compared to other foreign-invested companies in 1992–2007, units

Источники: составлено и рассчитано по: Long et al. 2009: 2; Zhongguo shangwu nianjian 2004–2008[China Commerce Yearbook 2004–2008]. Pekin: China Commerce and Trade Press. 2004: pp. 739–740; 2005: p. 890; 2006: p.304; 2007: p.278; 2008: p. 195; Zhongguo waizi tongji gongbao 2019 [Statistical Bulletin of FDI in China 2019]. Pp. 38–39, 41, 45. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatonji-con.html?id=142> (accessed 04.03.2026).

Объём налогов, поступивших от компаний зарубежных китайцев в 1992–2007 гг., составил 2,4 трлн юаней или 10% всех налоговых поступлений в бюджет страны за этот период¹⁹. На предприятиях зарубежных китайцев трудилось порядка 2% всего занятого городского населения КНР²⁰.

С 2001 г. зарубежные китайцы начали переход от трудоёмкого к капиталоемкому производству. Средний объём прямых инвестиций на одну их компанию в 2001–2007 гг. составлял 1,5 млн долл. – это в 1,5 раза больше по сравнению с 1992–2000 гг. (1 млн долл.) и в 3,2 раза больше относительно 1979–1991 гг. (480 тыс. долл.). По данному показателю в 2001–2007 гг. зарубежные китайцы в 2,2 раза опережали тайваньцев, но в 1,4 раза отставали от собственно иностранных, гонконгских и макаоских предпринимателей²¹.

В 1992–2007 гг. зарубежные китайские и тайваньские инвесторы в основном открывали в КНР микропредприятия с объёмом общих активов менее 20 млн юаней. На смену компаниям типа *сань лай* и *бу* стали приходить компании трёх видов капитала (компании со 100% капиталом *хуацяо-хуажэнь*, СП и кооперативы). Хотя первые оставались рентабельными и популярными на протяжении всего рассматриваемого периода. Эта рентабельность поддерживалась льготной политикой налогообложения. В частности, оборудование для обработки давальческого сырья, сборки дачальческих деталей и компенсационной торговли, которое импортировали компании типа *сань лай* и *бу*, освобождалось от уплаты НДС в 1994–2008 гг.²², а до 1994 г. по «Положению 1990» с зарубежных китайцев не взимался ЕТПН на это оборудование.

Таблица 3. Отраслевая структура предпринимательской деятельности зарубежных китайцев в КНР, 1990–2004 гг., %

Table 3. Industry structure of business activity of Overseas Chinese in the PRC, 1990–2004, %

Название отрасли	Число предприятий, в %
Обрабатывающая промышленность	69,2
Недвижимость	8,2
Телекоммуникации, компьютерный сервис, IT-услуги	3,1
Гостиничное хозяйство	2,9
Риэлторские услуги	2,6
Научно-исследовательская деятельность	2,3
Оптовая и розничная торговля	2,3
Строительство	2,2
Транспорт и складирование	2,2

¹⁹ Рассчитано по: данные рис. 3; Zhongguo waizi tongji gongbao [Statistical Bulletin of FDI in China]. 2023 P. 51. Ministry of Commerce, PRC. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatongji-con.html?id=15884> (accessed 04.03.2026).

²⁰ Рассчитано по: данные рис. 3; Zhongguo tongji nianjian 2008 [China Statistical Yearbook 2008]. Table 4–2. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2008/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

²¹ Рассчитано по: Chen 2010: 138; данные рис. 2, рис. 3; Zhongguo shangwu nianjian 2008 [China Commerce Yearbook 2008]. 2008. Pekin: China Commerce and Trade Press. P. 197.

²² Zhonghua renmin gongheguo zengzhishui zanxing tiaoli 1993 [Provisional Regulations of the PRC on VAT 1993]. Law Star. URL: <http://www.law-star.com> (accessed 04.03.2026).

Название отрасли	Число предприятий, в %
Услуги населению	1,3
Прочее	3,7
<i>в т. ч. услуги</i>	2,3

Источник: Long et al. 2009: 97; Афонасьева 2013: 204.

В отраслевой структуре предпринимательской деятельности зарубежных китайцев продолжала доминировать обрабатывающая промышленность. В 1990–2004 гг. в этой отрасли было занято 69,2% предприятий китайской диаспоры (см. табл. 3). На конец 2004 г. на неё приходилось более 80% этих компаний (Long et al. 2009: 96). Предприятия этой отрасли по закону не платили налог на хозяйственную деятельность. Нулевая ставка НДС для экспортной продукции сохраняла их ориентацию на внешние рынки сбыта.

В 1990–2004 гг. порядка 25% предприятий зарубежных китайцев вели бизнес в сфере услуг, включая сферу недвижимости, телекоммуникаций, компьютерного сервиса, IT-услуг, гостиничное хозяйство, научно-исследовательскую деятельность, оптовую и розничную торговлю. По 2,2% предприятий зарубежных китайцев приходилось на строительную и транспортную, включая складирование, отрасли (см. табл. 3).

В 1995–2000 гг. зарубежные китайцы получили дополнительные инвестиционные льготы на уровне Пекина, пров. Фуцзянь, Ляонин, Сычуань, Хэйлунцзян, Хубэй, АР Внутренняя Монголия и Гуанси-Чжуанского АР, что расширило географию их бизнеса в КНР до 24 административных единиц (см. рис. 11). Основные обрабатывающие производства разместились в южных, восточных, центральных и западных районах страны. Главным центром притяжения инвестиций зарубежных китайцев стали промышленные кластеры в дельте реки Янцзы (Long et al. 2009: 96).

Бизнес китайской диаспоры отвечал запросам КНР на индустриальное развитие и наращивание экспорта. Объём экспорта КНР за 1992–2007 гг. вырос с 84,9 млрд долл. до 1,22 трлн долл. Доля иностранных предприятий в общем объёме экспорта выросла с 20,5% в 1992 г. до 57–58% в 2004–2007 гг. (см. рис. 4). Предприятия зарубежных китайцев в 1992–2007 гг. экспортировали товары на общую сумму не менее 1,7 трлн долл., обеспечив 29 % суммарного объёма экспорта КНР. Объём экспорта собственно иностранных, гонконгских и макао-ских компании составил 1,07 трлн долл., тайваньских – 330,7 млрд долл.) – это 17,9% и 5,5% объёма экспорта КНР соответственно²³.

²³ Рассчитано по: данные рис. 3; Zhongguo waizi tongji gongbao 2023 [Statistical Bulletin of FDI in China 2023]. Ministry of Commerce, PRC. P. 52. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatongji-con.html?id=15884> (accessed 04.03.2026).

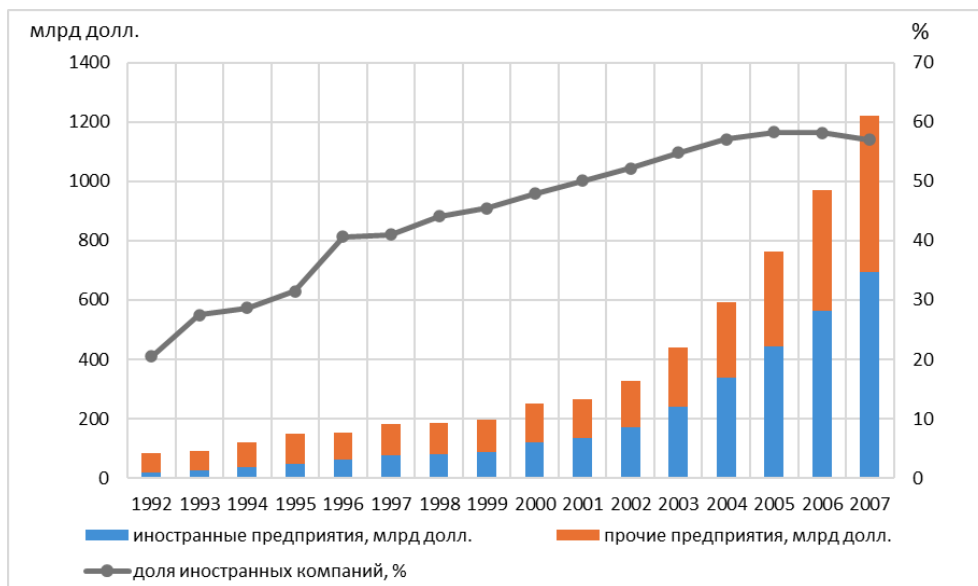

Рисунок 4. Объём экспорта иностранных компаний в общем объёме экспорта КНР в 1992–2007 гг.

Figure 4. The volume of exports of foreign companies in the total volume of exports of the PRC in 1992–2007

Источники: Zhongguo waizi tongji gongbao 2023 [Statistical Bulletin of FDI in China 2023]. P. 52. Ministry of Commerce, PRC. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatongji-con.html?id=15884> (accessed: 04.03.2026).

2008 г. – начало 2020 х гг.:

переход на высокотехнологичное производство, замещение собственно иностранного бизнеса, снижение ориентации на экспорт

С 2008 г. КНР встала на путь важных и давно назревших преобразований делового климата в стране. Вступил в силу новый закон о подоходном налоге, который снизил стандартную ставку с 33% до 25% для предприятий за пределами СЭЗ и ЗТЭР, а также стимулировал развитие высокотехнологичных предприятий за счёт льготной налоговой ставки в 15% на всей территории КНР. С предприятий в отсталых и бедных районах страны мог не взиматься региональный подоходный налог²⁴. Зарубежные китайцы продолжали пользоваться льготами и преференциями по «Положению 1990» и фактически вновь получили шанс выйти за пределы СЭЗ и ЗТЭР без увеличения ставки подоходного налога, при условии перевода предприятий в отсталые западные и центральные районы страны или переориентации на высокотехнологичное производство.

²⁴ Zhonghua renmin gongheguo qiye suodeshui fa 2007 [The Law of the PRC on Enterprise Income Tax 2007]. Law Star. URL: <http://law1.law-star.com> (accessed 04.03.2026). Came into force on January 1, 2008.

В 2009 г. были снижены отдельные уровни ставок НДС. Сохранилась нулевая ставка НДС для экспортных товаров, которые продолжала производить большая часть зарубежных китайских предприятий. Экспортёры налогооблагаемых потребительских товаров по-прежнему были освобождены от налога на потребление. Экспортноориентированное производство осталось для КНР приоритетной отраслью экономики. Однако продолжающаяся с 2005 г. ревальвация юаня и вступившие в силу в 2009 г. поправки к закону о труде²⁵, требующие существенно улучшить условия труда, охватить рабочих системой социального страхования и повысить ставки заработной платы, привели к росту себестоимости экспортной продукции. Это поставило перед предприятиями зарубежных китайцев вопрос о рентабельности дальнейшего наращивания ее производства.

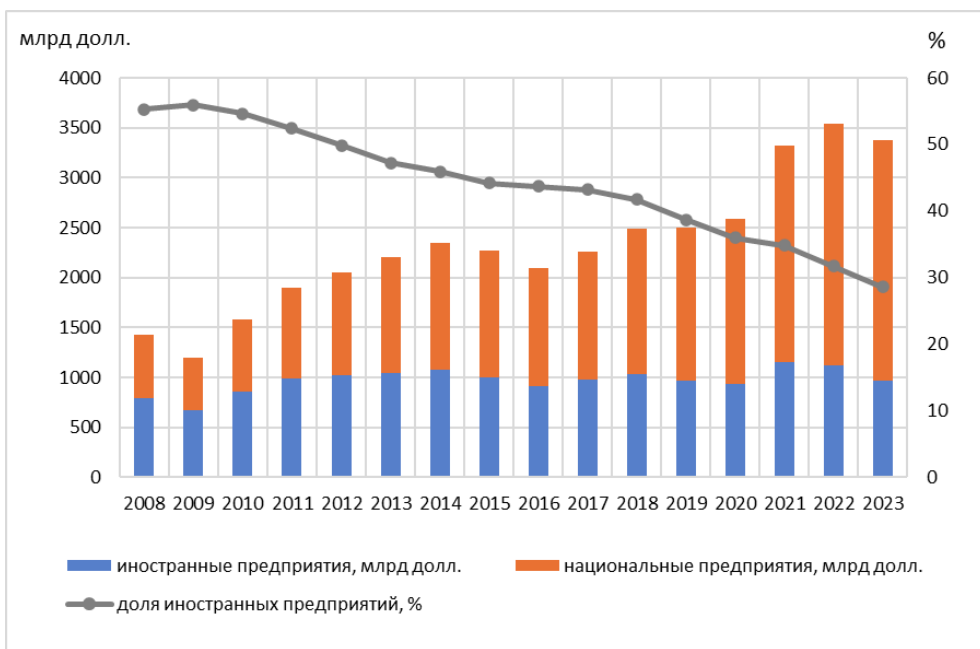

Рисунок 5. Объём экспорта иностранных компаний в общем объёме экспорта КНР в 2008–2023 гг.

Figure 5. The volume of exports of foreign companies in the total volume of exports of the PRC in 2008–2023

Источники: Zhongguo waizi tongji gongbao 2024 [Statistical Bulletin of FDI in China 2024]. Ministry of Commerce, PRC. P. 51. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatongji-con.html?id=16111> (accessed 04.03.2026).

²⁵ Zhonghua renmin gongheguo laodong fa (2009 nian xiuzheng) [Labor Law of the PRC (amended in 2009)]. Law Star. URL: <https://www.law-star.com/detail?rjs8=08F756CE73BD959F0047127A51693FA8> (accessed 04.03.2026).

Внутренние преобразования делового климата в КНР хронологически совпали с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., который привёл к беспрецедентно высокому снижению объёмов экспорта КНР (см. рис. 5). Страна была вынуждена реагировать на это расширением внутреннего спроса: были снижены банковские ставки по потребительским кредитам, запущена система социального страхования и приняты иные меры, направленные на рост покупательной способности населения страны. В кризисные 2008–2009 гг. покупательная способность населения КНР выросла соответственно на 14% и 25% относительно уровня предкризисного 2007 г.²⁶, что обеспечило рост объёмов розничной торговли в стране соответственно на 22% и 49%²⁷ и позволило снизить убытки предприятий от падения объёмов экспорта из-за снижения спроса на международных рынках сбыта.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. не вызвал долгосрочного снижения объёмов экспорта КНР. В 2010 г. объём экспорта превысил докризисный уровень. Однако прецедент 2009 г. в совокупности с изменениями делового климата в КНР привёл к постепенной переориентации собственно иностранных, гонконгских, макаоских и зарубежных китайских предприятий с внешних рынков на внутренний. Рис. 5 показывает ежегодное снижение доли иностранных предприятий (в том числе и зарубежных китайских) в общем объёме экспорта КНР в 2010–2023 гг. В эти годы общий рост экспорта обеспечивался преимущественно силами национальных китайских компаний. Всего за 2008–2023 гг. объём экспорта национальных китайских предприятий составил 21,6 трлн долл. или 58,2% общего объёма экспорта КНР.

Объём экспорта иностранных компаний за 2008–2023 гг. составил 15,5 трлн долл. или 41,8% общего объёма экспорта КНР, из них 10,6 трлн долл. или 28,5% – это объём экспорта компаний зарубежных китайцев, 1,7 трлн долл. или 4,7% – объём экспорта тайваньских компаний, 3,2 трлн долл. или 8,6% – объём экспорта собственно иностранных, гонконгских и макаоских компаний²⁸. Общее сокращение доли иностранных предприятий в объёме экспорта КНР произошло главным образом за счёт собственно иностранных, гонконгских и макаоских компаний. Предприятия зарубежных китайцев также несколько снизили свою долю в объёме экспорта КНР. Их переориентация с внешних рынков на внутренний рынок КНР происходила более плавно, чем у собственно иностранных, гонконгских и макаоских компаний.

²⁶ Рассчитано по: Zhongguo tongji nianjian 2008 [China Statistical Yearbook 2008]. Table 9–1. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2008/indexch.htm> (accessed 04.03.2026); Zhongguo tongji nianjian 2010 [China Statistical Yearbook 2010]. Table 10–1. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2010/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

²⁷ Рассчитано по: Zhongguo tongji nianjian 2008 [China Statistical Yearbook 2008]. Table 16–23. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2008/indexch.htm> (accessed 04.03.2026); Zhongguo tongji nianjian 2010 [China Statistical Yearbook 2010]. Table 17–22. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2010/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

²⁸ Рассчитано по: данные рис. 5, рис. 6.

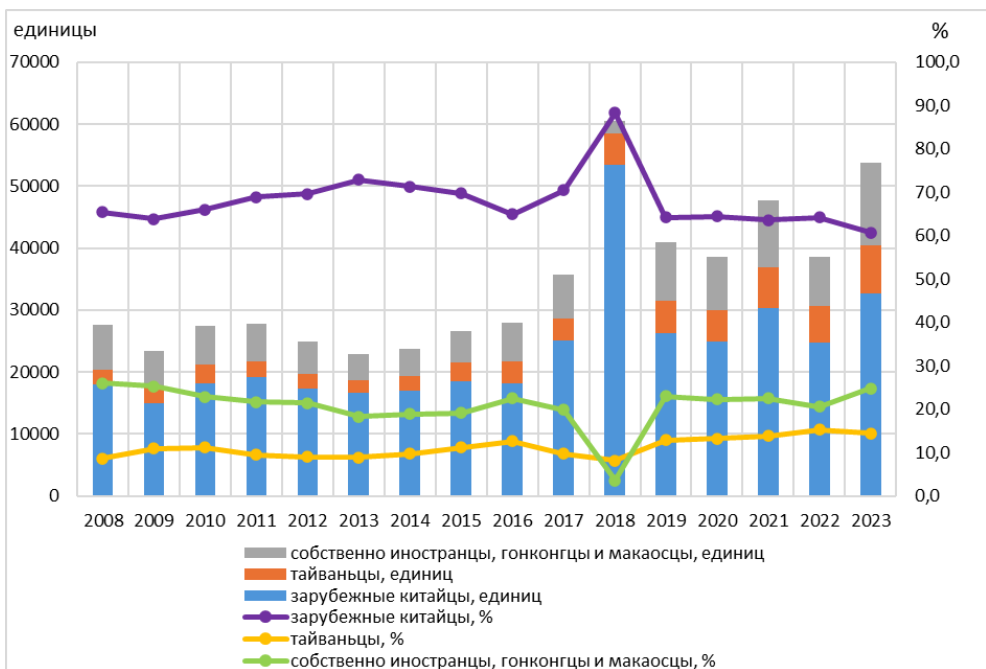

Рисунок 6. Число компаний зарубежных китайцев в КНР в сравнении с другими компаниями с иностранным капиталом в 2008–2023 гг., единиц

Figure 6. Number of Overseas Chinese companies in the PRC compared to other foreign-invested companies in 1992–2007, units

Источники: составлено и рассчитано по: Long et al. 2009: 2; Zhongguo shangwu nianjian 2009–2019 [China Commerce Yearbook 2009–2019]. Pekin: China Commerce and Trade Press. 2009: p. 164; 2010: p. 180; 2011: p. 181; 2012: p. 178; 2013: p. 179; 2014: p. 183; 2015: p. 194; 2016: p. 204; 2017: p. 202; 2018: p. 199; 2019: p. 202; Zhongguo waizi tongji gongbao 2020–2024 [Statistical Bulletin of FDI in China 2020–2024]. 2020: p. 33; 2021: p. 26; 2022: pp. 29–36; 2023: pp. 28–34; 2024: pp. 27–33. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datatongji-list.html?comeID=2> (accessed 04.03.2026).

Антикризисные меры и плановое преобразование делового климата помогли КНР с минимальными потерями преодолеть негативные последствия мирового финансово-экономического кризиса и обеспечили стране прочное второе место по объёму ПИИ в мире после США в 2008–2023 гг. За этот период ниже второго места КНР опускалась лишь в 2015–2016 гг. и в 2019 г.²⁹

В 2023 г. КНР столкнулась с сокращением объёма ПИИ на 13,6 % (см. рис. 7) на фоне ухудшения ожиданий инвесторов, торгово-технологического соперничества с США и опасений стагнации экономики КНР в обозримой перспективе.

²⁹ Рассчитано по: Main UN Trade and Development. UNCTADstat. Foreign direct investment: Inward flows, annual. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (accessed 04.03.2026).

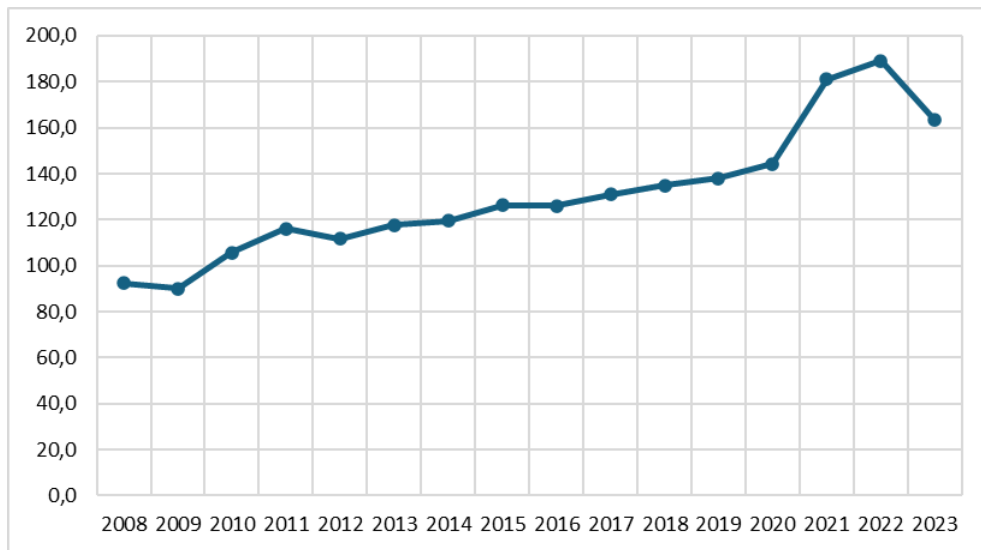

Рисунок 7. Динамика ПИИ в КНР в 2008–2023 гг., млрд долл.

Figure 7. Dynamics of FDI in China in 2008–2023, billion dollars

Источник: *Zhongguo tongji nianjian 2024 [China Statistical Yearbook 2024]. Table 11–13. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsjs/2024/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).*

Растущая экономическая зависимость Гонконга и Макао от материкового Китая, начавшееся после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. перетекание капитала китайской диаспоры из ЮВА (исторического центра сосредоточения этого капитала) в США, которые в 2015–2023 гг. фактически стали вторым ключевым центром концентрации капитала китайской диаспоры, равнозначным по объему капитала первому историческому центру в ЮВА (Афонасьева 2024: 128, 139), а также накопление капитала китайской диаспоры в других странах и регионах в 2008–2023 гг. требуют новых подходов к оценке объема прямых инвестиций зарубежных китайцев в КНР и существенной корректировки вышеописанной методики Лун Дэнгао, выраженной автором в виде формулы (1). Эту корректировку мы провели с учётом опубликованных нами ранее результатов оценки и распределения капитала китайской диаспоры в мире (Афонасьева 2024: 139). Обновлённая методика позволит выявить основные страны и регионы (кроме заявленных китайскими учёными Гонконга, Макао, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин), из которых китайская диаспора инвестирует в КНР, и конкретизировать место Гонконга и Макао в потоках прямых инвестиций зарубежных китайцев в КНР. При этом автор не оспаривает достоверность полученных по методике Лун Дэнгао итоговых расчётных данных, основанных на богатом эмпирическом опыте китайского профессора и его научной группы.

Корректировка методики Лун Дэнгао требует учёта следующих вводных условий и данных:

- 1) Гонконг и Макао – это китайские офшоры, через которые в КНР инвестируют не только зарубежные китайцы, но и сами гонконгцы/макаоосцы, а также собственно иностранцы³⁰. То есть мы имеем три группы инвесторов (зарубежные китайцы, собственно иностранцы, гонконгцы/макаоосцы). На долю каждой из этих групп приходится свой процент ПИИ из Гонконга и Макао в КНР. Долю зарубежных китайских инвестиций в потоке прямых инвестиций из Гонконга и Макао в КНР мы обозначим как X , имея в виду, что это переменная величина, зависящая от событий в мировой экономике и политике, а также от ситуации в Китае, включая Гонконг и Макао.
- 2) Пять стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) в совокупности действительно являются одним из крупнейших центров сосредоточения капитала китайской диаспоры. До Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. на данный регион приходилось 75% капитала китайской диаспоры в мире, но в 2015–2023 гг. эта цифра уже сократилась до 37%. Доля США в распределении капитала китайской диаспоры напротив выросла с 23% до 37% за аналогичный период. Эта страна стала равноценным вторым центром сосредоточения капитала китайской диаспоры (инвестиционных ресурсов для КНР) в мире.
- 3) Методика Лун Дэнгао фактически определила две категории стран и регионов для расчёта прямых инвестиций китайской диаспоры в КНР: I категория – это Гонконг, Макао и пять стран ЮВА, II категория – это офшоры. По каждой категории был установлен условный процент инвестиций зарубежных китайцев – 95% и 80% соответственно. Разница между категориями составила 15%. Мы сохраняем разницу в 15% между категориями и увеличиваем число категорий стран и регионов, из которых в КНР поступают инвестиции китайской диаспоры, до семи, в соответствии с результатами распределения капитала китайской диаспоры в мире (Афонасьева 2024: 139). Таким образом, доля инвестиций китайской диаспоры в потоке ПИИ в КНР для I категории составляет 95%, для II – 80%, для III – 65%, для IV – 50%, для V – 35%, для VI – 20%, для VII – 5%. Условия по офшорам мы оставляем без изменений (см. табл. 4).

³⁰ До 2007 г. местные китайские предприниматели (из КНР) инвестировали в Гонконг и Макао с целью перерегистрации капитала и его обратного вывода в КНР как гонконгский и макаооский для получения льгот и преференций на ведение бизнеса в КНР по «Положению 1990». Однако с 2008 г., когда ставки подоходного налога для местных и иностранных компаний за пределами СЭЗ и ЗТЭР были уравнены, данная необходимость фактически отпала.

Таблица 4. Категории стран и регионов по объёму капитала китайской диаспоры
Table 4. Categories of countries and regions by the volume of Chinese diaspora capital

Категория	Объём капитала, млрд долл.	Доля инвестиций китайской диаспоры в ПИИ в КНР, %	Список стран и регионов
I	> 1750	95	<u>шесть стран</u> : Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, США
II*	100–400	80	<u>четыре страны</u> : Великобритания, Вьетнам, Мьянма, Япония
Z	–		<u>Офшоры**</u>
III	25–34	65	<u>семь стран</u> : Австралия, Бразилия, Индия, Испания, Камбоджа, Франция, Южная Корея
IV	11–17	50	<u>10 стран</u> : Ангола, Германия, Дания, Италия, Казахстан, Канада, Нигерия, Новая Зеландия, Россия, ЮАР
V	5–9	35	<u>девять стран</u> : Аргентина, Бангладеш, Венесуэла, Киргизстан, Нидерланды, Панама, Перу, Португалия, Фиджи
VI	1–3	20	<u>26 стран и регионов</u> : Австрия, Алжир, Бельгия, Ботсвана, Бруней, Гана, Ирландия, Кения, Коста-Рика, Лаос, Мадагаскар, Мексика, Мозамбик, Пакистан, Реюньон, Румыния, Саудовская Аравия, Северная Корея, Суринам, Танзания, Турция, Французская Полинезия, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Ямайка
VII*	≤ 0,9	5	115 стран и регионов: Американское Самоа, Аруба, Афганистан, Бахрейн, Беларусь, Бенин, Болгария, Боливия, Босния и Герцеговина, Бурунди, Бутан, Венгрия, Восточный Тимор, Габон, Гаити, Гайана, Гамбия, Гватемала, Гвинея, Гондурас, Гренада, Гренландия, Греция, Грузия, Гуам, Джибути, Доминика, Доминикана, ДР Конго, Египет, Замбия, Зимбабве, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Исландия, Йемен, Кабо-Верде, Камерун, Кипр, Колумбия, Коморы, Конго, Кот-д'Ивуар, Куба, Кувейт, Кюрасао, Латвия, Лесото, Либерия, Ливан, Ливия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мавритания, Малави, Мали, Мальта, Марокко, Мартиника, Монголия, Намибия, Науру, Непал, Нигер, Никарагуа, Новая Каледония, Норвегия, о. Рождества, о. Святой Елены, ОАЭ, Оман, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай, Польша, Пуэрто-Рико, Руанда, Сальвадор, Сан-Томе и Принсипи, Северные Марианские острова, Сенегал, Сент-Люсия, Сербия, Синт Мартен, Сирия, Словакия, Словения, Соломоновы о-ва, Судан, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Того, Тонга, Тринидад и Тобаго, Уганда, Украина, Уругвай, Фарерские острова, Федеративные штаты Микронезии, Финляндия, Французская Гвиана, Хорватия, ЦАР, Чад, Чешская Республика, Чили, Шри-Ланка, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эстония, Южный Судан

*Примечание: *во II категорию мы объединили две группы стран с капиталом китайской диаспоры 400 млрд долл. и 100–220 млрд долл.; в VII категорию мы объединили три группы стран с капиталом китайской диаспоры 0,5–0,9 млрд долл., 0,1–0,49 млрд долл. и менее 0,1 млрд долл.; **офшоры добавлены в данный список, как регионы II категории инвесторов, согласно методике Лун Дэнгао. В обновлённой методике офшоры будут условно обозначаться как категория Z. Источники: составлено по: Афонасьева 2024: 139.*

Согласно вышеуказанным условиям, новая формула для расчёта прямых инвестиций зарубежных китайцев в КНР имеет следующий вид:

$$\begin{aligned}
 OCDI = X (fdi_H + fdi_M) + 95\% \sum_{i=1}^6 (fdi_{r1})_i + 80\% \left(\sum_{i=1}^n (fdi_z)_i + \sum_{i=1}^4 (fdi_{r2})_i \right) \\
 + 65\% \sum_{i=1}^7 (fdi_{r3})_i + 50\% \sum_{i=1}^{10} (fdi_{r4})_i \\
 + 35\% \sum_{i=1}^9 (fdi_{r5})_i + 20\% \sum_{i=1}^{26} (fdi_{r6})_i + 5\% \sum_{i=1}^{115} (fdi_{r7})_i
 \end{aligned} \quad (2)$$

где, $OCDI$ – прямые инвестиции зарубежных китайцев в КНР;

X – это выраженная в процентах переменная величина, обозначающая долю инвестиций зарубежных китайцев в потоке ПИИ из Гонконга и Макао в КНР;

fdi_H – ПИИ, поступившие в КНР из Гонконга;

fdi_M – ПИИ, поступившие в КНР из Макао;

fdi_{r1} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны I категории, 6 – число стран I категории;

fdi_{r2} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны II категории, 4 – число стран II категории;

fdi_{r3} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны III категории, 7 – число стран III категории;

fdi_{r4} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны IV категории, 10 – число стран IV категории;

fdi_{r5} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны V категории, 9 – число стран V категории;

fdi_{r6} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны и региона VI категории, 26 – число стран и регионов VI категории;

fdi_{r7} – ПИИ, поступившие в КНР из каждой страны и региона VII категории, 115 – число стран и регионов VII категории (см. табл. 4);

fdi_z – ПИИ, поступившие в КНР из каждой офшорной зоны (Каймановы о-ва, Виргинские о-ва (Брит.), Маврикий, Самоа и другие);

n – фактическое число офшорных зон, из которых поступили ПИИ в КНР.

Составив равенство формул (1) и (2) и исключив из них идентичные элементы (95% ПИИ из пяти стран ЮВА и 80% ПИИ из офшоров), получим формулу для расчёта переменной величины X – доли инвестиций зарубежных китайцев в потоке ПИИ в КНР из Гонконга и Макао:

$$X = \left(95\%(fdi_H + fdi_M) - \left(95\% fdi_{r1(USA)} + 80\% \sum_{i=1}^4 (fdi_{r2})_i + 65\% \sum_{i=1}^7 (fdi_{r3})_i + 50\% \sum_{i=1}^{10} (fdi_{r4})_i + 35\% \sum_{i=1}^9 (fdi_{r5})_i + 20\% \sum_{i=1}^{26} (fdi_{r6})_i + 5\% \sum_{i=1}^{115} (fdi_{r7})_i \right) \right) \div (fdi_H + fdi_M) \quad (3)$$

где, $fdi_{r1(USA)}$ – ПИИ в КНР из США, относящейся к I категории стран по объёму капитала китайской диаспоры (см. табл. 4).

Полученные по формуле (3) результаты расчётов представим графически на рис. 8. в сравнении с долей Гонконга и Макао в объёме ПИИ в КНР.

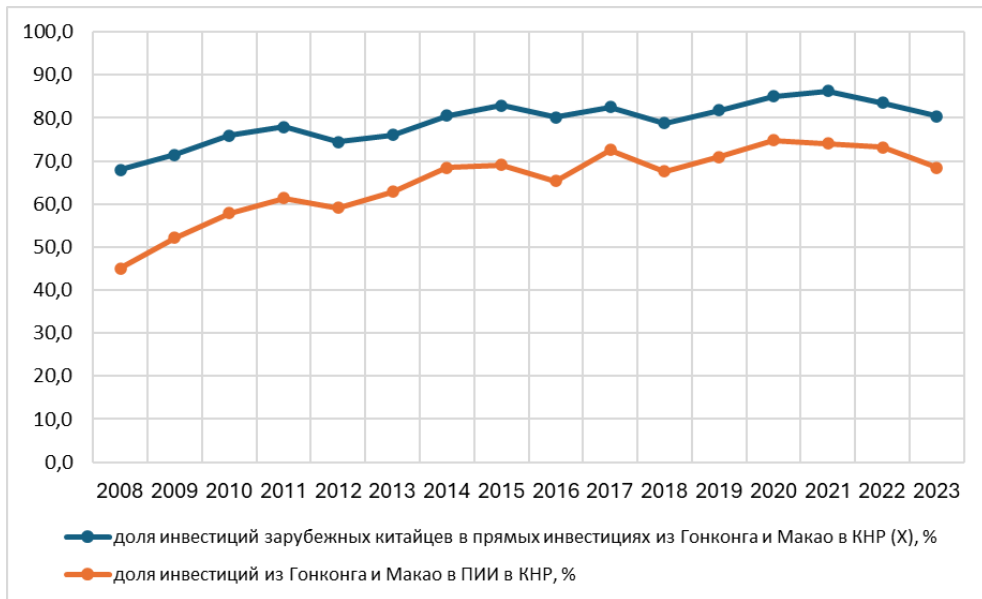

Рисунок 8. Доля инвестиции китайской диаспоры в прямых инвестициях из Гонконга и Макао в КНР (X) в сравнении с долей прямых инвестиций из Гонконга и Макао в ПИИ в КНР в 2008–2023 гг., %

Figure 8. Share of investment by Chinese diaspora in direct investment from Hong Kong and Macau to China (X) compared to share of direct investment from Hong Kong and Macau in FDI to China in 2008–2023, %

Источники: рассчитано по: Zhongguo tongji nianjian 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022, 2024 [China Statistical Yearbook 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022, 2024]. 2010, 2012: Table 6–14; 2014, 2016, 2018, 2020, 2022, 2024: Table 11–14. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (accessed 04.03.2026); формула (3).

Рис. 8 показывает общую тенденцию роста доли инвестиций китайской диаспоры в потоке прямых инвестиций из Гонконга и Макао в КНР в 2008–2023 гг. Рост начался уже в 2009 г., когда ещё не закончился мировой финансово-экономический кризис, что связано с усилением позиций Гонконга и Макао как надёжных финансовых центров, имеющих сильного гаранта стабильности в лице второй экономики мира – КНР. На протяжении 16 лет снижение доли инвестиций китайской диаспоры в объёме прямых инвестиций из Гонконга и Макао в КНР наблюдалось пять раз. В 2012 г. оно было вызвано ожиданием смены власти в КНР после проведения в XVIII съезда КПК. В 2016 г. причинами стали протесты в Гонконге, нарастающая с 2015 г. девальвация юаня к доллару, а также кризис фондового рынка в КНР в 2015–2016 гг. В 2018 г. на снижение повлияла объявленная США в 2017 г. торговая война с КНР. В 2022 г. сокращение было связано с ожиданием проведения XX съезда КПК и возможной сменой власти в КНР, обострением военно-политической ситуации в тайваньском проливе и с возобновившейся после 2021 г. девальвацией юаня, в 2023 г. – с ожиданием стагнации китайской экономики и возможного военного конфликта с Тайванем, а также самым низким курсом юаня к доллару за весь период 2008–2023 гг.³¹. Протесты в Гонконге также имели место в 2014 г. и 2019 г., однако, в эти годы доля зарубежных китайцев в потоке прямых инвестиций из Гонконга и Макао в КНР росла в силу того, что с 2014 г. КНР начала реализацию объявленной в конце 2013 г. инициативы «Пояс и Путь», а в 2019 г. утвердила «План развития региона “Большого залива” Гуандун – Гонконг – Макао» и на высшем уровне подчёркивала важную роль зарубежных китайцев в этих проектах. Почти все снижения и увеличения долей инвестиций зарубежных китайцев в прямых инвестициях из Гонконга и Макао в КНР совпадают со снижениями и увеличениями долей прямых инвестиций из Гонконга и Макао в ПИИ КНР. Исключением является только пандемийный 2021 г. То есть причины роста и снижения популярности Гонконга и Макао в качестве офшорной зоны КНР идентичны как для зарубежных китайских, так и для собственно иностранных, гонконгских и макаоских инвесторов.

Далее подставим полученные по формуле (3) значения X по соответствующему году (см. рис. 8) в формулу (2) и рассчитаем объём прямых инвестиций китайской диаспоры в 2008–2023 гг. Результаты расчётов представим графически на рис. 9 в сравнении с прямыми инвестициями из других источников.

³¹ Zhongguo tongji nianjian 2024 [China Statistical Yearbook 2024]. Table 8–19. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

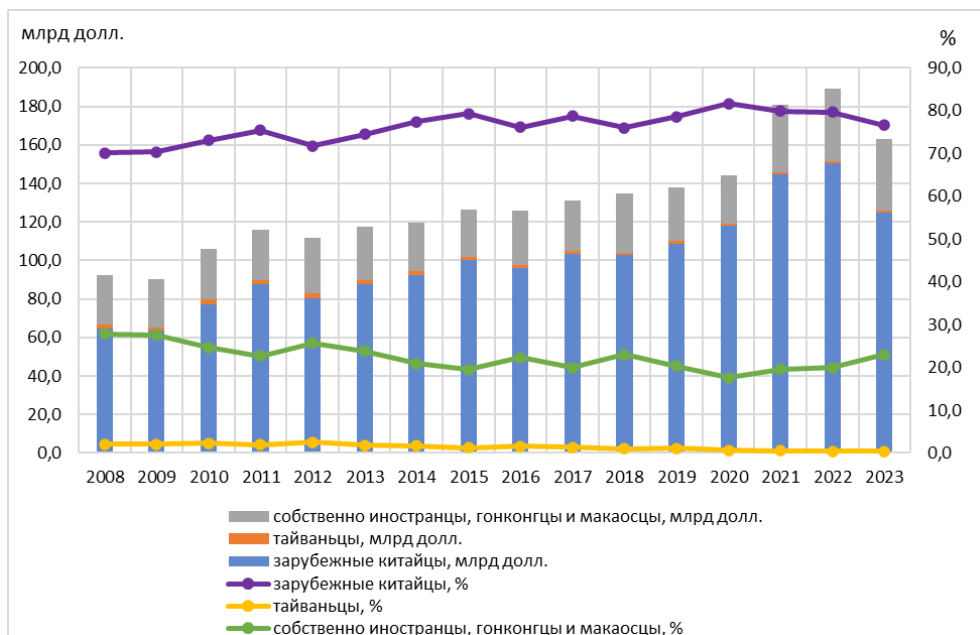

Рисунок 9. Динамика прямых инвестиций китайской диаспоры в КНР в сравнении с другими инвесторами в 2008–2023 гг., млрд долл.

Figure 9. Dynamics of direct investment of the Chinese diaspora in the PRC in comparison with other investors in 2008–2023, billion dollars

Источники: рассчитано по: рис. 8; источники к рис. 8; формула (2).

В период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. доля инвестиций зарубежных китайцев в ПИИ в КНР выросла на 11,6–11,8 п.п. относительно предкризисного 2007 г. (см. рис. 2, рис. 9). В 2010–2023 гг. она не опускалась ниже 71,8%, а в пандемийный 2020 г. составила 81,7% (см. рис. 9). То есть в 2008–2023 гг. позиции капитала китайской диаспоры относительно прочего зарубежного капитала в КНР значительно усилились в сравнении с двумя предшествующими периодами с начала реформ и открытости.

Китайская диаспора компенсировала сокращение инвестиционных потоков со стороны собственно иностранных, гонконгских и макаоских предпринимателей в 2008–2009 гг., 2014–2015 гг., 2017 г. 2019–2020 гг. и фактически стала ключевым инвестором в КНР. Это позволило избежать драматичного снижения объёмов ПИИ в КНР в 2008–2022 гг.

Однако, снижение потока ПИИ в КНР в 2023 г. в большей степени отразилось на расчетном объёме инвестиций зарубежных китайцев, который сократился на 25,3 млрд долл., тогда как объём прямых инвестиций собственно иностранцев, гонконгцев и макаоцев – лишь на 0,7 млрд долл. Таким образом, в 2008–2023 гг. объём ежегодных поступлений ПИИ в КНР стал меньше зависеть от собственно иностранных, гонконгских и макаоских инвесторов и значительно больше от инвестиционных интересов и ожиданий китайской диаспоры.

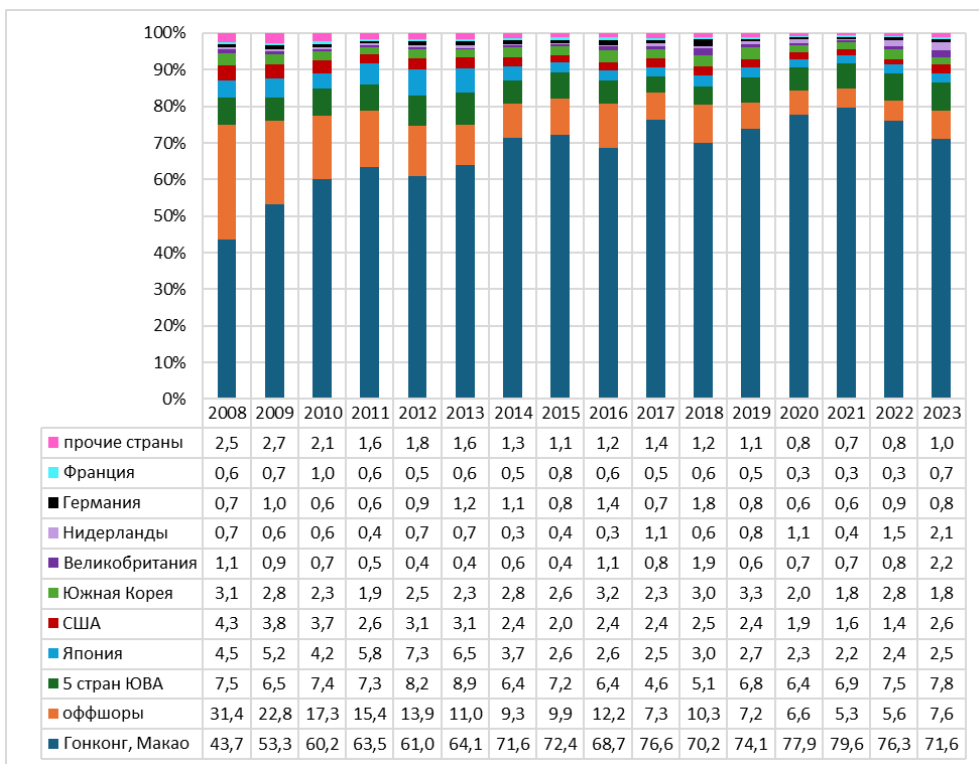

Рисунок 10. Основные страны и регионы, из которых в КНР поступали прямые инвестиции зарубежных китайцев в 2008–2023 гг., %

Figure 10. Major countries and regions from which Overseas Chinese direct investment came to the PRC in 2008–2023, %

Источник рассчитано по: табл. 4; рис. 8, рис. 9.

Основная доля прямых инвестиций зарубежных китайцев поступала в КНР через Гонконг и Макао. Росла доля прямых инвестиций зарубежных китайцев из Великобритании и Нидерландов. Это сопровождалось сокращением доли прямых инвестиций китайской диаспоры из офшоров, Японии, США, Франции и прочих стран. Доля прямых инвестиций китайской диаспоры из пяти стран ЮВА, Южной Кореи и Германии сохранялась практически на одном уровне на протяжении всего рассматриваемого периода (см. рис. 10).

Всего за 2008–2023 гг. китайская диаспора инвестировала в КНР 1,6 трлн долл. или 73,4% накопленных ПИИ в КНР за этот период (см. рис. 7, рис. 9), что соответствует 43% среднегодового объёма капитала китайской диаспоры в мире (рассчитано по: Афонасьева 2024: 129). Для сравнения, инвестиции зарубежных китайцев на Тайвань за аналогичный период составили 257 млн долл.³² – 0,01% в эквиваленте к объёму капитала китайской диаспоры в мире.

³² Рассчитано по: 102 nian jingji tongji nianbao. F 2 Hezhun huaqiao touzi – an diqu biefen [2013 Yearbook of Economic Statistics. F2 Approved Overseas Chinese Investment – by Area]. P. 161. Taipei: Ministry of Economic Affairs (Executive Yuan). 2014. 266 p.; 112 nian jingji tongji nianbao. F 2 Hezhun huaqiao touzi – an diqu biefen [2023 Yearbook of Economic Statistics. F2 Approved Overseas Chinese Investment – by Area]. P. 146. 236 p.

В 2008–2023 гг. зарубежные китайцы открыли в КНР 375,3 тыс. новых предприятий – 68,5% всех иностранных компаний (см. рис. 6). В силу большего доверия со стороны правительства КНР и лучшей бизнес-ориентации на исторической родине китайская диаспора фактически получила больше шансов расширить своё влияние в КНР в сравнении с прочими зарубежными инвесторами. Несмотря на улучшение инвестиционного климата для иностранных предпринимателей в целом, в обозримой перспективе капитал китайской диаспоры продолжит замещать уходящий из КНР капитал западных предприятий.

За 2008–2023 гг. предприятия зарубежных китайцев завершили переход на капиталоемкое и высокотехнологичное производство. Объем прямых инвестиций на одну компанию зарубежных китайцев вырос в 2,8 раза относительно уровня 2001–2007 гг., составив 4,3 млн долл. По данному показателю они в 8,6 раз опередили тайваньцев, но по прежнему отставали от собственно иностранцев, гонконгцев и макаоцев (см. рис. 6, рис. 9). Масштаб бизнеса зарубежных китайских инвесторов в КНР значительно вырос: доля малых предприятий теперь составляет 40,9%, микропредприятия отходят на второй план – 36,4 %, средние и крупные предприятия составляют соответственно 14,8% и 7,9% всех компаний зарубежных китайцев³³. На этих предприятиях трудится в среднем 4% всего занятого городского населения КНР³⁴. В 2008–2022 гг. они выплатили в виде налогов 21,3 трлн юаней – 12% всех налоговых поступлений в бюджет КНР³⁵.

С 2009 г. импортное оборудование для обработки давальческого сырья, сборки давальческих деталей и компенсационной торговли было исключено из списка освобожденных от уплаты НДС товаров. Зарубежные китайцы полностью переориентировались на создание компаний трёх видов капитала (компании со 100% капиталом зарубежных китайцев, СП, кооперативы). В 2017 г. был отменён налог на хозяйственную деятельность для всех предприятий (в 1994–2016 г. он не касался только предприятий обрабатывающей промышленности). В 2020 г. КНР впервые предоставила иностранным инвесторам, в том числе зарубежным китайцам, гарантии защиты прав интеллектуальной собственности. Однако, в условиях непрекращающейся торговой войны с США и оттока капитала ряда западных инвесторов, зарубежные китайцы остаются одним из ключевых ресурсов для высокотехнологичного экономического развития КНР. Они пользуются всеми преференциями, льготами и гарантиями для собственно иностранных и местных компаний и сохраняют все привилегии по действующему «Положению 1990» и локальным нормативным документам на уровне отдельных регионов.

³³ Рассчитано на основе фактической информации о 290 компаниях зарубежных китайцев – лауреатов конкурса ключевых бизнес-команд зарубежных китайцев в 2009–2017 гг. с актуализацией данных на 30.12.2024 г.

³⁴ Рассчитано по: данные рис. 6; Zhongguo tongji nianjian 2024 [China Statistical Yearbook 2024]. Table 4–4. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (accessed 04.03.2026).

³⁵ Рассчитано по: данные рис. 6; Zhongguo waizi tongji gongbao 2023 [Statistical Bulletin of FDI in China 2023]. P. 51. *Ministry of Commerce, PRC*. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/come-datotongji-con.html?id=15884> (accessed 04.03.2026).

Это привело к изменению отраслевой структуры предпринимательской деятельности зарубежных китайских инвесторов в КНР. В 2009–2024 гг. на обрабатывающую промышленность приходилось 35,5% новых предприятий зарубежных китайцев, что почти в два раза меньше относительно 1990–2004 гг. При этом в 2009–2024 гг. это были высокотехнологичные и капиталоемкие предприятия, а в 1990–2004 гг. – преимущественно низкотехнологичные и трудоёмкие. Почти в 20 раз выросла доля новых предприятий зарубежных китайцев в сфере научных исследований, составив 45,5% против 2,3% в 1990–2004 гг. Доля предприятий зарубежных китайцев в IT-индустрии выросла в 3,3 раза, составив 10,3%, против 3,1% в 1990–2004 гг. (см. табл. 3, табл. 5).

Таблица 5. Отраслевая структура предпринимательской деятельности зарубежных китайцев в КНР в 2009–2024 гг., %

Table 5. Industry structure of business activity of Overseas Chinese in the PRC in 2009–2024, %

Отрасли экономики	Доля, %
Сельское, лесное хозяйство, животноводство, рыбоводство	1,0
Обрабатывающая промышленность (высокотехнологичное производство)	35,5
Сфера услуг	63,2
научные исследования и техническое обслуживание	45,5
передача данных, разработка программного обеспечения и IT-услуги	10,3
оптовая и розничная торговля	5,2
водное хозяйство, защита окружающей среды и управление коммунальной инфраструктурой	1,0
финансовый сектор	0,3
аренда и коммерческие услуги	0,3
Недвижимость	0,3
услуги населению	0,3

Источник: составлено и рассчитано по данным коммерческой консультационной платформы TianYanCha.com о 290 компаниях зарубежных китайцев, ставших лауреатами конкурса ключевых бизнес-команд зарубежных китайцев в 2009–2017 гг. Дата обращения к ресурсу: 04.03.2026.

География бизнеса зарубежных китайцев в КНР, если судить по локациям открытых новых предприятий и направлениям прямых инвестиций, после начала реализации китайской инициативы «Пояс и Путь» расширилась до 28 административных единиц без учёта Гонконга, Макао и Тайваня. То есть капитал зарубежных китайцев зашёл практически во все районы материкового Китая, кроме пров. Гуйчжоу, Тибетского АР и Нинся-Хуэйского АР (см. рис. 11).

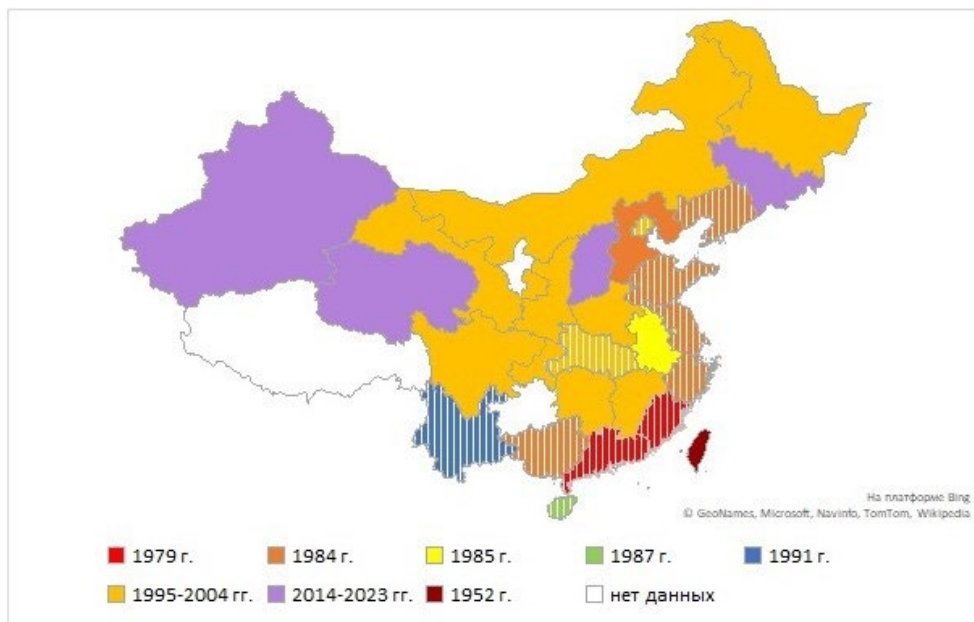

Рисунок 11. География бизнеса зарубежных китайцев в Китае в 1949–2023 гг. (по году открытия)

Figure 11. Geography of overseas Chinese business in China in 1949–2023 (by year of opening)

Источник: составлено автором по: Long et al. 2009: 96; Ren (ed.) 2009: 109, 116; Chen 2010: 115; Афонасьева 2013: 32–33; Афонасьева 2022: 127.

Примечание: Штриховкой на карте обозначены регионы, в которые зарубежные китайцы вкладывали капитал в 1949–1965 гг., то есть до заморозки их активов и прекращения инвестиционных потоков в период «культурной революции» (1966–1976 гг.).

Заключение

Китайская диаспора за 1949–2023 гг. инвестировала в КНР в общей сложности порядка 2,03 трлн долл. или 68% накопленного объема ПИИ в КНР. В 1949–1965 гг. в экономику КНР поступило менее 0,01% указанного объема инвестиций китайской диаспоры. В 1966–1977 гг. в силу негативных последствий «культурной революции» зарубежные китайцы не инвестировали в КНР. В 1978–1991 гг. они вложили 0,76% указанной суммы, в 1992–2007 гг. – 20,3%, в 2008–2023 гг. – 78,9%. Для сравнения в экономику Тайваня за сопоставимый период 1952–2023 гг. зарубежные китайцы вложили 4,46 млрд долл. или 2% всех иностранных инвестиций, поступивших на остров за этот период. При этом, 2,5% суммы инвестиций китайской диаспоры поступило в экономику острова в 1952–1965 гг., 13,3% – в 1966–1977 гг., 49,4% – в 1978–1991 гг., 29,2% – в 1992–2007 гг., 5,8% – в 2008–2023 гг. То есть в долгосрочном периоде КНР оказалась абсолютным победителем в гонке с Тайванем за капитал китайской диаспоры,

хотя на ранних этапах государственного и экономического строительства КНР эта победа не была предопределена. «Культурная революция (1966–1976 гг.)» и вовсе поставила под вопрос дальнейшее экономическое сотрудничество КНР с китайской диаспорой. Однако, по мере развития в КНР с конца 1978 г. реформ и открытости, совершенствования делового климата росло доверие и бизнес-интерес китайской диаспоры к КНР. Инвестиции зарубежных китайцев в КНР с началом реформ и открытости росли стремительно от периода к периоду. Инвестиционная привлекательность Тайваня для китайской диаспоры, как показывают цифры, напротив заметно снизилась за аналогичный период.

Степень влияния капитала китайской диаспоры на экономику КНР напрямую зависит от предоставляемых зарубежным китайцам льгот, преференций, гарантий и делового климата в стране. Эта прямая зависимость просматривается на каждом из рассмотренных в статье пяти этапов становления и развития бизнеса китайской диаспоры в КНР.

В 1949–1965 гг. директивные и налоговые методы контроля КНР над инвестициями зарубежных китайцев не позволили китайской диаспоре раскрыть свой потенциал. Она оказала значительно меньшее влияние на экономику КНР, чем могла. Только на уровне отдельных регионов, относящихся к малой родине эмигрантов, её вклад был весомым.

В 1966–1977 гг. китайская диаспора не инвестировала в КНР из-за заморозки её активов в КНР в начале «культурной революции» (1966–1976 гг.). Их стали размораживать только в 1975 г., а полностью погасили задолженность только в 1978 г.

В 1978–1991 гг. руководство КНР объявило китайскую диаспору одним из ключевых ресурсов и инструментов реализации политики реформ и открытости (1978 г.). Зарубежные китайцы официально получили статус привилегированных инвесторов и значительно больше льгот и преференций в сравнении с местными и собственно иностранными бизнесменами. Китайская диаспора стала ключевым источником ПИИ в КНР, открыла 32,1 тыс. новых предприятий в южных и восточных приморских районах КНР (75,5% всех иностранных компаний), на которых трудилось 0,7% занятого городского населения. Это были семейные СП или посреднические компании типа *сань лай и бу*. В 1988–1991 г. абсолютный приоритет получила обрабатывающая промышленность, ориентированная на экспорт (более 90% всех инвестиционных проектов).

В 1992–2007 гг. КНР ввела и закрепила практику регулярных презентаций новых бизнес-возможностей для зарубежных китайских инвесторов и ввела ряд общих налоговых льгот (1994 г.): нулевая ставка НДС для экспортных товаров, освобождение импортного оборудования для нужд компаний типа *сань лай и бу* от НДС, экспортных товаров – от налога на потребление, а предприятий обрабатывающей промышленности – от налога на хозяйственную деятельность. Прямые инвестиции зарубежных китайцев в КНР имели устойчивую тенденцию роста. Их география расширилась до внутренних, северо-восточ-

ных и западных регионов страны. Китайская диаспора открыла 334,3 тыс. новых предприятий (56,7% иностранных компаний), где трудилось около 2% всего занятого городского населения. Компании типа *сань лай и бу* уступили место компаниям трёх видов капитала. В основном это были микропредприятия. Они отвечали запросам КНР на индустриальное развитие и наращивание экспорта, обеспечивали 10% всех налоговых поступлений в бюджет страны. 69,2% этих предприятий приходилось на обрабатывающую промышленность. Экспорт их продукции составлял 29% (1,7 трлн долл.) суммарного объёма экспорта КНР за 1992–2007 гг. В 2001 г. они начали переход от трудоёмкого к капиталоемкому производству.

В 2008–2023 гг. деловой климат в КНР существенно улучшился, зарубежные китайцы сохранили статус привилегированных инвесторов. В 2008 г. была снижена стандартная ставка подоходного налога с 33% до 25% для всех предприятий (для высокотехнологичных компаний сохранилась льготная 15%-я ставка), снижены отдельные уровни ставок НДС, улучшены условия труда. С 2009 г. импортное оборудование для нужд компаний типа *сань лай и бу* больше не освобождалось от уплаты НДС. Эти изменения по времени совпали с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. и антикризисными мерами правительства КНР, направленными на расширение внутреннего спроса. В 2013 г. была объявлена китайская инициатива «Пояс и Путь», а в 2019 г. утвержден «План развития региона «Большого залива» Гуандун – Гонконг – Макао». Руководство страны подчеркивало важную роль зарубежных китайцев в этих проектах. В 2020 г. иностранным инвесторам, в том числе зарубежным китайцам, впервые были даны гарантии защиты прав интеллектуальной собственности. Зарубежные китайцы оставались ключевыми внешними инвесторами КНР. Их капитал зашел практически во все регионы материкового Китая. Они инвестировали в КНР через Гонконг, Макао, офшорные зоны и напрямую из Индонезии, Малайзии, Сингапура, Филиппин, Таиланда, Южной Кореи, Германии, Великобритании, Нидерландов, Японии, США, Франции. Зарубежные китайцы открыли 375,3 тыс. новых предприятий (68,5% всех иностранных компаний в КНР) и завершили переход на капиталоемкое и высокотехнологичное производство. Масштаб их бизнеса в КНР значительно вырос: малые предприятия составляли 40,9%, микропредприятия – 36,4%, средние – 14,8%, крупные – 7,9% всех компаний. На этих предприятиях работало 4% всего занятого городского населения. В 2008–2022 гг. на их долю пришлось 12% всех налоговых поступлений в бюджет КНР (21,3 трлн юаней). Отраслевая структура предпринимательской деятельности зарубежных китайцев сместилась в сторону высокотехнологичных отраслей экономики (научные исследования, высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, IT-индустрия). Они плавно переориентировались с внешних рынков на внутренний, обеспечив в 2008–2023 гг. 28,5% общего объёма экспорта КНР (10,6 трлн долл.).

В 2008–2023 гг. позиции капитала китайской диаспоры относительно прочего зарубежного капитала в КНР значительно усилились в сравнении с 1978–1991 гг. и 1992–2007 гг. В условиях непрекращающейся торговой войны с США и оттока капитала ряда собственно иностранных западных инвесторов зарубежные китайцы остались одним из ключевых ресурсов для высокотехнологичного экономического развития КНР. Несмотря на улучшение инвестиционного климата для иностранных предпринимателей в целом, китайская диаспора фактически получила больше шансов расширить своё влияние в КНР в сравнении с прочими зарубежными инвесторами. В дальнейшем при сохранении текущих тенденций её капитал продолжит замещать уходящий из КНР капитал западных предприятий.

Об авторе:

Алина Владиславовна Афонасьева – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32.
E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.727.22(510):314.74
Received: 9 April 2025
Accepted for publication: 15 March 2026

Chinese Diaspora Capital in China's Economy

 A.V. Afonaseva
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-110-148](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-110-148)

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the role of Chinese diaspora capital in the economic development of the People's Republic of China from 1949 to 2023. It focuses on the business activity of overseas Chinese, or *huaqiao-huaren*, as a source of foreign direct investment, export expansion, employment creation, tax revenues, and technological upgrading. The study aims to assess the scale and significance of overseas Chinese direct investment in the PRC and to compare it with investment flows from foreign and Taiwanese investors.

The article reconstructs several stages in the development of overseas Chinese business in China. In 1949–1965, *huaqiao* capital was channeled mainly into state and state-private enterprises, priority industrial projects, and agriculture, but its potential was constrained by the socialist

transformation of private capital. During the Cultural Revolution, investment flows virtually ceased as trust between the PRC and the diaspora collapsed. After the launch of reform and opening-up in 1978, overseas Chinese regained the status of privileged investors and became one of the main sources of FDI, especially in export-oriented, labor-intensive manufacturing. In 1992–2007, their investment expanded sharply, while in 2008–2023 it shifted increasingly toward capital-intensive and high-technology sectors.

Methodologically, the article draws on Chinese and international statistics, legal documents, scholarly literature, and existing methods for estimating overseas Chinese investment. It also proposes an updated approach for assessing direct investment by the Chinese diaspora in the contemporary period, taking into account the changing roles of Hong Kong, Macao, offshore jurisdictions, Southeast Asia, the United States, and other centers of Chinese diaspora capital. According to the author's calculations, the Chinese diaspora invested approximately USD 2.03 trillion in the PRC between 1949 and 2023, accounting for about 68 percent of accumulated FDI. By contrast, overseas Chinese investment in Taiwan over the comparable period amounted to only USD 4.46 billion. The article argues that, in the long term, the PRC became the clear winner in the competition with Taiwan for diaspora capital, although this outcome was not predetermined. In the context of the US-China trade war and the withdrawal of some Western investors, overseas Chinese capital remains a key resource for China's high-technology development and may increasingly replace departing Western capital.

Keywords: Chinese Diaspora (Overseas Chinese, *huaqiao-huaren*), Capital of the Chinese Diaspora (Overseas Chinese Capital), Foreign Direct Investment (FDI), Overseas Chinese direct investment (OCDI), business, Economy of the PRC

About the author:

Alina V. Afonaseva – Candidate of Economic Sciences, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, leading researcher of the Center for Chinese Economy and Social Studies, 117997, Russia, Moscow, Nakhimovsky av., 32
E mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Ardovino M. 2009. *Diaspora Direct Investment (DDI): The Untapped Resource for Development*. USAID. 21 p.
- Brown K. 2008. *The Rise of the Dragon. Inward and outward investment in China in the reform period 1978–2007*. Oxford, England: Chandos Publishing. 213 p.
- Chen W. 2010. Zhongguo yinzi zhengce yanjiu – qiaowu shijiao [Research on China's Investment Attraction Policy – Overseas Chinese Affairs Perspective]. Wang, X. (ch. ed.). *Xin zhongguo qiaowu zhence liushinian huigu yu tanxi [The Review and Analysis of Overseas Chinese Affairs Policy of New China in 60 years]*. Pekin. 315 p. P. 98–171. (In Chinese)
- Drew A. 2010. *Chinese Perceptions of Guanxi in Mainland and Overseas Chinese Business Communities*. Antony John Drew MBA (Merit). Submitted for the degree of Doctor of Philosophy. 283 p.
- Haley G., Haley U., Tan Ch. T. 2009. *New Asian Emperors. The Business Strategies of the Overseas Chinese*. Singapore: WILEY. 255 p.
- Hayter R., Sun S. 1998. Reflections on China's Open Policy towards Foreign Direct Investment. *Regional Studies*. 32(1). P. 1–16. DOI: 10.1080/00343409850123585

- Liao C. 1990. *Liao Chengzhi wenji (xiajuan)* [The Collected Works of Liao Chengzhi]. Vol. 2. Peking: People's Publishing House. 891 p.
- Long D., Zhang X. (eds.). 2014. *Haiwai huashang zai zhongguo* [Overseas Chinese Businessmen in China]. Peking: China United Industry and Commerce Press. 267 p. (In Chinese)
- Long D., Yang H., Kang R., Zhao L., Ding M., Zhang H. 2009. *Zhongguo qiaozhi qiye fazhan niandu baogao 2008* [Annual Report on the Development of Overseas Chinese Enterprises in China 2008]. Peking. 204 p. (In Chinese)
- Mao Q., Lin X. 1993. *Zhongguo qiaowu zhengce gaishu* [Overview of Overseas Chinese Affairs Policy of China]. Peking: Overseas Chinese Press. 408 p.
- Ren G. (ed.). 2009. *Haiwai huaqiao huaren yu zhongguo gaige kaifang* [Overseas Chinese and China's Reform and Opening-up]. Peking: Chinese Communist Party History Press. 622 p. (In Chinese)
- Smart A., Hsu J-U. 2004. The Chinese Diaspora, Foreign Investment and Economic Development in China. *The Review of International Affairs*. 3(4). P. 544–566. DOI: 10.1080/1475355042000241511
- Tan C.-B. (ed.). 2013. *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*. Croydon: Routledge. 506 p.
- Zhang Y. (ed.). 2009. *Huaqiao huaren yu xin zhongguo* [Overseas Chinese and New China]. Guangzhou: Jinan University Press. 402 p. (In Chinese)
- Zhang K. 2006. Foreign Direct Investment in China. *Canadian Foreign Policy*. 13(2). P. 35–50. DOI: 10.1080/11926422.2006.9673427
- Zhu W., Jia H. 2006. 20 shiji 80 niandai yilai haiwai huaren touzi zhongguo dalu de jingji yingxiangli fenxi [Analysis of the Economic Impact of Overseas Chinese investment in the PRC since the 1980s]. *Xueshu yanjiu [Academic Research]*. №12. P. 64–68.
- Afonasyeva A.V. 2013. *Zarubezhnyye kitaytsy – biznes v KNR: ekonomicheskaya deyatel'nost' zarubezhnykh kitaytsev i reemigrantov v KNR v khode reform (1979–2010 gg.)* [Overseas Chinese – Business in the PRC: Overseas Chinese and Re-Emigrants Economic Activity in the PRC since Reform Period]. Moscow: IFES RAS. 240 p.
- Afonasyeva A.V. 2022. *Diasporal'naya politika KNR: social'no-ekonomicheskoe napravlenie* [Overseas Chinese Affairs Policy of the PRC: Socio-Economic Direction]. Moscow: IFES RAS. 336 p. (In Russian)
- Afonasyeva A.V. 2024. Kapital kitajskoj diaspori v global'noj ekonomike [Assessing the Global Capital of the Chinese Diaspora]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(5). P. 120–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-120-160 (In Russian)
- Goncharov S.N. 1986. Zarubezhnyye kitaytsy i programma «chetyrekh modernizatsiy» KNR [Overseas Chinese and the PRC's "Four Modernizations" Program]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*. №3. P. 34–46. (In Russian)
- Grebennikova E.V. 1980. *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty kitayskoy emigratsii (1945–1980 gg.)* [Socio-Economic Aspects of Chinese Emigration (1945–1980)]. Dissertation for the degree of candidate of economic sciences: 08.00.15]. Moscow. 191 p. (In Russian)
- Larin A.G., Afonasyeva A.V., Bazhenova E.S. 2015. O vklade kitayskoy diaspori v ekonomiku stran prozhivaniya, Kitaya i Rossii [On the Contribution of the Chinese Diaspora to the Economy of the Countries of Residence, China and Russia]. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF*. №39. P. 50–64. (In Russian)
- Manezhev S.A. 1990. *Inostranny kapital v ekonomike KNR* [Foreign Capital in the PRC's Economy]. Moscow: Science. Main Editorial Board of Oriental Literature. 274 p. (In Russian)

Sizikova V.A. 2009. «*Sotsialisticheskaya modernizatsiya*» v KNR: *politicheskiye aspekty* [“Socialist Modernization” in the PRC: Political Aspects]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of political sciences: 23.00.02]. Moscow. 28 p. (In Russian)

Sladkovskiy M.I. 1974. *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitayem (1917–1977)* [History of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1977)]. Moscow: Science. 367 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Афонасьева А.В. 2013. *Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.)*. Москва: ИДВ РАН. 240 с.

Афонасьева А.В. 2022. *Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление*. Москва: ИДВ РАН. 336 с.

Афонасьева А.В. 2024. Капитал китайской диаспоры в глобальной экономике. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(5). С. 120–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-5-98-120-160.

Гончаров С.Н. 1986. Зарубежные китайцы и программа «четырёх модернизаций» КНР. *Проблемы Дальнего Востока*. №3. С. 34–46.

Гребенникова Е.В. 1980. *Социально-экономические аспекты китайской эмиграции (1945–1980 гг.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.15. Москва. 191 с.

Ларин А.Г., Афонасьева А.В., Баженова Е.С. 2015. О вкладе китайской диаспоры в экономику стран проживания, Китая и России. *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ*. №39. С. 50–64.

Манежев С.А. 1990. *Иностранный капитал в экономике КНР*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы. 274 с.

Сладковский М.И. 1974. *История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1977)*. Москва: НАУКА. 367 с.

Сизикова В.А. 2009. «*Социалистическая модернизация*» в КНР: *политические аспекты*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02. Москва. 28 с.

Международный транспортный коридор «Север – Юг» в условиях переориентации торговых потоков РФ в страны Глобального Юга

Е.А. Дегтерёва, О.В. Бирюкова, А.И. Сабанцев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В условиях структурной трансформации внешней торговли России МТК «Север – Юг» выступает потенциальным инструментом для переориентации торговых потоков. Однако существует проблема разрыва между декларируемым потенциалом маршрута и его реальной грузовой базой, обеспечение которой ограничивается как инфраструктурными («жесткими»), так и нефизическими («мягкими») барьерами МТК. Целью исследования является систематизация барьеров развития МТК «Север – Юг» на основе анализа торгового сотрудничества РФ с основными странами, тяготеющими к маршрутам коридора. Авторами проведён детальный анализ динамики и товарной структуры товарооборота РФ за 2019–2024 гг. с ключевыми партнёрами (Азербайджан, Индия, Иран, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Показано, что рост товарооборота со странами-партнёрами носит асимметричный характер, при этом значительная часть экспортного прироста обеспечивается сырьевыми товарами, тяготеющими к традиционным морским маршрутам, что не позволяет автоматически конвертировать рост торговли в загрузку мультимодальной инфраструктуры коридора. Были систематизированы основные группы барьеров – ключевые инфраструктурные разрывы, административно-правовые барьеры, а также проблемы структурного торгового дисбаланса, порождающего низкую эффективность обратной загрузки. Обосновывается вывод о том, что для полноценной реализации потенциала коридора необходим переход от точечного инфраструктурного строительства к комплексной модернизации логистических процессов в рамках МТК «Север – Юг».

Ключевые слова: МТК «Север – Юг», транспортная артерия, логистика, экспорт, импорт, грузопотоки, порт, торговый дисбаланс

УДК: 339.5(470+571):656.02

Поступила в редакцию: 15.10.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Переориентация внешней торговли РФ на дружественные страны сопровождается изменением географии поставок, логистических цепочек и требований к транспортным маршрутам. Новые ключевые партнёры расположены преимущественно в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, что требует адаптации инфраструктуры к новым направлениям и объёмам грузопотоков. Существующая транспортная система, исторически ориентированная на европейское направление, не в полной мере обеспечивает эффективную связь с южными рынками, при этом традиционные маршруты уязвимы для внешних шоков и давления со стороны недружественных стран. Сложившаяся геополитическая конфигурация усилила значение МТК «Север – Юг» как инструмента диверсификации логистических направлений. При последовательном развитии инфраструктуры коридор может сыграть важную роль в повышении устойчивости внешнеторговых маршрутов России, поддержке экономической активности и углублении взаимодействия с государствами, заинтересованными в расширении сотрудничества с РФ (Федулов 2023: 82).

Ключевой стратегический интерес России в развитии МТК «Север – Юг» заключается в формировании транспортного маршрута, независимого от контроля со стороны недружественных государств и позволяющего сокращать риски эксплуатации традиционных маршрутов на фоне обострения международной конкуренции и санкционной эскалации. Коридор позволяет обходить традиционные и геополитически уязвимые транспортные узлы, такие как Суэцкий канал, Ормузский пролив и Чёрное море, предлагая прямое сообщение между Россией и портами Индийского океана.

Коридор открывает для России быстрый выход на растущие рынки Ирана, Пакистана, Индии, а также других развивающихся стран Азии и Африки в контексте переориентации торговых потоков. В 2023 г. российский импорт через МТК «Север – Юг» вырос на 11,7% за счёт роста торговли со странами Африки и Азии, что частично компенсировало снижение товарооборота с европейскими странами¹.

Диверсификация торговых потоков через МТК «Север – Юг» и использование более оптимальной системы в соотношении скорость – затраты маршрутов формирует конкурентные преимущества для российских экспортёров и создаёт фундамент для долгосрочного экономического сотрудничества со странами Глобального Юга. МТК «Север – Юг» обладает потенциалом для роста торговли между странами-участницами за счёт факторов, которые определяются сокращением длины маршрута на 40% и сокращением затрат на перевозки

¹ Коридор «Север – Юг»: новые возможности для внешней торговли России. 2024. *Eurasian Rail Alliance Index*. URL: <https://index1520.com/en/analytics/koridor-sever-yug-novye-vozmozhnosti-dlya-vneshney-torgovli-rossii/> (дата обращения: 01.04.2026).

на 30%², по сравнению с традиционным маршрутом через Суэц. Относительно транскаспийского маршрута МТК «Север – Юг» стоит отметить оценки Государственной транспортной лизинговой компании (ГТЛК), которые показывают, что перевозки через Каспийское море могут быть на 54% выгоднее железнодорожных маршрутов через Транссиб³.

Несмотря на высокий потенциал, МТК «Север – Юг» пока не является единой, слаженно работающей системой. Коридор сталкивается с рядом вызовов как непосредственно инфраструктурного характера, так и вопросов административно-правового характера, таможенного регулирования и ряда других аспектов, ограничивающих эффективное развитие системы маршрутов.

Целью данной статьи является систематизация основных барьеров, сдерживающих развитие МТК «Север – Юг» в условиях переориентации российской внешней торговли на страны Глобального Юга. В рамках данной статьи авторами предложена оценка текущего состояния МТК «Север – Юг», выявлены особенности торгового взаимодействия РФ со странами-партнёрами, влияющие на эффективность функционирования коридора, и с учётом данного контекста обобщены ключевые барьеры его развития.

Проведённый анализ научной и экспертно-аналитической литературы свидетельствует о внимании исследователей к проблематике транспортной связанности Евразии и МТК «Север – Юг». Отечественная научная библиография посвящается преимущественно анализу выгод от развития МТК «Север – Юг» для российской экономики (Vinokurov et al. 2022) Среди них: удешевление перевозок в среднесрочной перспективе, сокращение времени перевозок в сравнении с маршрутом по Суэцкому каналу, повышение надёжности транспортировки и сближение транспортной инфраструктуры стран-участниц (Малышев, Кожанов 2024), а также возможности компенсации санкционного давления коллективного Запада по этому направлению (Семедов, Шилова 2023). В новой геополитической реальности МТК «Север – Юг» получил шанс превратиться из долгое время не реализованной идеи в работающий инструмент для обеспечения транспортной безопасности и экономического роста России (Федулов 2023). Вместе с тем отмечается, что развитие новой сети транспортных коридоров идёт гораздо медленнее, чем изначально предполагалось (Данков, Савкович 2025).

Перспективы маршрута связываются прежде всего с потенциалом торгового взаимодействия между странами, тяготеющими к МТК «Север – Юг». Исследования подтверждают высокий торговый потенциал между Индией

² Коридор «Север – Юг» расширит транзитный потенциал Казахстана – индийский эксперт. *Каспийский вестник*. 20.04.2023. URL: <https://casp-geo.ru/koridor-sever-yug-rasshirit-tranzitnyj-potentsial-kazahstana-indijskij-ekspert> (дата обращения: 01.04.2026).

³ Гаврилов В. 2024. Суда идут: контейнерные перевозки по Каспию планируют нарастить с 2025 года. *Известия*. URL: <https://iz.ru/1797786/vladimir-gavrilov/suda-idut-kontejnernye-perevozki-po-kaspiyu-planiruyut-narastit-s-2025-goda> (дата обращения: 01.04.2026).

и странами Каспийского региона, отмечая растущую роль Азербайджана (Pal 2024). Для Индии МТК рассматривается как ворота в Центральную Азию (Khan et al. 2023).

В зарубежных исследованиях МТК «Север – Юг» достаточно широко рассматривается аналитическими центрами. Так, эксперты американского Института исследований внешней политики (FPRI) вписывают коридор в деятельность неформальной коалиции Китая, Ирана, России и Северной Кореи (CIRN), которая бросает вызов западному влиянию и стремится перестроить систему международной торговли вне западных стандартов⁴.

Особое внимание уделяется конкурирующим проектам и точкам напряжённости. Аналитики из США и Израиля активно анализируют Зангезурский коридор⁵. В FPRI отмечают, что этот проект формирует ось соперничества между Тегераном и Ереваном, с одной стороны, и Баку и Тель-Авивом — с другой. В израильском Центре стратегических исследований Бегина–Садата подчёркивают, что актуальность Зангезура возросла из-за возможности строительства по этому маршруту трубопровода для поставок углеводородов в Европу в обход России⁶.

В итальянском институте ISPI, сравнивая различные евразийские логистические инициативы (ИМЕС, Срединный коридор, МТК), приходят к выводу, что все они сталкиваются с серьёзными препятствиями, такими как внутривосточная нестабильность, санкции и геополитические противоречия⁷.

В отличие от западных экспертов, в незападных аналитических кругах отношение к МТК «Север – Юг» более прагматичное, хотя при этом эксперты испытывают влияние со стороны конкурирующих инициатив. В индийском центре ORF подчёркивается необходимость «конвергенции» МТК и Срединного коридора для получения более удобного доступа к европейским рынкам⁸. Ключевое значение придаётся иранскому порту Чабахар, который рассматривается как знаковая победа индийской дипломатии, позволяющая обойти Пакистан и Китай и выйти на рынки Центральной Азии и Восточной Европы⁹.

⁴ Colibasanu A. 2024. Trade Corridor Wars: Escalating Competition between China, Russia, Iran and the West. *FPRI*. 06.12. URL: <https://www.fpri.org/article/2024/12/trade-corridor-wars-china-russia-iran-west/> (accessed 01.04.2026)

⁵ Landgraf W., Seferian N.A. "Frozen Conflict" Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications. *FPRI*. 18.01.2024. URL: <https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/> (accessed 01.04.2026)

⁶ Shpunt A. 2025. The Pipeline Dimension of the Zangezur Corridor Project: History and Geopolitical Context. *BeSa Center*. 21.02. URL: <https://besacenter.org/the-pipeline-dimension-of-the-zangezur-corridor-project-history-and-geopolitical-context/> (accessed 01.04.2026)

⁷ Rudenshiold E. 2024. New Infrastructure Corridors: Ready, Set, Go? *ISPI*. 27.12. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/new-infrastructure-corridors-ready-set-go-195455> (accessed 01.04.2026)

⁸ Wani A. 2024. Chabahar Port: India's Counterweight to China's BRI in Eurasia. *ORF*. 15.05. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/chabahar-port-indias-counterweight-to-chinas-bri-in-eurasia> (accessed 01.04.2026)

⁹ Wani A. 2024. The Middle Corridor and Opportunities for India. *ORF*. 15.01. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-middle-corridor-and-opportunities-for-india> (accessed 01.04.2026)

Китайские эксперты воспринимают МТК не как угрозу, а как дополняющий маршрут в рамках общей евразийской логистики, выделяя при этом риски проекта: недостаток финансирования из-за санкций против Ирана, политическую нестабильность в транзитных странах и конкуренцию со стороны Турции¹⁰ (Лю, Лун 2023).

Полноценному запуску и эффективному функционированию МТК «Север – Юг» препятствует ряд системных противоречий и барьеров. В научной и аналитической литературе рассматриваются отдельные аспекты этих проблем. В то же время рассмотрение указанных барьеров зачастую носит фрагментарный характер, внимание акцентируется на отдельных составляющих развития МТК. Кроме того, понимание барьеров, связанных с развитием транспортного коридора, требует более детального изучения особенностей и потенциальных проблем в торговом сотрудничестве между РФ и странами – партнёрами по МТК «Север – Юг». Именно анализ структуры и динамики торговли со странами зоны тяготения коридора позволяет оценить реальный масштаб спроса на перевозки и выявить диспропорции, которые не могут быть устранены одними лишь инфраструктурными мерами.

Таким образом, на сегодняшний день остаётся актуальной задача формирования систематизированной рамки барьеров развития, выстроенной с учётом актуальных тенденций развития торгового сотрудничества между РФ и странами, тяготеющими к МТК «Север – Юг». Включение в периметр исследования ключевых торговых партнёров, формирующих потенциальную грузовую базу маршрута, позволяет очертить текущий потенциал и целевую рамку, которая необходима для перехода от общего описания трудностей к выработке конкретных рекомендаций и составлению дальнейших планов развития МТК, нацеленных на конвертацию растущего торгового оборота в реальные грузопотоки по маршрутам коридора.

Текущее состояние МТК «Север – Юг» и анализ торгового сотрудничества

Структура МТК «Север – Юг» отличается мультимодальностью и вариативностью маршрутов, что позволяет адаптировать логистику под разные экономические и политические условия.

¹⁰ Liu Z., Long X. 2023. Guoji nanbei yunshu zoulang, Yindu xiang xia yi pan da qi? [International North-South Transport Corridor: Is India Trying to Play a Big Game of Chess?]. *RDCY*. 24.07. URL: <http://rdcy.ruc.edu.cn/zw/jszy/lzy/lzygrzl/3470a4006c324d15a4a9ec61074b935e.htm> (In Chinese)

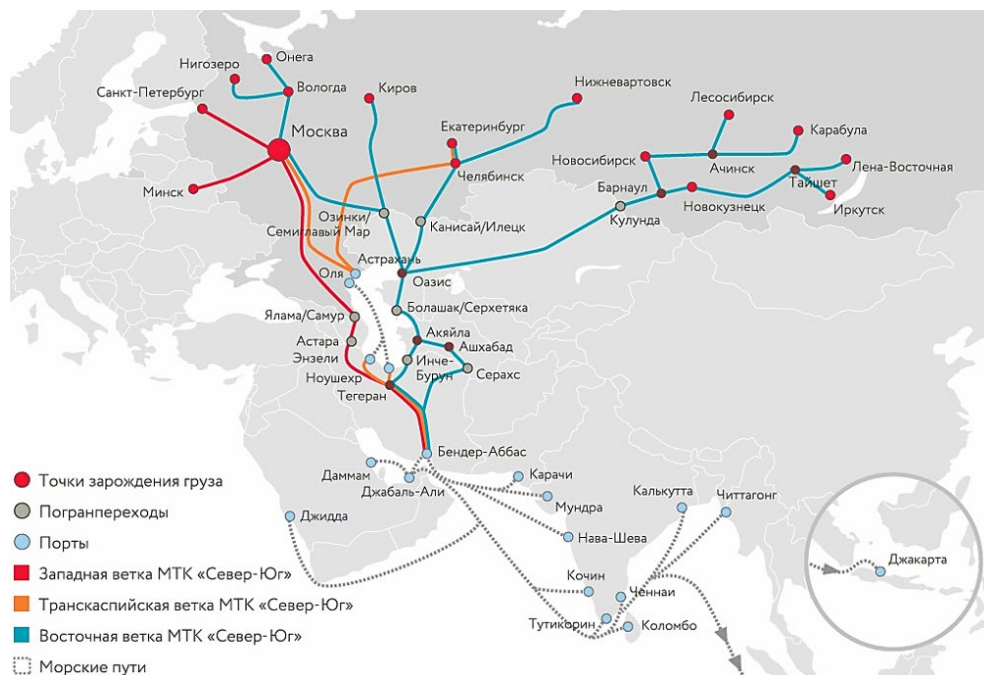

Рисунок 1. Карта основных веток МТК «Север – Юг»

Figure 1. Map of the main branches of the International North–South Transport Corridor

Источник: Eurasian Rail Alliance Index¹¹.

Западная ветка (сухопутная) МТК «Север – Юг» представляет собой маршрут Россия – Азербайджан – Иран через ЖДПП Астара, обеспечивая преимущественно прямое железнодорожное сообщение. На участке Астара – Решт используется автомобильный транспорт с возможностью перевалки на железную дорогу. Доступны также доставки в порты Ирана и подключение грузов из Грузии и Армении. Протяжённость от Астрахани до Бендер-Аббаса – около 3 тыс. км. Восточная ветка (сухопутная) проходит через Россию, Казахстан, Туркменистан и Иран, обеспечивая железнодорожное сообщение. Переход в Иран осуществляется через Серахс или Акяйлу, со сменой колеи с 1520 мм на 1435 мм. Протяжённость – около 4 тыс. км. Транскаспийская ветка (мультимодальная) соединяет российские порты Астрахань, Оля, Махачкала с иранскими портами Энзели, Ноушехр, Амирабад. Далее используется автодорожная и железнодорожная сеть Ирана. Протяжённость маршрута¹² – около 2,8 тыс. км.

¹¹ Коридор «Север – Юг»: новые возможности для внешней торговли России. 2024. Eurasian Rail Alliance Index. URL: <https://index1520.com/en/analytics/koridor-sever-yug-novye-vozmozhnosti-dlya-vneshney-torgovli-rossii/> (дата обращения: 01.04.2026).

¹² Преодоление инфраструктурных барьеров на пути развития МТК «Север – Юг». Eurasian Rail Alliance Index. URL: <https://index1520.com/analytics/preodolenie-infrastrukturnykh-barerov-na-puti-razvitiya-mtk-sever-yug/?ysclid=mnk4m659q1634319257> (accessed 01.04.2026)

Таким образом, три основные ветки – западная, восточная и транскаспийская – соединяют Россию с Ираном и далее с портами Индийского океана, обеспечивая выбор между полностью сухопутными и комбинированными сухопутно-морскими схемами. Такая конфигурация повышает устойчивость коридора к внешним ограничениям, расширяет географию привлечённых грузопотоков (включая страны Кавказа, Центральной Азии и Восточной Европы) и создаёт условия для гибкой интеграции в глобальные транспортные цепочки.

Анализ динамики грузоперевозок по МТК «Север – Юг» за последние годы свидетельствует о его растущей востребованности. Представленные на рис. 2 данные демонстрируют устойчивый и значительный рост совокупного объёма перевезённых грузов: с 16,3 млн т в 2021 г. до 26,9 млн т в 2024 г. Этот более чем 65%-ный рост за три года подчёркивает активизацию торгово-логистических операций на южном направлении. По оценкам Минтранса России и Дирекции международных транспортных коридоров, в 2024 г. объём перевозок по МТК «Север – Юг» составил 26,9 млн т. Более ранние прогнозы предполагали рост до 28,1 млн т в 2025 г., однако предварительные данные за 2025 г. указывают на более низкий показатель – около 21,5 млн т, что свидетельствует о сохраняющейся чувствительности коридора к инфраструктурным, геополитическим и организационным ограничениям.

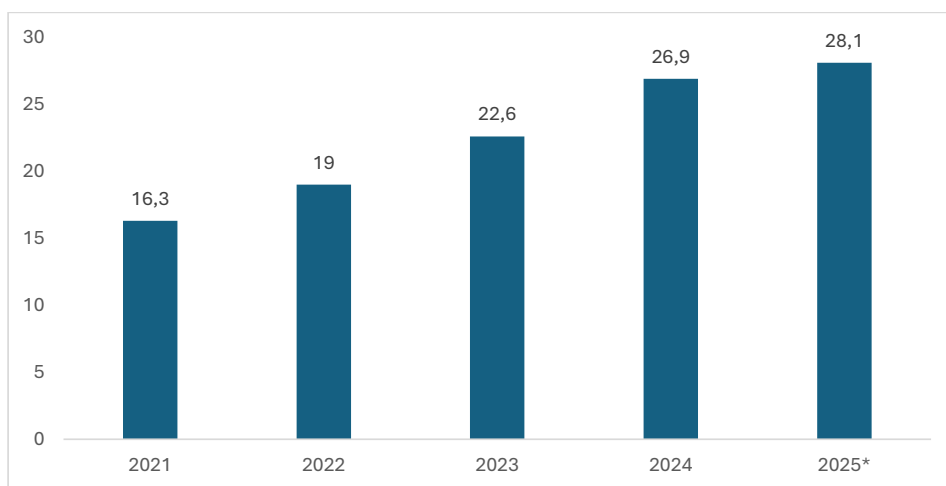

Рисунок 2. Совокупный объём перевозок по МТК «Север – Юг» в 2021–2024 гг. с прогнозом на 2025 г., млн т.

Figure 2. Total freight volume along the INSTC in 2021-2024 with a forecast for 2025, million tons

Источник: Транспортная инфраструктура Каспийского региона и коридор «Север – Юг».

URL: <https://casp-geo.ru/transportnaya-infrastruktura-kaspijskogo-regiona-i-koridor-sever-yug/>

Source: Transport infrastructure of the Caspian region and the North-South corridor. URL: <https://casp-geo.ru/transportnaya-infrastruktura-kaspijskogo-regiona-i-koridor-sever-yug/>

В период с 2014 по 2021 гг. наблюдался относительно стабильный и диверсифицированный экспорт РФ в страны, тяготеющие к МТК, где наряду с энергоносителями и стройматериалами существенную долю занимали чёрные металлы и зерно. С 2022 г. произошёл рост общего объёма экспорта по МТК, обусловленный главным образом увеличением поставок нефти и нефтепродуктов, строительных материалов, сельскохозяйственной и химической продукции.

Указанные изменения свидетельствуют о процессе переориентации российского сырьевого экспорта с западных рынков на рынки Глобального Юга. Рост российских поставок в направлении Ирана, Индии и стран Ближнего Востока и ЮВА является важным драйвером и экономическим обоснованием для форсированного развития инфраструктуры МТК «Север – Юг».

Структура и динамика импорта из стран, тяготеющих к коридору «Север – Юг», отличаются от экспортных потоков, демонстрируя умеренную положительную динамику на протяжении последнего десятилетия. Особенностью импорта из указанных стран в РФ является его диверсификация, которая сохраняется на протяжении последнего десятилетия. По некоторым оценкам, основу импортной корзины стабильно составляют продовольственные товары, продукция химической промышленности, энергоресурсы и стройматериалы.

В то же время для трансграничных перевозок РФ и стран – партнёров РФ по МТК характерна проблема *торгового дисбаланса*, которая заключается в существенном превышении российского экспорта над импортом в рамках путей коридора. Данный разрыв в физических объёмах грузов является потенциальным вызовом для логистической рентабельности коридора, в частности, порождая проблему обратной загрузки транспорта.

Безусловным лидером по объёму перевозок в рамках МТК является Западный маршрут, проходящий через Азербайджан. В 2023 г. на его долю пришлось 12,4 млн т из общего объёма в 17,7 млн т, что составляет около 70% всего грузопотока. Тот факт, что маршрут доминирует даже при наличии известного инфраструктурного разрыва на участке Решт – Астара, который преодолевается автомобильным транспортом, свидетельствует о востребованности для российских экспортно-импортных операций.

Второе место стабильно занимает Транскаспийский маршрут (4,1 млн т в 2023 г.), в то время как Восточный маршрут, проходящий через Казахстан и Туркменистан, в настоящее время используется наименее интенсивно (1,2 млн т в 2023 г.), хотя и показывает положительную динамику и имеет потенциал расширения, например, за счёт подключения к проекту Узбекистана. Более того, как отмечается в публикации Минтранса РФ, в марте 2025 г. Узбекистан подал заявку на присоединение к соглашению МТК «Север – Юг»¹³

¹³ Приоритетные направления развития транспортного коридора «Север – Юг» обсудили в Казани. 2025. *Министерство транспорта Российской Федерации*. URL: <https://mintrans.gov.ru/eye/press-center/news/11880> (дата обращения: 01.04.2026)

С учётом геополитических факторов и динамики торгового оборота между участниками транспортной артерии, наиболее серьёзный рост в объёме перевозок стоит ожидать для Восточного маршрута. Соответственно, нагрузка на этот участок МТК «Север – Юг» уже в ближайшие годы возрастет и потребует значительного увеличения пропускной способности, а также модернизации существующей инфраструктуры.

Торговля РФ с ключевыми странами МТК (Азербайджан, Индия, Иран, Казахстан)¹⁴ и перспективными участниками коридора (Пакистан, Узбекистан) демонстрирует стремительный рост их значимости для российских внешне-экономических связей, особенно в период после 2022 г. Если в 2019–2021 гг. доля этих стран в общем товарообороте РФ была относительно стабильной, то в последующие годы наблюдается взрывной рост, в первую очередь за счёт экспорта (см. табл. 1).

Доля этих шести стран в общем экспорте России увеличилась почти в четыре раза – с 7,3% в 2021 г. до 26,1% в 2024 г. CAGR за период 2019–2024 гг. составил впечатляющие 29,2%, отражая масштабную переориентацию российских экспортных потоков с западных рынков на южные. Рост доли этих стран в импорте также значителен, но более умерен: она увеличилась более чем вдвое – с 4,7% в 2021 г. до 10,3% в 2024 г., со среднегодовым темпом роста в 12,4%. Соответственно, развитие МТК ориентировано на расширение двусторонних торговых связей РФ и стран-партнёров, но обеспечивает в первую очередь интересы российских экспортёров.

Таблица 1. Доля экспорта и импорта в общей структуре экспорта и импорта РФ в отношении с основными странами-участницами МТК «Север – Юг» (Азербайджан, Индия, Иран, Казахстан), а также Пакистаном и Узбекистаном в 2017–2024 гг. и среднегодовой прирост экспорта и импорта РФ в отношении с указанными странами в 2019–2024 гг., %

Table 1. Share of export and import in the total structure of Russia's trade with the main INSTC member countries (Azerbaijan, India, Iran, Kazakhstan), as well as Pakistan and Uzbekistan in 2017-2023, and compound annual growth rate in 2019-2024, %

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	CAGR 2019-2024
Доля в импорте РФ	4,0%	4,3%	4,8%	4,3%	4,7%	8,1%	8,7%	10,3%	12,4%
Доля в экспорте РФ	6,9%	5,8%	6,6%	8,0%	7,3%	12,0%	21,1%	26,1%	29,2%

Источник: составлено по данным Trade Map. URL: <https://www.trademap.org>

Source: compiled by the authors based on Trade Map data. URL: <https://www.trademap.org>

При более детальном рассмотрении средних темпов прироста товарооборота с отдельными странами становится очевидной гетерогенность торговых связей в рамках коридора. Общий рост российского экспорта на южном

¹⁴ Туркменистан не был учтён в общей статистике с учётом ограниченности точных данных по экспорту и импорту 2021 годом.

направлении обеспечивается в первую очередь за счёт роста поставок в Индию, среднегодовой темп прироста которых в 2019–2024 гг. составил 59,5%. Этот показатель напрямую отражает перенаправление масштабных объёмов российских энергоресурсов на индийский рынок. Значительный рост экспорта также демонстрируют Узбекистан (25,7%) и Пакистан (23,1%). На этом фоне темпы роста экспорта на рынки основных стран – участниц МТК, таких как Иран (10,2%), Азербайджан (9,6%), Казахстан (5,3%), выглядят более умеренно (см. табл. 2).

В структуре роста импорта наблюдается иная картина. Здесь безусловным лидером является Иран, импорт из которого в РФ рос со среднегодовым темпом в 25,8%. Это свидетельствует об активном замещении иранскими товарами (в первую очередь, продовольственными) продукции с других рынков. Высокие темпы роста импорта также показывает Узбекистан (16,7%). При этом импорт из Индии и Казахстана растёт стабильно, но более умеренно (11,4% и 11,2% соответственно).

Таблица 2. Средние темпы прироста импорта и экспорта РФ в торговле с основными странами – участницами МТК «Север – Юг» (Азербайджан, Индия, Иран, Казахстан), а также с Пакистаном и Узбекистаном в 2019–2024 гг., %

Table 2. Average growth rates of Russia's imports and exports in trade with the main INSTC member countries (Azerbaijan, India, Iran, Kazakhstan), as well as with Pakistan and Uzbekistan in 2019-2024, %

Страна	Импорт РФ	Экспорт РФ
Азербайджан	10,2%	9,6%
Индия	11,4%	59,5%
Иран	25,8%	10,2%
Казахстан	11,2%	5,3%
Пакистан	-13,5%	23,1%
Узбекистан	16,7%	25,7%
Общие по основным странам-участницам	11,6%	29,8%
Общие по основным странам-участницам, Пакистану, Узбекистану	12,4%	29,2%

Источник: составлено по данным Trade Map. URL: <https://www.trademap.org>

Source: compiled by the authors based on Trade Map data. URL: <https://www.trademap.org>

Анализ наиболее крупных товарных категорий в торговле с основными странами МТК «Север – Юг» подтверждает сырьевой характер российского экспорта. В 2024 г. на категорию «Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты» приходилось 68,4% всего экспорта в данном направлении, при этом её среднегодовой рост (CAGR) в 2019–2024 гг. составил 67,8%. На фоне этого другие традиционно важные для России экспортные товары занимают значительно меньшие доли, хотя и демонстрируют уверенный рост. В частности, высокие темпы прироста показывают «Животные и растительные жиры и масла» (+30,2%), «Удобрения» (+23,4%) и «Злаки» (+15,9%). Примечательно,

что экспорт высокотехнологичной продукции, такой как «Ядерные реакторы, котлы, механическое оборудование», показывает отрицательную динамику (-2,9%).

В отличие от экспорта, структура импорта гораздо более диверсифицирована. Здесь нет одной доминирующей категории, а рост обеспечивается за счёт поставок промышленной продукции и химикатов. Лидирующие позиции по доле в импорте в 2024 г. занимают «Неорганические химические соединения» (15,0%) и «Ядерные реакторы, котлы и механическое оборудование» (13,1%). Именно эти категории, наряду с «Пластмассами и изделиями из них», являются и главными драйверами роста со среднегодовыми темпами прироста в +30,3%, +40,7% и +37,0% соответственно. Следовательно, страны коридора становятся для России важным источником поставок промышленного оборудования и химической продукции, что представляет интерес в условиях ограниченности доступа к западным рынкам (см. табл. 3).

Таблица 3. Наиболее крупные категории экспорта и импорта РФ в торговле с основными странами – участницами МТК «Север – Юг» (Азербайджан, Индия, Иран, Казахстан)

Table 3. Largest categories of Russia's exports and imports in trade with the main INSTC member countries (Azerbaijan, India, Iran, Kazakhstan)

Экспорт РФ			Импорт РФ		
Категория	CAGR 2019-2024	Доля 2024	Категория	CAGR 2019-2024	Доля 2024
Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты	67,8%	68,4%	Неорганические химические соединения	30,3%	15,0%
Животные и растительные жиры и масла	30,2%	2,9%	Ядерные реакторы, котлы и механическое оборудование	40,7%	13,1%
Черные металлы	10,3%	2,6%	Черные металлы	3,5%	8,2%
Удобрения	23,4%	2,1%	Электрическое оборудование и электроника	10,7%	6,6%
Злаки	15,9%	2,1%	Руды, шлак и зола	-11,0%	4,9%
Драгоценные камни и металлы, жемчуг	8,9%	1,7%	Пластмассы и изделия из них	37,0%	4,5%
Ядерные реакторы, котлы, механическое оборудование	-2,9%	1,6%	Съедобные фрукты и орехи	7,2%	4,4%
Изделия из чёрных металлов	4,3%	1,5%	Фармацевтическая продукция	-3,3%	2,8%
Пластмассы и изделия из них	5,3%	1,2%	Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты	-10,0%	2,6%
Неорганические химические соединения	19,5%	1,0%	Органические химические соединения	12,0%	2,4%

Источник: составлено по данным Trade Map. URL: <https://www.trademap.org>

Source: compiled by the authors based on Trade Map data. URL: <https://www.trademap.org>

Азербайджан

Торговые отношения с Азербайджаном, ключевым транзитным государством на Западной ветке МТК, демонстрируют сложную и динамичную структуру. Основу российского экспорта в Азербайджан составляют «Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты», занимая 32,6% от общего объёма поставок и показывая в 2019–2024 гг. уверенный среднегодовой прирост в 27,9%. В то же время по традиционным статьям экспорта, таким как «Злаки» и «Древесина», наблюдается отрицательная динамика (-1,2% и -2,3% соответственно). На этом фоне выделяется взрывной рост экспорта «Драгоценных камней и металлов» (CAGR 357%), что свидетельствует о появлении новых точек роста в торговле.

Структура импорта из Азербайджана также претерпевает изменения. Хотя основу по-прежнему составляют «Съедобные фрукты и орехи» (доля 33,9%), их прирост замедлился до среднегодового уровня 7,5% в 2019–2024 гг. При этом вторая по величине категория импорта, «Овощи и корнеплоды», демонстрирует падение (-3,5%). Драйверами роста импорта становятся промышленные и химические товары: «Пластмассы и изделия из них» (+52,5%), «Прочие химические продукты» (+66,5%) и «Прочие изделия из недрагоценных металлов» (рост +514,6%). Соответственно, Азербайджан для России становится не только поставщиком агропродукции, но и важным источником промышленных товаров и материалов.

Индия

Экспорт России в Индию характеризуется ярко выраженной товарной специализацией: подавляющая доля поставок (89%) представлена категорией «Минеральное топливо, нефть и нефтепродукты». Анализ среднегодовых темпов роста данной категории за последние пять лет (2019–2024 гг.), отражённых в зеркальных статистических данных, свидетельствует о значительном увеличении объёмов экспорта углеводородов, которое составило в среднем 81,9%. Особенно существенный прирост (в среднем на 82%) наблюдается в последние два года рассматриваемого периода, что наглядно иллюстрирует тенденцию к усилению зависимости индийского рынка от российского энергетического сырья.

При этом необходимо учитывать структуру логистики: основной физический объём этих поставок в настоящее время обслуживается преимущественно традиционными путями через Балтику и Суэц¹⁵ и не способен в полной мере обеспечиваться МТК. Мультимодальная транспортировка наливных грузов (в частности, нефти) и угля через коридор в настоящее время затруднена из-за необходимости смены колёсных пар и перевалки, что критично для безопасности и стоимости таких грузов (Pal 2024: 13). В то же время увеличение

¹⁵ Tanker – Weekly Market Monitor. Snapshot of Crude and Product Freight Rates, Supply-Demand. *Breakwave Advisors LLC*. 23.09.2025. URL: <https://www.breakwaveadvisors.com/insights/2025/9/22/russian-oil-flows> (accessed 01.04.2026).

российского экспорта в Индию, представленного стратегическими сырьевыми продуктами, отражает потенциал углубления кооперации за счёт альтернативных путей МТК «Север – Юг». Остальные экспортные категории хоть и занимают в общем объёме незначительную долю, показывают высокий рост, как, например, «животные и растительные жиры и масла» (+68,9%).

Структура импорта из Индии, напротив, диверсифицирована и имеет промышленную направленность. Крупнейшей категорией являются «Ядерные реакторы, котлы, механическое оборудование», занимающие 23% импорта и демонстрирующие высокий рост в 37,2%. В то же время появляются новые точки роста, такие как импорт «Неорганических химических соединений» (+68,1%) и «Керамических изделий» (+79,3%).

Иран

Российский экспорт в Иран более чем на половину состоит из поставок зерновых (злаков), которые занимают 62,8% с уверенным среднегодовым ростом в 22,7%. Также значительные доли у «Древесины» (11,8%) и «Ядерных реакторов, котлов и механического оборудования» (6,8%). Однако по ряду других аграрных позиций, таких как «Животные и растительные жиры и масла» и «Мясо», наблюдается существенный спад (-25,1% и -20,0% соответственно). На этом фоне выделяется активный рост экспорта «Чёрных металлов» (+101,8%) и «Автомобилей» (+169,3%), что говорит о появлении новых промышленных векторов для экспорта.

Импорт из Ирана в Россию традиционно ассоциируется с продовольствием: «Съедобные фрукты и орехи» занимают 29,4%, а «Овощи и корнеплоды» – 13,7%. Однако наиболее динамичный рост показывают другие категории. Импорт «Рыбы и морепродуктов» вырос со среднегодовым темпом в 125,9%. Активно растут поставки «Пластмасс» (+73,0%) и, что примечательно, «Автомобилей и транспорта» (+72,0%). Это свидетельствует о том, что Иран для России становится не только «южной продовольственной базой», но и партнёром по промышленной кооперации, в том числе в автомобильной отрасли.

Казахстан

Российский экспорт в Казахстан многопрофилен: лидирующие позиции занимают «Минеральное топливо» (9,7%), «Чёрные металлы» (8,4%) и «Изделия из чёрных металлов» (6,3%). При этом, как и в торговле с другими странами, наблюдается тенденция к снижению поставок российских высокотехнологичных товаров: экспорт «Ядерных реакторов, котлов и оборудования» сократился в среднем на 4,5% в год, а «Электрического оборудования и электроники» – на 3,0%.

Структура импорта из Казахстана зеркально отражает эту тенденцию и является уникальной. Основу поставок в Россию составляют промышленные товары: «Неорганические химические соединения» (23,5%) и «Чёрные металлы»

(12,7%). Примечательно, что наиболее динамичный рост наблюдается как раз в тех категориях, где российский экспорт падает: импорт «Ядерных реакторов, котлов и оборудования» из Казахстана в среднем рос на 45,2% в год, а «Электрического оборудования и электроники» – на 42,2%. Данный процесс может свидетельствовать о растущей роли Казахстана как центра промышленной кооперации и, возможно, сборочного производства для последующих поставок на российский рынок в рамках единого экономического пространства ЕАЭС.

Туркменистан

Проблемой анализа торговли РФ с Туркменистаном является ограниченность данных по торговой статистике, которые представлены 2021 г. Причём даже с учётом этого точная разбивка затруднена, например, самая крупная категория экспорта РФ в Туркменистан – это «Прочие товары», на которые пришлось 34,8%. Среди других значимых экспортных позиций – «Изделия из чёрных металлов» (8,4%), «Животные и растительные жиры и масла» (7,8%) и «Ядерные реакторы, котлы, механическое оборудование» (5,3%).

Импорт из Туркменистана узкоспециализирован и сконцентрирован на продукции агропромышленного комплекса и лёгкой промышленности. Три основные категории – «Овощи и корнеплоды» (32,3%), «Пластмассы и изделия из них» (20,8%) и «Хлопок» (17,0%) – в совокупности составляют более 70% всех поставок в Россию. Значительную долю также занимает «Готовый текстиль, одежда» (11,2%). Таким образом, торговля с Туркменистаном представляет собой обмен диверсифицированных промышленных и продовольственных товаров из России на концентрированный поток туркменской сельскохозяйственной и текстильной продукции.

Барьеры, ограничивающие реализацию логистического потенциала МТК «Север – Юг»

Эффективное функционирование МТК «Север – Юг» ограничено комплексом экономических, правовых и инфраструктурных проблем, решение которых потребует значительных усилий и скоординированных действий всех участников проекта.

Геополитические риски

Одним из серьёзнейших рисков является политическая обстановка вокруг Ирана. Страна находится в зоне риска ударов со стороны Израиля и США, что существенно осложняет продвижение проекта.

Несмотря на возобновившиеся усилия, западные ветки коридора остаются уязвимы, поскольку основной сухопутный маршрут проходит через Азербайджан – страну, которая испытывает определённое напряжение в отношениях

с Россией. Без чётких гарантий безопасности маршруты становятся менее привлекательными для инвесторов и перевозчиков.

Соотношение торговых потоков РФ и стран-партнёров и наличие дисбалансов

Одной из ключевых структурных проблем, влияющих на экономическую эффективность коридора, является торговый дисбаланс между РФ и странами – партнёрами по МТК. Он выражается в превышении как абсолютной величины экспорта РФ по сравнению с импортом, так и доли стран коридора в экспорте РФ (к 2024 г. достигла 26,1%) по отношению к импорту (лишь 10,3%).

Причины указанных особенностей связаны со структурой экономик стран-партнёров и сложившейся географией грузопотоков. Из-за недостаточного уровня диверсификации и несоответствия качества и стандартов производимой продукции в таких странах, как Иран и Индия, по многим товарным группам российские импортёры не заинтересованы в углублении закупок. В результате Россия имеет значительно больший объём товаров для экспорта на юг, чем потенциальный объём для импорта с юга на север.

Этот дисбаланс напрямую ведёт к серьёзной логистической проблеме – проблеме порожних контейнеров и неэффективной обратной загрузке транспорта. Логистические операторы вынуждены закладывать в стоимость перевозки груза на юг затраты на обратный порожний рейс, что значительно увеличивает общие транспортные издержки и снижает конкурентоспособность МТК «Север – Юг» по сравнению с другими маршрутами.

Инфраструктурные ограничения

Наиболее известным и критическим «узким местом» всего проекта остаётся недостроенный 162-километровый железнодорожный участок Решт – Астана на территории Ирана. Его отсутствие разрывает единую железнодорожную сеть Западной ветки коридора, вынуждая перегружать товары на автомобильный транспорт, что значительно увеличивает сроки и стоимость перевозок.

Дополнительными проблемами являются разница в ширине колеи (1520 мм в России и странах СНГ против 1435 мм в Иране), требующая смены колёсных пар или перевалки грузов, а также в целом низкая пропускная способность и не всегда высокое качество существующих иранских железных дорог, большинство из которых являются однопутными и неэлектрифицированными.

Морская составляющая коридора сталкивается с рядом системных вызовов. Во-первых, это обмеление Каспийского моря и, как следствие, Волго-Каспийского морского судоходного канала, которое уже сегодня создаёт угрозу судоходству и затрагивает все прибрежные порты. Недостаточная глубина канала является существенным инфраструктурным ограничением. Несмотря на стратегическую задачу обеспечения проходной осадки в 4,5 метра, Правительство РФ рассматривает возможность фиксации гарантированной глубины

на уровне 4,2 метра. Причина – критическое падение уровня Каспия и высокая стоимость работ, которые сталкиваются с дефицитом средств на финансирование дноуглубления¹⁶. Во-вторых, существует острая нехватка современного флота. Большинство судов, работающих на Каспии, имеют средний возраст 35 лет, они морально и технически устарели, а их совокупная провозная способность не превышает 8 млн т в год¹⁷. Тем не менее, стоит заметить, что проблема дефицита специализированного флота перешла в стадию практического решения. На 2025 г. запланирована сдача первой серии из четырёх универсальных сухогрузов-контейнеровозов проекта 00108 (тип «Волго-Дон макс»), строящихся на заводе «Лотос» по заказу ГТЛК¹⁸. При этом не стоит переоценивать указанный результат. Как замечают эксперты Trans Lab в своём докладе от 2024 г., «проект по строительству универсальных сухогрузов-контейнеровозов смешанного плавания размерности «Волго-Дон макс» предполагает строительство 20 судов»¹⁹. При этом, по некоторым оценкам, число таких судов сможет достичь 25 лишь к 2030 г.²⁰

Кроме того, проблемой Каспия долгое время выступала нехватка портов с развитыми контейнерными терминалами и железнодорожных подходов к ряду иранских портов. Отдельные проекты в области модернизации инфраструктуры позволили нарастить грузооборот. Как отметил и. о. руководителя ФГБУ «АМП Каспийского моря» Николай Ковалёв в ноябрьском интервью 2024 г., в планах модернизации ВКМСК – завершение основных этапов реконструкции в течение ближайших двух лет²¹. Кроме того, подчёркивая важность проекта, министр экономического развития Российской Федерации Максим Решетников объявил 2 декабря 2025 г. о значительных вложениях государства в модернизацию транспортных узлов региона, включая обновление порта в Махачкале, создание специальной экономической зоны в Астраханской области и углубление фарватера Волго-Каспийского канала²². Тем не менее мы видим некоторые расхождения между официальными заявлениями и результатами

¹⁶ Власти намерены отказаться от продолжения углубления Волго-Каспийского канала. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7974435> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁷ «Из варяг в персы»: Перспективы развития МТК Север – Юг. *N.Trans Lab*. С. 36. URL: <https://ntranslab.ru/upload/iblock/6b5/fduhxudb2as2ziqzkkjbvcsyqd306vrkx.pdf> (дата обращения: 01.04.2026). С. 36.

¹⁸ Гаврилов В. 2024. Суда идут: контейнерные перевозки по Каспию планируют нарастить с 2025 года. *Известия*. URL: <https://iz.ru/1797786/vladimir-gavrilov/suda-idut-kontejnerynye-perevozki-po-kaspiyu-planiruyut-narastit-s-2025-goda> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁹ Из варяг в персы»: Перспективы развития МТК Север – Юг. *N.Trans Lab*. С. 36. URL: <https://ntranslab.ru/upload/iblock/6b5/fduhxudb2as2ziqzkkjbvcsyqd306vrkx.pdf> (дата обращения: 01.04.2026). С. 36.

²⁰ Гаврилов В. 2024. Суда идут: контейнерные перевозки по Каспию планируют нарастить с 2025 года. *Известия*. URL: <https://iz.ru/1797786/vladimir-gavrilov/suda-idut-kontejnerynye-perevozki-po-kaspiyu-planiruyut-narastit-s-2025-goda> (дата обращения: 01.04.2026).

²¹ Там же.

²² МТК «Север – Юг» станет ключевым инфраструктурным проектом России с инвестициями в туризм и логистику. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/mtk_sever_yug_stanet_klyuchevym_infrastrukturnym_proektom_rossii_s_investitsiyami_v_turizm_i_logistiku.html (дата обращения: 01.04.2026).

проводимых работ. При потенциальной мощности портов Каспийского бассейна на уровне 23,5 млн т в действительности по состоянию на 2024 г. обрабатывалось лишь 8,1 млн т (0,9% от общего объёма перевалки грузов), показав прирост лишь на 4% по отношению к уровню 2023 г.²³ (см. табл. 4).

Таблица 4. Структура перевалки грузов по бассейнам РФ в 2019–2024 гг., млн т.
Table 4. Cargo transshipment structure by Russian sea basins in 2019–2024, million tons

Бассейн	2019	2021	2022	2023	2024	Доля в 2024 г.
Всего	840,3	835,2	841,5	883,8	861,9	100%
Азово-Черноморский	258,1	256,8	263,6	291,4	275,6	32,0%
Балтийский	256,4	252,8	245,5	248,6	248,7	28,9%
Дальневосточный	213,5	224,3	227,8	238,1	236,5	27,4%
Арктический	104,8	94,3	98,5	97,9	93	10,8%
Каспийский	7,4	7	6	7,8	8,1	0,9%

Источник: составлено авторами на основе данных Минтранса РФ. Транспорт России: информационно-статистический бюллетень, 2019–2024 гг. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents> (дата обращения: 01.04.2026)

Source: compiled by the authors based on the data of the Ministry of Transport of the Russian Federation. Transport of Russia: Information and Statistical Bulletin, 2019–2024. Available at: <https://mintrans.gov.ru/documents> (accessed 01.04.2026)

Правовые и административные барьеры

Помимо физических барьеров, эффективность коридора сдерживается отсутствием выстроенной системы международно-правовых договорённостей. Существующая нормативная база носит рамочный характер и состоит из разрозненных многосторонних и двусторонних договорённостей, которые не обеспечивают унификации процедур транзита, тарифной политики, таможенного оформления и доступа к инфраструктуре. Такая правовая фрагментарность приводит к неопределённости, росту транзакционных издержек и снижению конкурентоспособности коридора по сравнению с альтернативными маршрутами.

Прежде всего, стоит выделить проблему несогласованности процедур и сложный документооборот, особенно на границе с Ираном. По данным ЭСКАТО ООН, до 50% всего транзитного времени может тратиться на пересечение границ²⁴. Фактором, увеличивающим издержки, также может являться наличие неофициальных сборов в пути следования. Эта «чувствительная»

²³ Транспорт России: информационно-статистический бюллетень, 2019–2024 гг. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents> (дата обращения: 01.04.2026).

²⁴ Comprehensive Planning of Eurasian Transport Corridors to Strengthen the Intra-and Inter-Regional Transport Connectivity. 2017. UN ESCAP. Study Report. URL: <https://repository.unescap.org/server/api/core/bitstreams/43b17e37-eb8f-4af8-b011-b6854f161862/content> (accessed 01.04.2026)

тема была включена в анкету для экспертного опроса в рамках проекта, однако представители бизнеса, как, например, из Махачкалинского порта, избегают её прямого обсуждения.

Управление логистикой

Среди стран МТК «Север – Юг» на текущий момент отсутствует согласованная тарифная политика. Несмотря на то что между Россией, Азербайджаном и Казахстаном осуществляется координация тарифных политик, включая механизмы в рамках Совета по железнодорожному транспорту государств – участников СНГ, с Ираном и Туркменистаном долгие годы не существовало эффективной системы согласованной тарификации²⁵. Дополнительные сложности создают различия в национальных системах установления тарифов, а также дополнительные сборы в транзитных портах и на границах, что усложняет расчёты и повышает стоимость перевозок по коридору. Сдерживающим фактором развития МТК «Север – Юг» выступает отсутствие единого сквозного железнодорожного тарифа на весь маршрут, действующего по принципу «от точки до точки» (например, от Москвы до порта Бендер-Аббас).

Другой важной проблемой является неэффективное управление логистическими потоками. Отсутствие единого координационного центра приводит к таким ситуациям, когда в одном регионе наблюдается профицит подвижного состава (вагонов), а в другом, где он остро необходим, ощущается его дефицит, что парализует перевозки. Также существенным вызовом являются информационные разрывы и слабая осведомлённость бизнеса о возможностях и специфике работы в странах-партнёрах.

Выводы

Проведённый анализ подтверждает, что в условиях глобальной экономической перестройки и перенаправления российских торговых потоков на юг МТК «Север – Юг» окончательно трансформировался из перспективного проекта в элемент стратегической необходимости. На сегодняшний день существует разрыв между потенциальной грузовой базой и текущей физической пропускной способностью коридора. С одной стороны, происходит расширение экспортного потенциала. Однако необходимо учитывать, что значительная часть этого прироста (в частности, поставки энергоносителей в Индию) в настоящее время обслуживается в рамках традиционных уязвимых морских путей. Конвертация торгового потенциала в реальную загрузку мультимодальной

²⁵ Преодоление инфраструктурных барьеров на пути развития МТК «Север – Юг». *Eurasian Rail Alliance Index*. URL: <https://index1520.com/analytics/preodolenie-infrastrukturnykh-barerov-na-puti-razvitiya-mtk-sever-yug/?ysclid=mnk4m659q1634319257> (accessed 01.04.2026).

инфраструктуры МТК «Север – Юг» требует системного устранения выявленных «узких мест», что позволит трансформировать развивающиеся торговые связи со странами Глобального Юга в устойчивые грузопотоки по системе альтернативных маршрутов в рамках коридора.

Ключевыми физическими барьерами, сдерживающими развитие, были определены три «узких места»: недостроенный железнодорожный участок Решт – Астара в Иране, разрывающий ключевую Западную ветку, нехватка и изношенность морского флота на Транскаспийском маршруте в контексте модернизации портовой инфраструктуры и проблема обмеления Каспийского моря. Эти «жесткие» ограничения усугубляются системными «мягкими» проблемами: неэффективным управлением транспортными потоками, приводящим к логистическим парадоксам; несогласованностью таможенных и тарифных процедур, съедающих до половины времени транзита; а также торговым дисбалансом, который подрывает экономическую рентабельность перевозок из-за проблемы порожних рейсов.

С одной стороны, требуются целенаправленные государственные и частные инвестиции в приоритетные инфраструктурные проекты, которые способны «расшить» всю систему. В качестве наиболее применимой модели для реализации этих капиталоемких проектов можно рассмотреть механизм государственно-частного партнёрства (ГЧП) и создание совместных предприятий, что более приемлемо для таких стран, как Иран, чем классические концессии. Финансирование может осуществляться с привлечением национальных и международных институтов развития, таких как ЕАБР, НБР БРИКС, Исламский банк развития, который уже финансировал строительство флота для Туркменистана.

С другой стороны, приоритетной задачей становится ускоренное формирование механизмов управления транспортным коридором. Важно понимать, что эффективность его функционирования определяется не только развитием физической транспортной сети, но также созданием единой цифровой и организационной платформы. Целесообразно организовать единый цифровой центр управления, обеспечивающий оперативное регулирование грузопотоков, контроль над подвижным составом и судоходством. Актуальность данного направления также подтверждается предложением Президента РФ о переводе на цифровые платформенные решения всей транспортно-логистической системы РФ, что отражает наличие запроса на государственном уровне²⁶. Дополнительными мерами являются гармонизация тарифной политики, включая введение согласованного сквозного тарифа, упрощение таможенных формальностей, а также расширение возможностей по проведению финансовых платежей.

²⁶ Путин: Россия создаёт национальную цифровую транспортно-логистическую платформу. 2025. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24300553> (дата обращения: 01.04.2026).

Перенаправление потоков товаров с рынков недружественных государств на рынки нейтральных стран зачастую сталкивается с трудностями, обусловленными как техническими причинами (например, отсутствием адекватных транспортных коридоров), так и политико-экономическими ограничениями (целевая страна имеет сеть РТС с другими странами, в число которых не входит Россия). В этой связи проработка условий деятельности российских участников внешнеэкономической деятельности при выходе на рынки стран – участниц МТК «Север – Юг» встаёт как никогда остро.

В целом, для достижения устойчивого роста и диверсификации российского экспорта в текущих условиях сложной международной конъюнктуры функционирование единственного транспортного коридора «Север – Юг» представляется недостаточным. Необходимо рассмотреть создание дополнительных меридиональных мультимодальных маршрутов, обеспечивающих активное вовлечение России в международные транспортные сети.

Об авторах:

Екатерина Андреевна Дегтерёва – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института мировой военной экономики и стратегии, профессор Департамента мировой экономики, главный научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017 Москва, Малая Ордынка, 17. ORCID: 0000-0002-8752-5840
E-mail: edegtereva@hse.ru

Ольга Владимировна Бiryukova – кандидат экономических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Мировая экономика», доцент Департамента мировой экономики, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, старший научный сотрудник Лаборатории ответственного бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017 Москва, Малая Ордынка, 17. ORCID: 0000-0002-4845-6897
E-mail: obiryukova@hse.ru

Александр Игоревич Сабанцев – эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017 Москва, Малая Ордынка, 17. ORCID: 0009-0009-9619-4113
E-mail: asabantsev@hse.ru

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность:

статья подготовлена в рамках исследования «Устойчивые морские перевозки в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг» в контексте региональной безопасности» по гранту РНФ (Соглашение №25-68-00031).

UDC: 339.5(470+571):656.02
Received: 15 October 2025
Accepted for publication: 2 December 2025

The International North–South Transport Corridor and Russia’s Trade Reorientation toward the Global South

 E.A. Degtereva, O.V. Biryukova, A.I. Sabantsev
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-149-171](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-149-171)

HSE University

Abstract: This article examines the role of the International North–South Transport Corridor (INSTC) in the reorientation of Russia’s foreign trade flows toward the countries of the Global South. In the context of sanctions pressure, geopolitical fragmentation, and the restructuring of traditional logistics chains, the INSTC has acquired strategic importance as an alternative transport artery linking Russia with the Caspian region, Iran, India, Central Asia, and wider Asian and African markets. However, the article argues that there remains a significant gap between the declared potential of the corridor and its actual cargo base. This gap is shaped not only by infrastructure constraints, but also by administrative, legal, tariff, logistical, and trade-structural barriers.

The purpose of the study is to systematize the key barriers to the development of the INSTC on the basis of Russia’s trade cooperation with countries gravitating toward the corridor’s routes. The empirical analysis focuses on the dynamics and commodity structure of Russia’s trade in 2019–2024 with Azerbaijan, India, Iran, Kazakhstan, Pakistan, Uzbekistan, and Turkmenistan. The article shows that the growth of Russia’s trade with these partners is highly asymmetric. Russian exports have expanded much faster than imports, while a significant share of export growth is driven by raw materials, especially mineral fuels, oil, and petroleum products. These goods do not automatically generate stable demand for the corridor’s multimodal infrastructure, since large-scale energy exports continue to rely mainly on traditional maritime routes. The study identifies several groups of barriers limiting the corridor’s effectiveness. The most important hard infrastructure constraints include the unfinished Rasht–Astara railway section in Iran, limited capacity and ageing fleet on the Caspian route, insufficient port and rail infrastructure, and the shallowing of the Caspian Sea and the Volga–Caspian shipping canal. These are compounded by soft barriers: fragmented legal regulation, complex customs procedures, the absence of a coordinated through tariff, weak logistics management, lack of a single coordination center, and information gaps among business actors.

The article concludes that the INSTC cannot be developed only through isolated infrastructure projects. Its potential depends on comprehensive modernization of logistics governance, digital coordination of cargo flows, harmonization of tariff and customs procedures, development of return cargo, and broader diversification of Russia’s southern trade. Without these measures, growing trade with the Global South will not necessarily translate into sustainable cargo flows through the corridor.

Keywords: International North-South Transport Corridor (INSTC), transport artery, logistics, export, import, cargo flows, port, trade imbalance

About the authors:

Ekaterina A. Degtereva – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Military Economics and Strategy; Professor, Department of World Economy; Chief Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University. Address: 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russia. ORCID: 0000-0002-8752-5840. E-mail: edegtereva@hse.ru.

Olga V. Biryukova – PhD in Economics, Associate Professor, Academic Supervisor of the World Economy Programme; Associate Professor, Department of World Economy; Senior Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies; Senior Researcher, Responsible Business Laboratory, HSE University. Address: 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russia. ORCID: 0000-0002-4845-6897. E-mail: obiryukova@hse.ru.

Alexander I. Sabantsev – Expert, Center for Strategic Studies, Institute of World Military Economics and Strategy, HSE University. Address: 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russia. ORCID: 0009-0009-9619-4113. E-mail: asabantsev@hse.ru.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The article was prepared within the project “Sustainable maritime transport within the framework of the international North-South transport corridor in the context of regional security” supported by the Russian Science Foundation (Project No. 25-68-00031).

References:

Khan Z., Khan K.H., Koch H. 2023. Aggregating an Economic Model and GIS to Explore Trade Potentials of India-Caspian Countries and a Way Forward for INSTC. *Research in Globalization*. 7(1). 100154. DOI: 10.1016/j.resglo.2023.100154

Pal L.C. 2024. The International North-South Transport Corridor (INSTC) and India: Potential and impediments. *Brazilian Journal of Political Economy*. 44(3). P. 563–582. DOI: 10.1590/0101-31572024-3556

Vinokurov E.Y., Ahunbaev A., Zaboiev A.I. 2022. International North–South Transport Corridor: Boosting Russia’s “Pivot to the South” and Trans-Eurasian Connectivity. *Russian Journal of Economics*. 8(2). P. 159–173. DOI: 10.32609/j.ruje.8.86617

Dankov A.G., Savkovich E.V. 2025. Transformatsiya transportnogo karkasa Evrazii v nachale XXI veka [Transformation of the Eurasian Transport Framework at the Beginning of the 21st Century]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 16(1). P. 198–210. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-198-210 (In Russian)

Fedulov I.V. 2023. Mezhdunarodnyy transportnyy koridor «Sever – Yug» v novykh geopoliticheskikh usloviyakh: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [International North-South Transport Corridor in New Geopolitical Conditions: Current State and Prospects]. *Vostochnaya analitika*. 14(3). P. 81–97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-081-097 (In Russian)

Malysh M.I., Kozhanov E.N. 2024. Razvitie mezhdunarodnogo mul'timodal'nogo koridora «Sever – Yug» i mery integratsii regional'noy transportnoy infrastruktury [Development of the International Multimodal North-South Corridor and Measures for Integration of Regional Transport Infrastructure]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*. 27(1). P. 28–42. DOI: 10.26467/2079-0619-2024-27-1-28-42 (In Russian)

Markelov K.A. 2022. Istoriya i sovremennost' v razvitii mezhdunarodnogo transportnogo koridora «Sever – Yug» [History and Modernity in the Development of the International North–South Transport Corridor]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 1(70). P. 98–109. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_98 (In Russian)

Semedov S.A., Shilova A.V. 2023. Proekt MTK «Sever – Yug»: problemy i perspektivy v usloviyakh sanksiy [INSTC Project: Problems and Prospects under Sanctions]. *Obozrevatel'*. №2. P. 52–61. DOI: 10.48137/2074–2975_2023_2_52 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Данков А. Г., Савкович Е.В. 2025. Трансформация транспортного каркаса Евразии в начале XXI века. *Международная аналитика*. 16(1). С. 198–210. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-198-210

Мальшев М. И., Кожанов Е. Н. 2024. Развитие международного мультимодального коридора «Север – Юг» и меры интеграции региональной транспортной инфраструктуры. *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. 27(1). С. 28–42. DOI: 10.26467/2079-0619-2024-27-1-28-42

Маркелов К. А. 2022. История и современность в развитии международного транспортного коридора «Север – Юг». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 1(70). С. 98–109. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_98

Семедов С.А., Шилова А. В. 2023. Проект МТК «Север – Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций. *Обозреватель*. №2. С. 52–61. DOI: 10.48137/2074–2975_2023_2_52

Федулов И. В. 2023. Международный транспортный коридор «Север – Юг» в новых геополитических условиях: современное состояние и перспективы. *Восточная аналитика*. 14(3). С. 81–97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-081-097

Фактор идентичности многовекторной внешней политики стран Центральной Азии

 С.А. Притчин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Статья посвящена роли идентичности в формировании и обосновании многовекторной внешней политики стран Центральной Азии. Многовекторность является одной из ключевых особенностей внешнеполитического курса государств региона: она закреплена в официальных стратегиях и доктринальных документах, используется во внешнеполитическом планировании и проявляется в участии стран Центральной Азии в различных международных форматах сотрудничества. Вместе с тем анализ реальной структуры их внешних связей показывает, что в сферах политического диалога, безопасности, торговли, инвестиций и миграции главными партнёрами региона остаются Россия и Китай. Это создаёт разрыв между официально декларируемой многовекторностью и фактической иерархией внешнеполитических приоритетов.

Для объяснения этого разрыва в статье используется анализ дискурса идентичности. Автор исходит из того, что в странах Центральной Азии существует сложная многоуровневая система идентичностей, которая влияет на внешнеполитическое позиционирование государств и одновременно используется политическими элитами для обоснования многовекторного курса. Цель статьи — показать, в какой мере конструирование и актуализация разных типов идентичности могут служить инструментом продвижения внешнеполитических приоритетов.

В статье выделяются несколько уровней идентичности, значимых для стран Центральной Азии. Наиболее устойчивыми являются примордиальная, или первичная, идентичность, основанная на родственных, клановых, региональных и локальных связях, а также национальная идентичность, формируемая в процессе постсоветского нациестроительства. Существенное влияние на международное позиционирование стран региона оказывают исламская идентичность, значение которой возрастает, и постимперская, связанная с советским наследием, значение которой постепенно снижается. Кроме того, важную роль играют евразийская и тюркская панидентичности, продвигаемые соответственно через Евразийский экономический союз и Организацию тюркских государств, а также попытки формирования общей центральноазиатской идентичности.

Сделан вывод, что сложная и внутренне неоднородная идентитарная матрица одновременно поддерживает многовекторность и ограничивает возможности государства конструировать единую идентичность как основу устойчивого внешнеполитического вектора.

УДК: 327(5-191.2):316.347

Поступила в редакцию: 04.02.2026

Принята к публикации: 02.04.2026

Ключевые слова: Центральная Азия, внешняя политика, многовекторность, концепция идентичности, внешнеполитическое планирование, панидентичности.

Страны Центральной Азии в настоящее время переживают важный этап своего развития, связанный с формированием и институционализацией автономных, самостоятельных идеологий, внутреннего политического уклада, системы идентичностей и ценностей. Эти процессы происходят отчасти естественным образом с учётом сложившейся за 35 лет независимости политической традиции, балансом сил во власти, сформировавшейся системой отношений на международной арене в целом и с соседями, в частности. Вместе с тем наблюдаются также попытки со стороны властей конструировать с нуля или моделировать существующие политические, идеологические, ценностные, идентитарные установки у общества с целью создания более управляемых социально-политических систем, формирования конкретных мировоззренческих и идеологических матриц для обществ. Представляется, что одной из косвенных причин попыток выстраивания этих управляемых систем является стремление властей создавать условия для выработки и реализации таких внешнеполитических курсов своих стран, которые в большей мере отвечают интересам и приоритетам правящих кругов, а не обществ.

Так, особенностью внешней политики стран Центральной Азии является идеологический упор на многовекторность, которая закреплена в доктринальных официальных стратегиях и документах, последовательно реализуется при внешнеполитическом планировании, в разнообразии международных форматов сотрудничества. При этом критический анализ глубины и интенсивности взаимодействия стран региона на международной арене в вопросах политического диалога, вовлечённости в международные и региональные институты и организации, подходов к обеспечению региональной безопасности, торговому, инвестиционному и миграционному сотрудничеству для Центральной Азии показывает, что безусловными ключевыми партнёрами для региона являются Россия и Китай, что слабо отражено в доктринальных документах (Притчин 2023). Таким образом, возникает разрыв между политическими государственными установками и складывающейся практической картой внешнеполитических приоритетов. Представляется, что для понимания причин такого разрыва возможно использовать анализ дискурса идентичности в странах региона, который позволяет сформировать многоуровневую матрицу совокупности разных идентичностей в одном государстве или субрегионе, которые порою сознательно конструируются или используются руководством государств для объяснения своим обществам выбора именно многовекторной модели внешней политики без доктринального и институционального

углубления сотрудничества с важнейшими фактическими партнёрами. Целью данной статьи является анализ влияния идентичного дискурса в странах Центральной Азии на формирование и реализацию внешнеполитических стратегий стран региона. Рабочая гипотеза заключается в утверждении, что, модерлируя дискурс идентичности, руководители стран региона стремятся выработать основу для формирования определённого многовекторного формата внешней политики своих стран.

Фактор идентичности как инструмент изучения внешнеполитической деятельности

В процессе изучения условий и драйверов при формировании внешнеполитического курса государства важным инструментом для понимания является *фактор идентичности*. Как отмечает известный российский учёный И.С. Семененко, причину взрывного интереса к концепции идентичности можно объяснить тем фактом, что «социогуманитарное знание оказалось перед эпохальным когнитивным вызовом: общественные политические трансформации перестали укладываться в привычные рамки динамики институтов, идей и идеологий, интересов и потребностей социальных групп». В таких условиях «выявление мотивации социальной деятельности, и, главное, оценка перспективных траекторий и альтернатив общественного развития стали самыми актуальными исследовательскими задачами» (Семененко 2017). Усложнение социальных трансформаций на общественном, государственном и межгосударственном уровне привели к тому, что устоявшиеся концепции глобализации, «конца истории», «демократического транзита» и др. показали существенные когнитивные ограничения для объяснения сути процессов и формирования моделей траекторий дальнейшего развития.

В таких условиях появился серьёзнейший запрос на выработку «общих знаменателей», способных объяснить наблюдаемые глубокие трансформации. По мнению Семененко, одним из таких «знаменателей» стала идентичность. Эффективность этого концепта, по её мнению, заключается в том, что он способен прояснить глубинные механизмы социальных и культурных изменений, определяющих перспективы общественного развития (Семененко 2017).

Идентичность помогает решить задачу концептуального синтеза основы социальной деятельности – ценностных установок человека, эмоционально и рационально мотивированных интересов и потребностей, соединить индивидуальный и коллективный срез социального опыта (Семененко 2017).

Мы будем рассматривать данную концепцию, чтобы разобраться в природе многовекторности внешней политики стран Центральной Азии. В этой связи важно учитывать наработки научной школы ИМЭМО в вопросах идентичности, касающиеся наиболее общей идентичной составляющей понятия – цивилизационной идентичности (Семененко 2024). Этот уровень

является объединяющим разные идентитарные системы «личность – общества – государство – культура». Цивилизационная идентичность определяется как «отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этнического сообщества, нации с той или иной локальной цивилизацией – устойчиво существующей длительное время на определённой территории наднациональной общностью людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность и свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религиозные и иные культурные ценности, в том числе повседневные традиции и социальные практики» (Пантин 2023).

В современных условиях, в сравнении с античным и средневековым периодами, цивилизационная идентичность представляет собой гораздо более динамичное и многогранное явление, т. к. появилось огромное количество факторов, размывающих устоявшиеся рамки. Сюда можно отнести усиление социальной мобильности, изменение географических границ локальных цивилизаций. Как итог цивилизационная идентичность не только играет важную роль для индивидуумов, сообществ, наций и человечества в целом, но и становится важнейшим фактором внешней и внутренней политики, функционирования социальных институтов. Это в свою очередь может приводить к серьёзным конфликтам и противостояниям, например, при насильственном экспорте социальных институтов, привычных для одних типов цивилизационной идентичности: привычные для западных обществ рыночные и демократические институты не всегда могут эффективно функционировать в исламских и других цивилизационных образованиях (Пантин 2023).

Вместе с тем концепт цивилизационной идентичности является важным инструментом для понимания природы внутренних и межгосударственных конфликтов, т. к. с исчезновением биполярной системы, согласно С. Хантингтону, наиболее значимые конфликты в современном мире происходят между нациями и социальными группами, принадлежащими разным локальным цивилизациям (Хантингтон 1994). Так, мы можем наблюдать, как лидирующие в экономическом и политическом плане западные страны на протяжении десятилетий насильственно навязывают свои социальные институты остальному миру, вызывая тем самым целый комплекс межцивилизационных и этносоциальных конфликтов. Целый клубок противоречий и конфликтов, основанных на цивилизационных противоречиях, наблюдается на Ближнем Востоке, в Африке, где разгораются конфликты по религиозным причинам (шииты против суннитов, иудеи против мусульман и др.).

Значимость цивилизационных факторов в современных условиях увеличивается также из-за системного кризиса национального государства, ослабления гражданских и политических солидарностей, в целом архаизации политики, включения традиционных норм идентичности (Мчедлова 2017).

Цивилизационные факторы в современном мире во многом определяют эффективность или проблемность любых интеграционных процессов. Если

при выборе партнёров по интеграции не учитывается цивилизационная идентичность, культурные, этнические особенности, традиции, то любые экономические предпосылки для интеграции не смогут в полной мере компенсировать различия и противоречия цивилизационные (Пантин 2023).

При этом даже внутри цивилизационных систем на современном этапе появляются новые политические субъекты, которые используют национальные, культурные и религиозные идентичности для продвижения и защиты своих интересов внутри системы (Мчедлова 2017). Это явление снижает гомогенность систем, усложняет их управляемость, создаёт сложности для выработки единых подходов к внутренней и внешней политике, повышает внутреннюю конфликтность.

В контексте глобализации формируется два типа идентичности: идентичность сопротивления и проектная идентичность, ориентированная на адаптацию к новым реалиям. Таким образом, мы можем наблюдать, что западные страны, которые являются основными сторонниками глобализации через систему «мягкой силы», развития образовательных программ для молодёжи, активной работы НПО, пытаются преодолеть существующий цивилизационный разрыв между идеями и ценностями глобализации с традиционными, устоявшимися цивилизационными системами стран. Не являются исключением страны Центральной Азии, которые стали объектом работы западных НПО и НКО. Данные организации на системной основе занимаются продвижением «универсальных» западных ценностей в регионе от толерантности в отношении национальных меньшинств, межэтнического мира, гендерного равенства до поддержки «независимой прессы», постепенно стремясь использовать работу неправительственного сектора в политических целях для оказания влияния на внутри- и внешнеполитический курс стран региона (Силаков 2021).

Важной особенностью цивилизационных структур идентичности является более высокая прочность и устойчивость по сравнению с политическими, экономическими, социальными и даже идеологическими системами (Мчедлова 2017). Это особенно актуально для стран Центральной Азии, т. к. в силу очень богатой, сложной истории под влиянием совершенно разных цивилизационных факторов возникла уникальная многослойная цивилизационная система стран региона, у которой невероятно сложно выделить один доминирующий цивилизационный слой или уровень, определяющий выбор той или иной внутривнутриполитической и внешнеполитической парадигмы. При этом в условиях глобальных политических трансформаций, например, после распада СССР, получения странами региона независимости и старта выстраивания своей собственной социальной, политической, экономической и идеологической системы, также происходит возврат к более старым цивилизационным традициям, установкам, что порою выглядит как определённая архаизация.

Глобальные политические, социально-экономические изменения также приводят к появлению гибридного вида, который может появиться в условиях

«трансформации и изменений, где оспариваются фиксированные идентичности..., подразумевает мышление поверх исключающих бинарных понятий, основанных на идеях “коренной сущности”, культурной, расовой или национальной чистоте» (Кудряшова 2017). Это в целом связано с условной гибридной государственностью большей части развивающихся стран, при которой сочетаются современные по форме институты с традиционными структурами и примордиальными лояльностями. Политическая форма управления в таких государствах, как правило, тоже носит «гибридный режим», сочетая как демократические, так авторитарные черты.

Идентификационная многослойность стран Центральной Азии

Раскрывающей цивилизационную многослойность центральноазиатских обществ работой можно назвать многолетнее исследование жизненного уклада, традиций, культурной, социальной, экономической трансформации населения в основном узбеками кишлака Ошоба в Таджикистане, проведённое известным исследователем Сергеем Абашиным (Абашин 2015). В работе сначала по архивным данным изучается жизнь кишлака до прихода российского государства в регион в XIX в., адаптация его жизни в советский период с серьёзной экономической трансформацией жизни местных сообществ, модернизацией социальных и идеологических систем. Затем, начиная с 1990-х гг., автор во время своих исследовательских поездок рассматривает трансформации уклада жизни кишлака уже в независимом Таджикистане. В рамках своего исследования автор выявлял у современных жителей кишлака элементы цивилизационных систем, традиций, социальных установок, которые были присущи местным сообществам ещё в период до прихода Российской империи в регион. Таким образом, серьёзная социальная, экономическая и идеологическая трансформация в советский период не стала причиной фундаментального изменения цивилизационного кода, а лишь привнесла новые традиции, установки, уклады в жизнь кишлака.

Этот уклад свойственен отчасти идентификационной модели Российского государства до 1917 г., когда подавляющее большинство населения, крестьяне, жили «вне истории», с преобладанием *примордиальной (первичной) идентификацией* через семью, родоплеменные связи, землячество. Принадлежность к этносу выражалось в «негативной идентичности» – противопоставлении себя чужакам и иноверцам, а в отношении государства принадлежность транслировалась благодаря церковным институтам и «мифологизированному образу царя-батюшки, стоящего над местными властями» (Холодковский 2017). Для стран Центральной Азии этот вид идентичности является одним из важнейших, учитывая традиционный характер обществ у стран региона. Так, например, у Туркменистана до сих пор не завершён процесс этногенеза и для туркменского индивидуума важнейшей частью его идентификации является

не принадлежность к туркменскому этносу, а принадлежность конкретному туркменскому клану: теке, йомуды, ата и др. (Кадыров 2003). Схожая традиционная структура обществ наблюдается в Казахстане, общество которого разделено на три жуза, более 20 родов и множество подродов (Рекк 2020), в Киргизии общество состоит из 40 племён, для Таджикистана и Узбекистана характерно формирование кланов вокруг региональных объединений и землячеств, самаркандский, ташкентский и др. в Узбекистане, кулябский, худжанский и др. в Таджикистане.

Следующий уровень идентичности – *национальный* – «используется для обозначения коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов этого сообщества» (Семененко 2017). Характеристики национальной идентичности определяются рядом ключевых факторов, например, качеством политических институтов, развитостью политической культуры сообщества, а также сложившимся в сообществе пониманием нации и «национального». «Формирование национальной идентичности – исторический феномен, связанный со становлением национальной государственности национального самосознания» (Семененко 2017). Данный уровень идентичности формируется через исторические процессы, напрямую связанные со становлением национальной государственности и национального самосознания с несущей конструкцией в форме идеи нации, которая позволяет гражданину видеть себя частью общей системы с близкими ценностями и установками.

Страны Центральной Азии в настоящее время системно занимаются построением своего обособленного исторического самосознания, которое нацелено на формирование независимой – в первую очередь от России – национальной идентичности. Основным направлением социально-гуманитарных и исторических наук в странах региона является поиск своих собственных трактовок истории до прихода России в регион, во время совместного проживания в Российской империи и СССР, а также осмысления социально-политических процессов в период независимости. Ведётся поиск основ государственности, национальных героев и лидеров до прихода русских, чтобы выстроить преемственность с государственностью на современном этапе. В такой системе координат этап совместной истории рассматривается в основном в негативном ключе, для формирования мифа об угнетении национального начала и скрытой борьбы за независимость, которая в итоге была обретена в 1991 г. (Россия в учебниках... 2024).

Близким национальной идентичности концептом особенно в западном общественно-политическом дискурсе является национализм. В России преобладает негативное восприятие национализма, т. к. он выстраивается вокруг идеологии, в которой одна нация превосходит другую, и это является стержневым мобилизующим социальным механизмом. Западный политический дискурс воспринимает национализм по-другому, как концепт, который строится вокруг

«идеологии, движения, направленного на обретение социальной общностью политической целостности, государственности» (Панов 2023). Таким образом, отмечается тесная связь между нацией и национализмом, когда мир разделён на территориальные части-государства, а нация обладает своим государством, и формируются «национальные государства» или «нации-государства».

Для стран региона этот вопрос крайне чувствительный и сложный, т. к. в наследие от СССР практически все республики получили многонациональные составы своего населения, что не позволяло с начала независимости выстраивать идеологию государств вокруг крупнейшей этнической группы: узбеки в Узбекистане, киргизы в Киргизии и т. д. Наиболее показателен пример Казахстана, где на момент обретения независимости из 16,4 млн населения казахи составляли 40% (6,5 млн чел.), а русские – 37% (6,1 млн чел.), остальное население было представлено другими этническими группами¹. В таких условиях невозможно построить «государство-нацию», нужно искать другие объединяющие идеологические платформы для нациестроительства. Со временем благодаря массовому отъезду русского населения, а также программам переселения, этническая картина кардинально поменялась. По состоянию на 2025 г. в Казахстане из 20,3 млн чел. казахи составляли 14,4 млн (70%), русские – только 2,9 млн чел. (14%)². С увеличением доли титульной нации, а этот процесс наблюдается во всех странах региона, для властей постепенно снимается задача выработки гражданской идентичности, которая бы отражала интересы и чаяния всех этнических групп, а постепенно сводится к формированию национальной этничности с опорой на доминирование одной этнической группы казахи в Казахстане, киргизы в Киргизии и т. д. Таким образом, можно прогнозировать, что запущенные процессы по формированию и поддержке именно национальной идентичности будут продолжены и будут играть всё более значимую роль в регионе.

Важным элементом цивилизационной идентичности стран Центральной Азии является религия, в первую очередь, в силу наибольшего распространения среди населения, ислама, то есть исламская идентичность. При этом ряд исследователей склонны считать ислам не столько религией, сколько социальной системой. Так, большинство мусульман склонны идентифицировать себя как членов универсальной мусульманской уммы, а иноверцев воспринимают как кяфиров (Кудряшова 2017). В силу высокой степени дискретности исламского общества, наличия огромного числа течений, направлений, сект, этнических и географических фракций, нельзя сказать, что мусульмане, например, Центральной Азии представляют собой единое целое. Это проявляется

¹ Шустов А. Казахстан – суверенная демография. *Столетие*. 12.02.2010 URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/kazahstan_suverennaja_demografija_2010-02-12.htm?ysclid=mecjfrqbjb668420221 (дата обращения: 20.04.2026)

² Названы самые многочисленные национальности в Казахстане. *Nur.Kz* 30.04.2025 URL: <https://www.nur.kz/society/2240883-nazvany-samye-mnogochislennye-nacionalnosti-v-kazahstane/> (дата обращения: 20.04.2026)

не только в том, что у региона нет общего религиозного института, который бы отвечал за схожесть подходов государств к религиозной сфере, к примеру, в сфере образования, подготовки религиозных кадров, выработки общих норм церемоний и традиций. Каждая страна Центральной Азии имеет свою уникальную систему взаимоотношений в системе «религия – власть – общество», с разным, порою не институализированным религиозным влиянием на общественно-политические процессы. Показательно, что даже по вопросам популярности введения шариата в качестве официального законодательства внутри региона уровень поддержки разный. Согласно данным исследования за 2012 г., за установление шариата выступило 35% опрошенных в Киргизии, 27% – в Таджикистане и только 10% в Казахстане (данные по Узбекистану и Туркменистану отсутствовали ввиду закрытости политических систем) (The World of Muslim 2012).

Советская идентичность, которая тоже рассматривается как имперская в некоторых аспектах, также не могла стать доминирующей и определяющей цивилизационной идентичностью для стран Центральной Азии после обретения независимости, но уже в виде *постимперской (постсоветской) идентичности*. По признанию одного из создателей концепции «советского народа», данная общность не является уникальной и сложившейся, а представляет собой «этатистскую» или «метаэтническую», и к концу 1980-х гг. концепция в целом находилась в кризисе, что породило вакуум идентичности (Бромлей 1989). Тем не менее, несмотря на внутренние сложности и экзистенциальный кризис советской/имперской идентичности, даже после распада СССР большое количество бывших советских граждан не только в России, но и в бывших республиках продолжали идентифицировать себя как часть общей, пусть и уже уходящей цивилизационной общности. Дело в том, что, как уже отмечалось раньше, идентитарные установки носят достаточно устойчивый характер даже в условиях серьёзных геополитических и политических трансформаций, поэтому советская/имперская идентичность может присутствовать у части общества постсоветского пространства ещё не одно поколение. Одним из важнейших скрепляющих инструментов постимперской общности является общий язык межнационального общения. В нашем случае речь идёт о русском языке, который пусть и утрачивает своё значение, вытесняясь в первую очередь национальными языками в странах Центральной Азии, но всё же остаётся важнейшим элементом коммуникации и доступа к научному, образовательному, культурному пространству русской цивилизационной платформы (Подвинцев 2017).

Ещё одним важным элементом пролонгации присутствия постимперской идентичности является сохранение в странах региона этнических представителей центра империи, в нашем случае русских и их потомков, которые переехали в Центральную Азию в период Российской империи, во время советскихстроек и модернизации региона и стали частью местных обществ. Именно они

как правило составляют ядро носителей имперской идентичности в осколках распавшегося объединения. Но с течением времени, особенно в условиях активного нациестроительства, формирования новых идентитарных систем постимперская идентичность становится гибридной (Подвинцев 2017).

В контексте формирования спектра цивилизационной идентичности стран Центральной Азии нельзя не учитывать феномен политической *панидентичности*, который рассматривается как «вид гибридной политической идентичности, генезис которой восходит к имперскому дискурсу, отразившему противоречие между универсалистскими идеями “всемирной принадлежности” и формирующимся национализмом» (Кудряшова 2017). Изучение этого феномена возможно через рассмотрение различных фаз колониального, национального и постнационального строительства, где происходит переплетение трансисторических и локальных сообществ и соотносимых с ними идей и интересов. В случае с Центральной Азией мы можем выделить два важных направления панидентичности: *евразийскую* как трансформационный вариант постимперской идентичности, используемый Россией, а также *пантюркистскую* идентичность, которую активно продвигает Турция в своей внешнеполитической стратегии в отношениях с регионом.

Евразийская панидентичность представляет собой попытку России и её соседей создать идеологическую систему на основе общих исторических, географических, ментальных и культурных элементов, фундамент для более тесного экономического взаимодействия в рамках евразийской интеграции, в первую очередь в формате Евразийского экономического союза. Ограничителями здесь выступает слабая идейная основа идентитарной системы, ограниченная универсальность, что в идеологическом плане делает её малопривлекательной и понятной для населения, но при этом позволяет достаточно эффективно реализовывать экономическое сближение и координацию.

Несколько другая система складывается в отношениях Турции и стран Центральной Азии. Анкара активно использует свой статус экономически и политически крупнейшего государства тюркского мира для закрепления своего политического и идеологического лидерства на основе культурной и языковой близости. Турции удалось запустить процесс институционализации своих отношений со странами региона через создание Организации тюркских государств. Анкара достаточно эффективно использует языковую и культурную близость для формирования элементов общего исторического и идейного пространства, но в силу ограниченных экономических возможностей и географического удаления Турция не может конкурировать с крупнейшими соседями региона Россией и Китаем, а также с финансово и политически обеспеченным Западом (Притчин 2024).

Одним из важнейших выводов для нашего исследования является подтверждение цивилизационной многослойности, невероятной сложности структуры идентичности стран Центральной Азии. Следовательно, даже частичная

принадлежность на уровне индивидуумов, малых региональных сообществ и наций к разным цивилизационным идентитариям повышает уровень сложности при формировании общественного, личностного и группового запросов на выбор внешнеполитических предпочтений со стороны правительств республики.

Выводы

Государство в странах Центральной Азии остаётся основным актором в выборе итоговой внешнеполитической и внутривнутриполитической линии, через модерирование внутренней общественной и научной дискуссии направляя и корректируя общественное мнение, а порою конструируя новые смыслы и нарративы. Вместе с тем процесс выработки этой линии происходит в обществе, которое не гомогенно, представляет собой объединение частей с разными идентичностями, что естественно создаёт сложную, порою нелинейную динамику в процессе продвижения навязываемых моделей, сопротивление искусственным конструкциям. Так, проанализировав перечень основных видов систем идентичности в приложении стран Центральной Азии, мы можем выделить следующие элементы, которые теоретически могли бы быть использованы в качестве основы для конструирования выбора внешнеполитических приоритетов и являются идеологической и смысловой основой для многовекторности: примордиальная (первичная) идентичность, исламская идентичность, национальная идентичность, два вида панидентичности: тюркская и евразийская, глобалистская идентичность, продвигаемая западными странами через международные финансовые и рейтинговые институты, неправительственный сектор. Совокупность этих идентичностей, часть которых трудно комбинируема друг с другом, создаёт достаточно ограниченное пространство возможностей для конструирования определённой идентитарной модели, которая могла бы стать основной для выбора и продвижения соответствующей внешнеполитической линии государства.

Этот вывод подтверждает оценка известного казахстанского социолога Г. Илеуловой, которая на примере Казахстана пришла к выводу, что «идентификационные процессы в республике всё ещё находятся в стадии развития при отсутствии одного доминирующего показателя» (Илеулова 2023). В таких условиях основная рабочая гипотеза статьи о том, что дискурс идентичности в странах Центральной Азии может быть использован в качестве инструмента для формирования базы для многовекторной внешней политики, опровергается основными выводами статьи.

Об авторе:

Станислав Александрович Притчин – кандидат исторических наук, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: Pritchkin.stanislav@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

UDC: 327(5-191.2):316.347
Received: 4 February 2026
Accepted for publication: 2 April 2026

Identity and Multi-Vector Foreign Policy in Central Asia

 S.A. Pritchkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-172-187](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-172-187)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article explores the role of identity in shaping and legitimizing the multi-vector foreign policies of the Central Asian states. Since gaining independence, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan have consistently presented multi-vectorism as a core principle of their external action, embedding it in official doctrines, strategic documents, and diverse formats of international cooperation. Yet the actual structure of their political, security, trade, investment, and migration ties reveals the continued predominance of Russia and China as the region's principal partners. This creates a gap between the declared pluralism of foreign policy and the real hierarchy of external relations.

The article uses the concept of identity to explain this discrepancy and assesses whether identity discourse can serve as an instrument for promoting and legitimizing a multi-vector foreign policy course. It argues that Central Asia's identity landscape is highly complex and multilayered. It includes primordial forms of belonging rooted in family, clan, tribe, locality, and regional solidarities; national identity shaped by post-Soviet nation-building; Islamic identity, whose influence is growing but remains uneven across the region; post-imperial and post-Soviet identity linked to language, memory, and shared historical experience; and pan-identities, especially Eurasian and Turkic, promoted through regional integration projects.

The article concludes that this multidimensional identity matrix both enables and constrains multi-vectorism. On the one hand, it provides political elites with symbolic resources for balancing among external partners and avoiding exclusive alignment with any single center of power. On the other hand, the coexistence of partially competing identities limits the state's

ability to construct one dominant identity as the foundation of a stable foreign policy vector. Identity discourse can therefore help justify and reproduce multi-vector foreign policy, but it cannot fully determine or consolidate it.

Keywords: Central Asia, foreign policy, multi-vector approach, concept of identity

About the author:

Stanislav A. Pritchin – Cand. Sci. (History), Head of Sector of Central Asia Center Post-Soviet Studies IMEMO, Russian Academy of Science. Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: Pritchin.stanislav@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements.

This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

References:

The World's Muslims: Unity and Diversity. 2012. Pew Research Center. Religion & Public Life. The World's Muslims: Unity and Diversity. Pew Research Center.

Abashin S.N. 2015. *Sovetskiy kishlak: mezhdru kolonializmom i modernizatsiyey* [Soviet Village: Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 848 p. (In Russian)

Avatkov V.A. (ed). 2024. *Rossiya v uchebnikakh istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaya: referativnyy sbornik* [Russia in History Textbooks of the Near and Post-Soviet East, China: a Digest of Abstracts]. INION RAN. Moscow. 155 p. (In Russian)

Bromley Yu.V. 1989. “Eticheskiy paradoks” sovremennosti v istoricheskom kontekste [The “ethical paradox” of modernity in historical context]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 5. P. 62-69. (In Russian)

Huntington S. 1994. *Stolknoveniye tsivilizatsiy?* [The Clash of Civilizations?] Polis. Politicheskiye issledovaniya. №1. P. 33–49. (In Russian)

Ileuova G. 2023. Dinamika identifikatsionnykh protsessov kak indikator sostoyaniya obshchestva [Dynamics of Identification Processes as an Indicator of the State of Society]. *Identifikatsiya v stranakh Tsentral'noy Azii: traektorii razvitiya. Sbornik statey mezhdunarodnoy konferentsii. Almaty, 4-5 dekabrya 2023 g.* Ed. by I.A. Chernykh. Almaty: Predstavitel'stvo Fonda Rozy Lyuksemburg v Tsentral'noy Azii. P. 12–18. (In Russian)

Kadyrov Sh.Kh. 2003. «Natsiya» plemen: etnicheskiye istoki, transformatsiya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane [“Nation” of Tribes: Ethnic Origins, Transformation, Prospects of Statehood in Turkmenistan]. Rossiyskaya akademiya nauk, Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy. Moscow. 362 p. (In Russian)

Kholodkovskiy G.G. 2017. Rossiyskaya identichnost'. Istoricheskiy put' [Russian Identity. Historical Path]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 156–163. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Gibridnaya politicheskaya identichnost' [Hybrid Political Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 365–368. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Musul'manskaya politicheskaya identichnost': yedinstvo i raznobraziye [Muslim Political Identity: Unity and Diversity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 228–242. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Politicheskaya panidentichnost' [Political Pan-identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 362–365. (In Russian)

Mchedlova M.M. 2017. Identichnost': novyye povoroty tsivilizatsionnoy teorii [Identity: New Turns of Civilizational Theory]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 148–156. (In Russian)

Panov V.N. 2017. Natsionalizm [Nationalism]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 413–417. (In Russian)

Pantin V.I. 2023. Tsivilizatsionnaya identichnost' [Civilizational Identity]. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 302–309. (In Russian)

Podvintsev O.B. 2017. Imperskaya, postimperskaya, neoimperskaya identichnost' [Imperial, Post-Imperial, Neo-Imperial Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 358–362. (In Russian)

Pritchins S.A. 2023. Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshney politiki stran Tsentral'noy Azii [Multi-Vectoral Approach as the Key Model of Central Asian Countries' Foreign Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 67(12). P. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115 (In Russian)

Pritchins S.A. 2024. Turetskaya strategiya v otnoshenii Tsentral'noy Azii na sovremennoy etape: sil'nyye storony i ogranichiteli [Turkish Strategy towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. №2. P. 52–62. (In Russian)

Rekk D.A. 2020. Genezis i sushchnostnyye kharakteristiki klanov respublik Sredney Azii i Kazakhstana [Genesis and Essential Characteristics of Clans in the Republics of Central Asia and Kazakhstan]. *Obozrevatel'-Observer*. 7(366). (In Russian)

Semenenko I.S. (ed). 2017. Kategoriya identichnosti v sotsial'nykh naukakh: ponyatiye, kognitivnyy potentsial, priorityty issledovaniy [The Category of Identity in the Social Sciences: Concept, Cognitive Potential, Research Priorities]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. IMEMO RAN. Moscow: «Ves' mir». P. 18–33. (In Russian)

Semenenko I.S. (ed). 2017. Natsional'naya identichnost' [National Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Moscow: «Ves' mir». P. 405–413. (In Russian)

Semenenko I.S. 2024. Tsivilizatsionnaya identichnost' v povestke politiki identichnosti: menyayushchiysya miroporiyadok i rossiyskiye priorityty [Civilizational Identity in the Identity Policy Agenda: Changing World Order and Russian Priorities]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 104(S). P. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87 (In Russian)

Silakov N. 2021. Deyatel'nost' fondov i nepravitel'stvennykh organizatsiy SShA v stranakh Tsentral'noy Azii [Activities of US Foundations and Non-governmental Organizations in Central Asian Countries]. *Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii*. II (LI). P. 115–129. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-115-129 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Абашин С.Н. 2015. *Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией*. Москва: Новое литературное обозрение. 848 с.

Аватков В.А. (ред). 2024. *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник*. Отв. ред. В.А. Аватков. ИНИОН РАН. Москва. 155 с.

Бромлей Ю.В. 1989. «Этический парадокс» современности в историческом контексте. *Новая и новейшая история*. №5 С. 62–69.

Илеуова Г. 2023. Динамика идентификационных процессов как индикатор состояния общества. *Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития. Сборник статей международной конференции. Алматы, 4-5 декабря 2023 г.* Отв. редактор И.А. Черных. Алматы: Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии. С. 12–18.

Кадыров Ш.Х. 2003. «Нация» племён: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. Шохрат Кадыров; Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований. Москва. 362 с.

Кудряшова И.В. 2017. Гибридная политическая идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 365–368.

Кудряшова И.В. 2017. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 228–242.

Кудряшова И.В. 2017. Политическая панидентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 362–365.

Мчедлова М.М. 2017. *Идентичность: новые повороты цивилизационной теории. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 148–156.

Панов В.Н. 2017. *Национализм. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 413–417.

Пантин В.И. 2023. Цивилизационная идентичность. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Издательство «Весь Мир». С. 302–309.

Подвинцев О.Б. 2017. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 358–362.

Пritchkin S.A. 2023. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*. 67(12). С. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115

Пritchkin S.A. 2024. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. №2. С. 52–62.

Рекк Д.А. 2020. Генезис и сущностные характеристики кланов республик Средней Азии и Казахстана. *Обозреватель-Observer*. 7(366).

Семенов И.С. 2024. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты. *Государственное управление. Электронный вестник*. 104(S). С. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87

Семенов И.С. (ред). 2017. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь мир». С. 18–33.

Семенов И.С. (ред). 2017. Национальная идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 405–413

Силаков Н. 2021. Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*. II (LI). С. 115–129. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-115-129

Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? *Полис. Политические исследования*. №1. С. 33–49.

Холодковский Г.Г. 2017. Российская идентичность. Исторический путь. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 156–163.

The Afghan Crisis and the Transformation of Regional Security Architecture in Central Asia (2021–2025)

K. Abuov¹, M. Kabaziyev², K. Sheryazdanova¹

¹ Institute of Diplomacy, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan

² Board of the Foreign Policy Research Institute, the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan

This article examines the Afghan crisis after the Taliban's return to power in August 2021 and its impact on regional security in Central Asia. Afghanistan is closely linked to the Central Asian states geographically, historically, ethnically, politically, and economically; therefore, instability in Afghanistan directly affects the security environment of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. The Taliban takeover created new risks related to terrorism, religious extremism, drug trafficking, organized crime, illegal migration, and the potential spillover of violence across Afghanistan's northern borders.

The study uses a qualitative case-study approach and focuses on the period from 2021 to 2025. It draws on scholarly literature, analytical reports, and policy studies produced by international organizations, regional security bodies, and research institutes. The article first provides a historical overview of the Afghan crisis, tracing its roots from the political upheavals of the 1970s and the Soviet intervention to the rise of the Taliban and the post-2021 security situation. It then analyzes the main channels through which the Afghan crisis affects Central Asia.

Special attention is paid to terrorist and extremist groups operating in Afghanistan, including ISIS-K, Al-Qaeda-linked networks, and regional militant organizations, as well as to narcotics production and trafficking along the Northern Route. The article argues that the Afghan crisis has intensified existing vulnerabilities in Central Asia, including weak border management, socio-economic pressures, ethnic tensions, and limited coordination among regional security institutions.

The article concludes that Central Asian states cannot address these threats separately. A more resilient regional security architecture requires intelligence-sharing, counter-terrorism coordination, stronger border control, pragmatic diplomatic engagement with Afghanistan, and joint counter-radicalization programs.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, regional security, terrorism, extremism, organized crime, and security threats

UDC: 327.56(581):327.56(5-191.2)

Received: 4 November 2025

Accepted for publication: 2 December 2025

The Central Asian region is closely connected to Afghanistan geographically, ethnically, historically, politically, and economically. Since the end of the Cold War and the emergence of the Central Asian republics as independent states, their political and security trajectories have been deeply intertwined with developments in Afghanistan. The current Afghan crisis, which followed the withdrawal of international forces and the Taliban's return to power in 2021, has become one of the key factors affecting the security and long-term development of Central Asia. In this article, the term "Afghan crisis" refers specifically to the period after the international military withdrawal in 2021.

The political and security situation in Afghanistan under Taliban rule suggests that decades-long conflicts remain unresolved and continue to generate risks for neighboring states. The crisis affects the security environment of Central Asian countries through a range of destabilizing factors, including terrorism, extremism, drug trafficking, organized crime, and potential migration pressures. These challenges pose a direct threat to peace, stability, and regional security. It is therefore important to examine how the ongoing Afghan crisis influences Central Asia and how the region responds to its spillover effects.

To address this research objective, the study employs a qualitative methodology based on a case-study design and focuses on the period from 2021 to 2025. The Central Asian states serve as the primary units of analysis. The empirical basis consists of secondary sources, including analytical reports by international organizations, regional security bodies, policy institutes, and scholarly publications. The analysis identifies, categorizes, and interprets key security risks – including transnational terrorism, narcotics trafficking, organized crime, and migration pressures – and traces their connection to the post-2021 situation in Afghanistan. This approach makes it possible to examine the mechanisms of security spillover and the varied responses of the Central Asian republics.

The article consists of four sections. The first provides a historical overview of the Afghan crisis, tracing key developments from the 1973 coup to the rise of the Taliban in the 1990s and examining the role of foreign interventions during the Cold War and the global war on terror. The second section analyzes the spillover effects of the Afghan crisis into Central Asia. The third discusses specific risks and challenges faced by the Central Asian states, including terrorism, extremism, drug trafficking, and migration pressures. The final section offers policy recommendations aimed at mitigating the regional consequences of the Afghan crisis.

Historical Overview of the Afghan Crisis

The historical roots of the Afghan crisis go back to the political upheavals of the 1970s, which opened a prolonged period of instability that has continued, in different forms, to the present day. Several events of that decade are particularly important for

understanding the origins of the crisis. According to Barfield (2012), a turning point occurred on July 3, 1973, when Afghanistan's last monarch, Mohammad Zahir Shah, left for Italy. In his absence, Mohammad Daoud Khan engineered a coup and overthrew Zahir Shah after nearly four decades of rule (1933–1973). The political order established after the coup remained fragile. In 1978, the Saur Revolution brought the People's Democratic Party of Afghanistan to power, and the subsequent struggle among Afghan communist leaders, including Nur Muhammad Taraki and Hafizullah Amin, culminated in the Soviet military intervention of December 27, 1979, when Soviet troops stormed Tajbeg Palace. Earlier unrest, including protests linked to the activities of the "Muslim Youth" movement in 1975, had already contributed to the radicalization of the domestic political environment (Barfield 2012). To understand the external dimension of these developments, it is also necessary to consider the broader Cold War rivalry between the United States and the Soviet Union.

During the Cold War, direct and indirect U.S. involvement in Afghanistan began before the Soviet military intervention. In July 1979, five months before Soviet troops entered Afghanistan, U.S. President Jimmy Carter approved a covert CIA operation, conducted in cooperation with Pakistan's Inter-Services Intelligence, to support the Mujahideen and other anti-government forces (MacEachin 2001; Parenti 2001). Washington sought to limit Soviet influence in a strategically important region located at the crossroads of South, Central, and West Asia. U.S. involvement included military and economic assistance to the Mujahideen and to Pakistan's military and intelligence structures. This assistance was provided through Operation Cyclone, one of the longest and most expensive covert operations of the Cold War (Akram 2021; Snider 2022).

After the withdrawal of Soviet troops on February 15, 1989, Soviet assistance to Afghanistan was gradually curtailed and eventually ceased by 1992 (Katz 2024). The resulting power vacuum led to an intense internecine struggle among Afghanistan's most influential factions, including those associated with Gulbuddin Hekmatyar, Ahmad Shah Masud, Abdul Rashid Dostum, and Burhanuddin Rabbani. Armed clashes, including the shelling of Kabul by Hekmatyar's forces, caused severe civilian suffering and deepened the fragmentation of the Afghan state. The factions also relied on coercion, extortion, and informal payments to finance their political and military activities (Shahrani 2008).

The power struggles of the 1990s paved the way for the rise of the Taliban, which took control of Kabul in 1996 and further reshaped regional security dynamics (Sakhi 2022). However, the Taliban's control over Afghanistan was never absolute, and the Afghan conflict was never solely internal. Afghanistan has consistently remained a focal point of regional and global geopolitical competition (Schmidt 2014). In the contemporary context, Afghanistan continues to struggle under Taliban rule. The regime remains diplomatically isolated and financially constrained, which limits its access to international assistance and restricts its capacity to respond to the country's economic and humanitarian problems (Sullivan 2022). Regional actors such as Rus-

sia, China, and Iran have adopted different approaches to engaging with the Taliban, reflecting the complex geopolitical environment in which Afghanistan remains embedded¹.

Afghanistan after the Taliban Takeover (2021–2025)

Following the rapid withdrawal of international forces in August 2021, the Taliban regained control over Afghanistan, marking a new phase of political transformation and uncertainty. The movement quickly consolidated power, captured major cities and provinces with limited resistance, and established a de facto government. Although the Taliban promised stability and security, the new authorities have faced serious challenges in legitimizing their rule both domestically and internationally. As of 2026, the Taliban government remains only minimally recognized internationally: Russia became the first state to formally recognize it in July 2025, while most other countries continue to limit their engagement to pragmatic or technical contacts².

Afghanistan's humanitarian situation deteriorated sharply after the takeover. Widespread poverty, food insecurity, and the weakening of basic public services have affected millions of people, exacerbating civilian suffering and creating a volatile social environment. Economic contraction has hit both urban centers and rural communities, especially those dependent on foreign aid and remittances (Verma 2022). This humanitarian crisis threatens domestic stability and has significant regional implications for neighboring Central Asian states.

The Taliban's control over security also remains uneven. Although the movement claims to have restored order, extremist groups such as Islamic State–Khorasan and remnants of Al-Qaeda continue to operate in remote areas and parts of northern Afghanistan (Schroden 2025). Sporadic attacks, insurgent activity, and localized violence reveal the gap between the Taliban's claims of stabilization and the situation on the ground. These developments are particularly significant for Central Asia, where regional security has long been shaped by the interaction of domestic vulnerabilities, cross-border threats, and instability emanating from Afghanistan (Somzhurek 2018). The Taliban also faces difficulties in monitoring and regulating the activities of various armed factions, raising concerns that Afghanistan may again become a safe haven for transnational terrorist networks³.

Internationally, the Taliban's limited recognition has led to diplomatic isolation, sanctions, and restricted engagement from much of the global community. Regional actors, including Russia, China, and Iran, have adopted pragmatic approaches, engaging cautiously with the Taliban to safeguard their security interests and economic

¹ Katz M.N. 2024. Lessons of the Soviet Withdrawal from Afghanistan. *Middle East Policy Council*. URL: <https://mepc.org/commentaries/lessons-soviet-withdrawal-afghanistan/> (accessed 13.03.2026)

² Ibid.

³ Sahibzada U. 2025. The Taliban's Internal Struggles and Path to Collapse. *Modern Diplomacy*. March 21. URL: <https://modern diplomacy.eu/2025/03/21/the-talibans-internal-struggles-and-path-to-collapse/> (accessed 13.03.2026)

investments (Stepanova 2022). Meanwhile, Central Asian neighbors face heightened risks stemming from potential terrorist spillover, drug trafficking, and refugee flows, underscoring Afghanistan's continued role as a source of regional instability (Schroden 2025).

In sum, while the Taliban has regained control over Afghanistan, the country remains affected by humanitarian, economic, and security challenges. Promises of stability and effective governance are constrained by institutional weakness, extremist threats, limited international legitimacy, and the continuing effects of decades of conflict. This complex environment sets the stage for analyzing how the ongoing Afghan crisis affects Central Asia, particularly Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan.

Afghan Crisis and its Spillover into Central Asia

The Afghan crisis has long posed challenges to regional security, but the Taliban's return to power in 2021 has intensified its spillover effects across Central Asia. Prolonged instability in Afghanistan has created conditions for terrorism, religious extremism, transnational drug trafficking, arms smuggling, epidemics, and environmental risks, all of which undermine regional peace and stability (Debata 2011). These threats interact with existing vulnerabilities within Central Asia itself, including weak governance, corruption, socio-economic pressures, ethnic tensions, unresolved border disputes, and environmental degradation (Debata 2017).

Terrorism and Religious Extremism

The rise of extremist and terrorist networks in Afghanistan has had a direct impact on neighboring Central Asian states. The Afghan crisis is closely linked to the broader challenge of international terrorism, which remains acute across several regions of the world. Afghanistan hosts a range of extremist organizations, many of which have the capacity to operate beyond its borders and therefore pose not only domestic, but also regional and international security threats (Dauren 2019).

A report by the U.S. Congressional Research Service identifies several key groups operating in Afghanistan, including Al-Qaeda, ISIS-K, the Islamic Movement of Uzbekistan, Tehrik-i-Taliban Pakistan, and the East Turkestan Islamic Movement⁴. Similarly, the Indian Institute for Defence Studies and Analyses points to the presence of Hayat Tahrir al-Sham, the Turkestan Islamic Party, and Jamaat, emphasizing the diversity of extremist actors in the country (Kokoshin 2022).

At the time of the Taliban's seizure of power in mid-August 2021, reports indicated that more than 4,000 jihadist militants were active in northern Afghanistan. These groups reportedly included militants originating from Tajikistan, Uzbekistan,

⁴ All prohibited in Russia as terrorist organizations. Thomas C. 2023. Afghanistan: Background and U.S. Policy. *Congressional Research Service*. URL: <https://www.nypl.org/research/research-catalog/bib/b21708436> (accessed 13.03.2026)

Kyrgyzstan, Kazakhstan, Russia's North Caucasus, China's Xinjiang region, and several Arab states (Rossi 2025). Many of them were believed to be linked to Al-Qaeda networks, formally operating under local Taliban commanders while retaining a considerable degree of autonomy.

The relationship between the Taliban and ISIS-K further complicates Afghanistan's security landscape. Although the Taliban and ISIS-K are ideological opponents, the Taliban lacks sufficient resources to fully suppress ISIS-K cells across the country. Russia's Special Presidential Envoy for Afghanistan, Zamir Kabulov, has noted that the Taliban is engaged in a genuine fight against ISIS-K, which illustrates the complexity and fragmentation of the post-2021 security environment.

The diversity and scale of extremist groups in Afghanistan are significant, but these organizations differ in size, influence, territorial presence, and operational capacity. A central question for the international community, including Russia and its regional partners, is whether the Taliban is both willing and able to control these groups and prevent their activities from threatening neighboring states. Many experts remain skeptical about the Taliban government's capacity to effectively limit terrorist operations⁵.

In practice, extremist groups have already affected Central Asian security. For example, ISIS-K launched attacks from Afghan territory into Uzbekistan in April 2022 and into Tajikistan in May 2022, while also actively recruiting Uzbek- and Tajik-speaking militants. Radical religious organizations, including Hizb ut-Tahrir and Tablighi Jamaat, have expanded their activities, particularly in Kyrgyzstan, and are banned in several countries because of their extremist orientation (Debata 2022). These developments increase the risk of terrorist incidents and intensify social and political tensions across the region.

Drug Trafficking and Organized Crime

Transnational drug trafficking remains a major security concern, as Afghanistan has long been one of the world's largest producers of opium and heroin. Central Asian states, particularly Tajikistan and Uzbekistan, have been exposed to drug-related crime linked to Afghan trafficking networks (Malysheva 2017). The spread of narcotics not only fuels organized crime but also undermines governance, weakens law enforcement, and destabilizes social and political structures in affected areas.

Although the Taliban briefly banned opium poppy cultivation in 2000–2001, which led to a sharp reduction in production, the effect was short-lived, and cultivation resumed after the Taliban's removal from power. Since then, opium production has become deeply embedded in Afghanistan's political economy. By 2021, it was estimated to account for a significant share of the country's economic activity and to remain one of the Taliban's important sources of revenue (Schroden 2025).

⁵ Kushkumbaev S. 2021. The War in Afghanistan Will Provoke a Migration Crisis in Central Asia. *Eurasia Expert*: URL: <https://eurasia.expert/voyna-v-afganistane-sprovotsiruet-migratsionnyy-krizis-v-tsentralnoy-azii/> (accessed 13.03.2026)

After regaining power in August 2021, the Taliban again announced restrictions on opium cultivation. However, analysts remain skeptical about the movement's capacity and willingness to enforce such measures consistently. Narcotics production and trafficking are closely connected to local livelihoods, patronage networks, and armed groups, which makes eradication difficult without large-scale international assistance. Such assistance remains limited because of the Taliban's lack of broad international recognition, sanctions, and the continuing humanitarian crisis (Debata 2017).

The persistence of narcotics production has direct implications for Central Asia. Trafficking along the so-called Northern Route – from Afghanistan through Tajikistan, Kyrgyzstan, and Kazakhstan into Russia – fuels corruption, weakens border security, and facilitates the penetration of transnational criminal networks into regional economies and institutions. Both the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) have identified drug trafficking as one of the most serious regional security threats, emphasizing its connection to extremist financing and cross-border instability⁶.

Thus, in the post-2021 context, Afghanistan's narcotics economy not only supports armed and informal power networks inside the country, but also aggravates regional instability by financing militant groups, strengthening organized crime, and weakening the governance capacity of neighboring states.

Regional and Geopolitical Pressures

The broader geopolitical environment further complicates Central Asia's security situation. The Russia–Ukraine conflict, which escalated in February 2022, has affected the regional balance of power, created tensions within the CSTO framework, and influenced the foreign policy calculations of Central Asian states (Sharifli 2022). At the same time, local crises – including border clashes between Kyrgyzstan and Tajikistan and unrest in Karakalpakstan, Uzbekistan – demonstrate the fragility of regional stability and the interaction between domestic vulnerabilities and external pressures (Murtazashvili 2022).

The Afghan crisis has produced multidimensional spillover effects in Central Asia, including terrorism and extremism, drug trafficking, organized crime, migration pressures, and geopolitical uncertainty. While many of these risks predate the Taliban's return to power, the period from 2021 to 2025 has intensified them and made regional security coordination more urgent. Central Asian states now face the challenge of safeguarding domestic stability while adapting to a more fragmented and competitive international environment.

⁶ CSTO. 2025. Strategic Reinforcement of the Tajik-Afghan Border. *Special Eurasia*. URL: <https://www.specialeurasia.com/2025/04/19/csto-tajik-afghan-border/> (accessed 13.03.2026); CSTO. 2025. The CSTO Secretary General had a meeting with the Director of the SCO RATS Executive Committee. *Collective Security Treaty Organisation*. URL: https://en.odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalas-vstrecha-generalnogo-sekretarya-odkb-s-direktorom-ispolnitelnogo-komiteta-rats-shos/#loaded (accessed 13.03.2026)

The Russia–Ukraine conflict has also complicated the functioning of existing regional security mechanisms⁷. The sanctions imposed on Russia, Western military and economic assistance to Ukraine, and the broader transformation of Eurasian geopolitics have affected the strategic environment in which Central Asian states operate. This has created a difficult situation for CSTO member states. On the one hand, Russia remains a key security actor in the region and a central member of the organization. On the other hand, Central Asian governments have sought to preserve room for diplomatic maneuver and avoid direct involvement in the conflict. Kazakhstan, for example, has consistently recognized Ukraine’s territorial integrity and has not recognized Donetsk and Luhansk as independent entities.

These developments have exposed the limits of existing regional security arrangements. The Kyrgyz–Tajik border clashes raised questions about the ability of regional institutions to prevent or manage conflicts among member states. The unrest in Karakalpakstan further highlighted the vulnerability of domestic stability in Central Asia. Taken together, these developments show that the Afghan crisis interacts with broader geopolitical pressures and internal regional tensions, making Central Asian security increasingly complex and multidimensional⁸.

Security Threats to Central Asia

In recent years, the socio-political situation in Afghanistan has become one of the major security challenges for the Central Asian states. The emergence of new threats is particularly acute because regional security in Central Asia is closely connected to broader international security dynamics (Kokoshin 2022). Regional and international actors with strategic interests in Central Asia remain concerned about the instability emanating from Afghanistan. Among the most serious threats are international terrorism, religious radicalism and extremism, drug trafficking, arms smuggling, illegal migration, and transnational organized crime (Abbasian 2022). These challenges are becoming increasingly diverse and transnational in character, affecting not only Central Asia but also wider regional and global security.

A particular concern is the ability of extremist and terrorist groups to shape the information environment and influence vulnerable social groups. Through propaganda, recruitment networks, and digital communication channels, such groups may undermine traditional cultural, moral, and social values, including the foundations of interethnic and interconfessional coexistence that have historically been important for Central Asian societies⁹.

⁷ Karin E. 2017. Central Asia and Radical Islam. *French Institute of International Relations*. URL: <https://www.ifri.org/en/papers/central-asia-facing-radical-islam> (accessed 13.03.2026)

⁸ Karin E. 2017. Central Asia and Radical Islam. *French Institute of International Relations*. URL: <https://www.ifri.org/en/papers/central-asia-facing-radical-islam> (accessed 13.03.2026)

⁹ Ibid.

Central Asia also occupies a significant place in Eurasian geopolitics, where the interests of regional and global powers intersect. After the collapse of the Soviet Union in 1991, the newly independent Central Asian states faced the complex task of building national statehood, restructuring their economies, and formulating independent foreign policies. One of the important dimensions of this foreign policy agenda was the need to respond to instability in neighboring Afghanistan and to prevent its negative effects from spreading into the region¹⁰.

The threats emanating from Afghanistan represent a complex and multidimensional phenomenon. They extend beyond national borders and may affect the broader South and Central Asian security space. The Afghan situation has had an adverse impact on the collective security of Central Asian states at the regional level. At the same time, it also affects the interests of regional and great powers, thereby influencing the wider system of international relations.

The roots of these challenges can be better understood through a retrospective analysis of Afghanistan's internal development since the 1970s. During the Cold War, Afghan society was drawn into an ideological confrontation shaped by the rivalry between competing models of political and social development. One pole was associated with socialist-oriented modernization, another with forces oriented toward cooperation with the Western capitalist world, while a third alternative emphasized religious solidarity and the construction of a just society based on Islamic norms (Akimbekov 2017). These ideological divisions, combined with foreign intervention and internal fragmentation, created long-term instability whose consequences continue to affect Afghanistan and its neighboring regions.

Thus, the Afghan crisis should be understood not only as a domestic conflict, but also as a source of cross-border security risks for Central Asia. Its consequences include the spread of extremist networks, narcotics trafficking, organized crime, arms smuggling, migration pressures, and the erosion of regional stability. This makes a retrospective and multidimensional analysis of Afghanistan's political development essential for understanding the current security challenges facing Central Asian states.

Policy Recommendations for Strengthening Regional Security in Central Asia

Enhancing Intelligence-Sharing and Counterterrorism Coordination

Central Asian states should strengthen intelligence cooperation through existing regional mechanisms, including the Shanghai Cooperation Organization's Regional Anti-Terrorist Structure (SCO-RATS) and the Commonwealth of Independent States

¹⁰ Bendarazsevszkij A. 2018. The New 'Great Game' in Central Asia. *Geopolitika.hu*. April 8. URL: <http://www.geopolitika.hu/en/2019/04/08/the-new-great-game-in-central-asia/> (accessed 13.03.2026)

Anti-Terrorism Center (CIS ATC). The 2018 memorandum of understanding between the SCO, CSTO, and CIS anti-terrorism bodies created an institutional basis for closer information-sharing on terrorist threats¹¹.

Building on this foundation, the countries of the region should develop secure and rapid intelligence exchange mechanisms to ensure timely alerts about imminent threats. A joint regional intelligence fusion center or a protected digital platform could facilitate real-time exchange of information on terrorist networks, foreign fighter movements, extremist financing, and cross-border recruitment channels. Regular joint counterterrorism exercises and specialized training programs would also improve the interoperability of security services and special forces. Such measures could help harmonize operational procedures, strengthen interagency trust, and improve communication during actual crises.

Strengthening Border Security Measures

Securing Central Asia's borders against terrorist infiltration, organized crime, and illicit trafficking remains a priority, especially given the vulnerability of border areas adjacent to Afghanistan. The states of the region should adopt integrated border management strategies combining infrastructure upgrades, advanced technologies, and interagency coordination. Governments should increase the number of border outposts and patrols in vulnerable mountainous areas, while also expanding joint patrols and intelligence exchanges with neighboring states. For example, coordination between Tajik and Afghan authorities along the Panj and Badakhshan border areas could help reduce the risks of infiltration, smuggling, and illicit cross-border movement.

Equipping border crossings and remote border areas with modern surveillance tools would significantly increase the effectiveness of border personnel. Many Central Asian states are already exploring technologies such as drones, sensors, and AI-assisted cameras for remote monitoring. Uzbekistan's investment in UAVs and electronic warfare capabilities, for instance, can be viewed as part of broader efforts to improve border surveillance and counterterrorism preparedness¹².

The use of aerial drones, ground sensors, and satellite-supported monitoring can help cover vast and hard-to-reach border regions and detect suspicious movements in real time. Another practical step is the wider adoption of biometric identification systems at immigration checkpoints. Biometric data – including fingerprints, facial recognition, and iris scans – allow authorities to verify identities against national and

¹¹ Geopolitical Report. 2025. Analysis of the Collective Security Treaty Organization CSTO in Central Asia: Perspectives and Challenges. *Special Eurasia*. URL: <https://www.specialeurasia.com/2025/02/20/csto-central-asia-report/> (accessed 13.03.2026)

¹² Afghanistan's Security Challenges under the Taliban. 2022. *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia-pacific/afghanistan/326-afghanistans-security-challenges-under-taliban> (accessed 13.03.2026)

international watchlists with greater accuracy. The OSCE has promoted the use of biometric systems to interdict foreign terrorist fighters, noting that such tools make it possible to conduct rapid identity checks and flag suspects against international databases¹³.

Engaging Afghanistan Diplomatically for Security

Stability in Afghanistan is directly linked to Central Asia's security. For this reason, pragmatic diplomatic engagement with the Taliban remains necessary despite the absence of broad international recognition. Regional leaders have already begun to formulate a cautious common approach that can be described as "engage, but verify." Kazakhstan and Uzbekistan, for example, have supported informal dialogue with the de facto authorities in Kabul in order to assess their intentions, reduce uncertainty, and seek security guarantees. As President Kassym-Jomart Tokayev has noted, communication with Afghanistan's current authorities can help develop a shared understanding of regional threats and explore areas of practical cooperation, including trade and transport connectivity, without necessarily implying formal political recognition¹⁴.

The CSTO also has a role to play in addressing potential spillover risks. It has conducted military exercises simulating crisis scenarios along the Afghan border and could further develop contingency planning in the event of cross-border violence or destabilization. At the same time, the positions of Central Asian states are not identical. While most CSTO and SCO members have opted for cautious engagement with the Taliban, Tajikistan has taken a more critical stance. President Emomali Rahmon has repeatedly emphasized that any Afghan government should be inclusive and should take into account the interests of ethnic minorities, including Tajiks¹⁵.

Central Asian diplomacy must therefore balance pragmatic engagement with security caution. The states of the region should encourage the Taliban to prevent the use of Afghan territory by terrorist groups, respect basic principles of inclusive governance, and maintain channels of communication with neighboring countries. At the same time, they should prepare coordinated regional measures to contain potential security fallout if the situation in Afghanistan deteriorates. This dual approach – diplomatic engagement combined with contingency planning – is essential for reducing the risks of instability spreading from Afghanistan into Central Asia.

¹³ OSCE. 2025. Supporting OSCE participating States to develop and implement systems to collect biometric data in order to responsibly and properly identify terrorists, including foreign terrorist fighters, in compliance with domestic law and international human rights. *Organization for Security and Co-operation in Europe*. URL: <https://www.osce.org/node/478195> (accessed 13.03.2026)

¹⁴ CSTO, SCO Summits Presage Policy of Wary Tolerance of Taliban regime in Afghanistan. 2021. *Eurasianet*. September. URL: <https://eurasianet.org/csto-sco-summits-presage-policy-of-wary-tolerance-of-taliban-regime-in-afghanistan> (accessed 13.03.2026)

¹⁵ CSTO. 2025. The CSTO Secretary General had a meeting with the Director of the SCO RATS Executive Committee. *Collective Security Treaty Organisation*. URL: https://en.odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalas-vstrecha-generalnogo-sekretarya-odkb-s-direktorom-ispolnitelnogo-komiteta-rats-shos/#loaded (accessed 13.03.2026)

Developing Counter-Radicalization Programs

Preventing the spread of violent extremism at the grassroots level is a long-term security investment for Central Asia (Chen 2023). Governments should implement comprehensive counter-radicalization and deradicalization programs that involve educators, religious leaders, and community organizations. One key pillar is education reform to inoculate youth against extremist ideologies. This includes updating school curricula to promote critical thinking, tolerance, and knowledge about the dangers of terrorism. Likewise, partnering with moderate Islamic scholars to teach authentic interpretations of religion can undermine the appeal of militant propaganda. Research on preventing violent extremism emphasizes that bolstering inclusive, quality education – both secular and religious – helps immunize communities against radical recruitment.

Community outreach and social programs are equally vital. For example, in Kyrgyzstan and Kazakhstan, pilot projects supported by the United Nations and Organization for Security and Co-operation in Europe have trained imams, social workers, and teachers to spot signs of radicalization and refer individuals to counseling instead of prison.

Finally, it is recommended that Central Asian governments collaborate to combat online radicalization and extremist propaganda that transcends borders. Militant groups often target young Central Asians via social media platforms, encrypted messaging apps, and slick video propaganda.

By investing in prevention through education, community resilience, rehabilitation of offenders, and strategic communications Central Asian states can reduce the pool of vulnerable individuals susceptible to extremist recruitment. This soft power approach to countering radicalization, coordinated regionally, will complement hard security measures and contribute to a sustainable decrease in the terrorist threat¹⁶.

Community outreach and social support programs are equally important. In Kyrgyzstan and Kazakhstan, for example, pilot projects supported by the United Nations and the Organization for Security and Co-operation in Europe have trained imams, teachers, and social workers to identify early signs of radicalization and refer vulnerable individuals to counseling and rehabilitation programs rather than relying exclusively on punitive measures. Such initiatives are particularly valuable because they shift the focus from reactive security responses to early prevention, social reintegration, and trust-building between communities and state institutions¹⁷.

¹⁶ A Whole-of-Society Approach to Preventing and Countering Violent Extremism and Radicalization That Lead to Terrorism. 2020. OSCE. URL: https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/a/7/444340_0.pdf (accessed 13.03.2026)

¹⁷ Briefing 2019. Rehabilitation and Reintegration in the Case of Extremist and Terrorist Groups: Psychological Training for Counsellors. *Penal Reform International*. URL: <https://www.penalreform.org/resource/rehabilitation-extremist-groups-psychological-training/> (accessed 13.03.2026)

Central Asian governments should also strengthen cooperation in countering online radicalization and extremist propaganda, which increasingly transcends national borders. Militant groups often target young people through social media platforms, encrypted messaging applications, and professionally produced video content. A coordinated regional approach should therefore include monitoring extremist online networks, developing counter-narratives, improving digital literacy, and engaging youth through credible community voices rather than relying solely on state messaging¹⁸.

By investing in education, community resilience, rehabilitation, and strategic communication, Central Asian states can reduce the number of individuals vulnerable to extremist recruitment. This preventive approach should complement, rather than replace, hard security measures. If coordinated at the regional level, it can contribute to a more sustainable reduction of terrorist threats and strengthen the broader security architecture of Central Asia.

Conclusion

The analysis conducted in this article shows that the Afghan crisis remains one of the most important factors shaping the security environment in Central Asia. Decades of conflict, foreign intervention, internal fragmentation, and political instability have produced consequences that extend far beyond Afghanistan's borders. Since the Taliban's return to power in 2021, these risks have become more acute, affecting the security calculations of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and the wider region.

The Afghan crisis has acquired a systemic character. It is not limited to Afghanistan's domestic political instability, but is closely connected to broader regional and international security dynamics. The spread of radicalism, religious extremism, terrorism, transnational organized crime, drug trafficking, arms smuggling, and irregular migration poses serious risks to Central Asian states. These challenges threaten not only border security, but also social stability, interethnic and interconfessional relations, and the effectiveness of regional security institutions.

The main destabilizing factor for Central Asia is the continued activity of radical and terrorist organizations operating in Afghanistan and, in some cases, extending their influence beyond Afghan territory. The presence of such groups increases the risk of cross-border infiltration, recruitment, terrorist attacks, and the spread of extremist propaganda. These developments are particularly dangerous for countries that share borders with Afghanistan or are connected to it through migration, trade, and informal networks.

¹⁸ Soliev N. 2023. The Digital Terror Financing of Central Asian Jihadis. *Combating Terrorism Center*. URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-digital-terror-financing-of-central-asian-jihadis/> (accessed 13.03.2026)

In this context, the security architecture of Central Asia should be strengthened at several levels: national, regional, and international (Stepanova 2022). At the domestic level, Central Asian states need to improve border control, law enforcement capacity, socio-economic resilience, and prevention policies. Special attention should be paid to education, counter-radicalization, and the involvement of qualified specialists in Islamic and religious studies. A better understanding of traditional Islamic knowledge can help reduce the influence of extremist interpretations and improve the religious environment in vulnerable communities.

At the regional level, bilateral, trilateral, and multilateral cooperation remains essential. Central Asian states should overcome mutual distrust and unresolved disputes in order to respond jointly to common threats. Border conflicts, historical grievances, and competing national priorities weaken collective security and create opportunities for external destabilizing influences. Terrorism and transnational crime cannot be effectively countered by any single state acting alone. They require coordinated intelligence-sharing, joint border management, counterterrorism cooperation, and diplomatic engagement with Afghanistan.

The Afghan crisis demonstrates the need for a more integrated and multi-level security architecture in Central Asia. Only coordinated regional action, supported by responsible international engagement, can reduce the risks emanating from Afghanistan and strengthen long-term stability in the region.

About the authors:

Kairat Abuov – PhD Candidate, Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. 33a Abay Ave, Astana, Kazakhstan, 010000.
E-mail: abuov1980@mail.ru

Manarbek Kabaziyev – Deputy Chairman of The Board of the Foreign Policy Research Institute under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan. A. Moldagulova street, 32/1, Astana, Kazakhstan, 010000. E-mail: m.kabaziyev@sszi.kz

Kamilla Sheryazdanova – Professor, the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. 33a Abay Ave, Astana, Kazakhstan, 010000.
E-mail: dalelkhan@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

УДК: 327.56(581):327.56(5-191.2)
Поступила в редакцию: 04.11.2025
Принята к публикации: 02.12.2025

Афганский кризис и трансформация архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии (2021–2025 гг.)

 К. Абуов¹, М. Кабазиев², К. Шерьязданова¹
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-188-204](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-188-204)

¹ Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана

² Институт внешнеполитических исследований Министерства иностранных дел Республики Казахстан, Астана

Центральная Азия, исторически выполнявшая роль буфера между крупными геополитическими силами, вновь оказывается в эпицентре потенциального кризиса. Приход к власти движения «Талибан» в Афганистане в 2021 г. не только изменил баланс сил в регионе, но и создал новые вызовы для соседних государств, поставил под сомнение начавшийся процесс интеграции Афганистана в центральноазиатское региональное пространство. Угроза эскалации конфликта на северных границах Афганистана, где сосредоточены этнические меньшинства и действуют радикальные группировки, ставит под угрозу и стабильность всей Центральной Азии. В статье рассматривается афганский кризис после захвата власти в стране движением «Талибан» в 2021 г. и связанные с ним вызовы безопасности в Центральной Азии. Статья содержит обзор истории афганского кризиса и проблем, возникших после прихода к власти «Талибана», а также анализ сопутствующих последствий кризиса для безопасности в Центральной Азии. Особое внимание уделяется таким проблемам, как терроризм, экстремизм, организованная преступность, региональное и геополитическое давление, а также угрозы безопасности. Авторы предлагают и практические рекомендации, включая расширение обмена разведывательной информацией, дипломатическое взаимодействие и инициативы по борьбе с терроризмом. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию меняющейся динамики безопасности в Центральной Азии и предоставляют аналитическую информацию политикам, экспертам по безопасности и международным организациям, работающим над снижением транснациональных угроз.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, региональная безопасность, терроризм, экстремизм, организованная преступность и угрозы безопасности

Об авторах:

Кайрат Абуов – докторант, Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Абая, 33а. E-mail: abuov1980@mail.ru

Манарбек Кабазиев – заместитель председателя правления Института внешнеполитических исследований Министерства иностранных дел Республики Казахстан. 010000, Казахстан, г. Астана, ул. А.Молдагулова, 32/1. E-mail: m.kabaziyev@sszi.kz

Камилла Шерьязданова – профессор, Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Абая, 33а. E-mail: dalekhan@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

Abbasian P. 2022. My Enemy's Enemy: Iran's Approach to the Re-emergence of the Taliban. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 9(3). P. 493–512. DOI: 10.1177/23477970221130144

Akimbekov S. 2017. *History of Afghanistan*. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan. P. 222–263.

Akram S. 2021. *Abandoning Afghan Allies: The Latest Chapter in Shameful History of U.S. in Afghanistan*. Just Security.

Barfield T. 2012. *Afghanistan: A Cultural and Political History*. Princeton University Press.

Chen I. 2023. Cross-border Threats, Reputational Costs and the Evolution of an Authoritarian Club: The Case of Shanghai Cooperation Organisation. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 10(2). P. 223–248. DOI: 10.1177/23477970231173537

Dauren A. 2019. Regional Security in Central Asia: Addressing Existing and potential Threats and Challenges. *Eurasian Research Journal*. №1. P. 51–65.

Debata M.R. 2011. *Hizb ut-Tahrir: The Destabilizing Force in Central Asia*. Religion and Security in South and Central Asia.

Debata M.R. 2017. Xinjiang in Central Asia's Regional Security Structure. *International Studies*. 14(4). P. 1–13.

Debata M. 2022. Tablighi Jamaat: The Fountainhead of Global Extremism. *Indian Studies Review*. 3(1). P. 1–18.

Kokoshin A.A. et al. 2022. The Afghan Crisis: A Global and Regional Problem for the World Community. *Polis. Political Studies*. №2. P. 83–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.07

MacEachin D.J. 2001. *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan: The Intelligence Community's Record*. Washington D.C.: Central Intelligence Agency.

Murtazashvili J.B. 2022. The Collapse of Afghanistan. *Journal of Democracy*. 33(1). P. 40–54.

Parenti C. 2001. America's Jihad: A History of Origins. *Law, Order, and Neoliberalism*. №3. P. 31–38.

Rossi G. 2025. Reliance on Local Contractors and Messy Withdrawals: Lessons from Afghanistan. *Journal of Strategic Security*. №2. P. 261–277. DOI: 10.5038/1944-0472.18.2.2440

Sakhi N. 2022. The Taliban Takeover in Afghanistan and Security Paradox. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 9(3). P. 383–401. DOI: 10.1177/23477970221130882

Schmidt J.D. 2014. The Asia-Pacific Strategic Triangle: Unentangling the India, China, US Relations on Conflict and Security in South Asia. *Journal of Asian Security and International Affairs*. №2. P. 203–222. DOI: 10.1177/2347797014536641

Schroden J. 2025. Terrorism and Counterterrorism in the Taliban's Afghanistan. *Journal of Strategic Security*. 18(2). P. 1–15. DOI: 10.5038/1944-0472.18.2.2416

Shahrani N. 2008. War, Factionalism, and the State in Afghanistan. *American Anthropologist*. 104(3). P. 715–722. DOI: 10.1525/aa.2002.104.3.715

Snider J. 2022. Taliban 2.0 and U.S. National Security Policy in Afghanistan. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 9(3). P. 402–423. DOI: 10.1177/23477970221129905

Somzhurek B.Y. 2018. Central Asia and Regional Security. *Communist and Post-Communist Studies*. 51(2). P. 161–171. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.04.005

Stepanova E. 2022. Russia, Central Asia and Non-traditional Security Threats from Afghanistan following the US Withdrawal. *Global Policy*. 13(1). P. 138–145. DOI: 10.1111/1758-5899.13058

Sullivan C. J. 2022. Afghanistan in Anarchy: America's Withdrawal, Taliban Rule and Regional Implications for Central Asia. *Journal of Asian Security and International Affairs*. №9. P. 513–530. DOI: 10.1177/23477970221129908

Verma R. 2022. Instability in Afghanistan and Non-Traditional Security Threats: A Public Good Problem? *Global Policy*. 13(1). P. 152–159. DOI: 10.1111/1758-5899.13044

Malysheva D. 2017. The Afghan Crisis and post-Soviet Central Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. №8. P. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23

Список литературы на русском языке:

Малышева Д. 2017. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия. *Мировая экономика и международные отношения*. №8. С. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23

Геополитика сопротивления

Т.А. Алексеева, С.С. Гореславский, Б.А. Маркарян

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Рецензия на книгу: Падрино Лопес В. *Многополярная геополитика: спустя 20 лет после 13 апреля*. Владимир Падрино Лопес; пер. с испанского. Москва: АО «Щербинская типография», 2025. 104 с.: ил. ISBN 978-5-9243-0339-0

Рецензия посвящена осмыслению перехода от однополярного мирового порядка к многополярности сквозь призму венесуэльской оптики, представленную в книге министра обороны Боливарианской Республики Венесуэла Владимира Падрино Лопеса «Многополярная геополитика: спустя 20 лет после 13 апреля». Авторы показывают, что работа Падрино Лопеса является не академическим трактатом, а политико-стратегическим анализом исторического периода, когда суверенитет вновь становится вопросом выживания и силы, а геополитика и геоэкономика определяют границы автономии государств. Ядром исследования является процесс эрозии однополярного мирового порядка и смещение «центра тяжести» в мировой политике, возвращение территориального фактора в фокус глобальной конкуренции, роль искусственного интеллекта в изменении баланса сил на международной арене, а также предложенная автором схема «четырёх зонтов» могущества. Автором книги раскрывается идея триполярности (США – Россия – Китай) как более точного описания текущего мирового порядка и анализируется то, как она влияет на стратегию принятия политических решений средних и периферийных государств. Особое внимание уделяется различию западного и латиноамериканского понимания силы: от способности контролировать и принуждать, к способности не стать объектом чужой воли.

Ключевые слова: триполярность, Венесуэла, суверенитет, геополитика, мировой порядок, искусственный интеллект, энергетические ресурсы

Есть книги, которые оглядываются назад и повествуют нам о различных исторических периодах, политических взглядах и международных конфликтах, когда-то уже имевших место, но всё ещё оказывающих влияние на наш мир. А есть те, что рождаются прямо внутри исторического разлома, когда привычный порядок рушится, а новый формируется на глазах. Такие

УДК: 327(87):911.3:001.891.3

Поступила в редакцию: 7.02.2026

Принята к публикации: 20.03.2026

работы стремятся не просто описать реальность, а предвосхитить её дальнейшее развитие, уловить импульс эпохи, направление перемен и нередко звучат как предупреждение о том, какой ценой может обойтись миру стремительная перестройка мировой системы. Именно к таким текстам относится работа видного военного учёного по проблемам геополитики, национальной и международной безопасности, вице-президента по обороне и суверенитету, министра народной власти по вопросам обороны Боливарианской Республики генерал-аншефа Владимира Падрино Лопеса *«Многополярная геополитика: спустя 20 лет после 13 апреля»*.

Это не учебник и не научный академический обзор, а холодный политический взгляд на эпоху, когда государственный суверенитет – фундамент современного «цивилизованного» общества – перестаёт быть гарантией взаимного уважения и мирного сосуществования, а снова становится вопросом силы и выживания. Владимир Падрино Лопес выстраивает разговор о современном мире, рассматривая его через призму государства, которое оказалось в зоне столкновения интересов на фоне глобального перераспределения силы. Поэтому данная работа выходит за рамки обычного политического эссе и становится попыткой осмыслить эпоху, в которой однополярная конструкция теряет устойчивость, а многополярность становится не лозунгом, а новой политической реальностью. В рамках этой трансформации геополитика, геоэкономика, технологическая конкуренция и риск системных глобальных кризисов становятся факторами, определяющими выбор государств между зависимостью и стратегической самостоятельностью. Мысли Падрино Лопеса о реконструировании мирового порядка, защите суверенитета и поиске новых механизмов международного баланса во многом перекликаются с теми принципами, которые сегодня формируют российское видение мировой политики. Именно поэтому перевод этой книги на русский язык представляется особенно своевременным и востребованным, т. к. позволяет расширить пространство для осмысления происходящих глобальных перемен через латиноамериканскую парадигму. Дополнительную актуальность этому изданию придают и недавние события вокруг президента Венесуэлы, которые вновь поставили в центр мировой повестки тему внешнего давления, политической безопасности и реальной цены государственного суверенитета.

Стоит начать с того, что сильная сторона работы в том, что автор не замыкается в региональной повестке и смотрит на положение Боливарианской Республики через призму глобальной политики. Здесь нет политических мечтаний о «центре мира» и о будущем континентальном лидерстве. Напротив, книга держится на спокойной, рациональной логике: Венесуэла рассматривается как государство со своими ресурсами, интересами и ограничениями, которое стремится определить собственную роль и извлечь стратегические преимущества в условиях формирующегося мирового порядка. С теоретической точки зрения, Падрино Лопес в целом следует логике политического реализма. При этом

его аналитическая оптика складывается из двух взаимодополняющих уровней: с одной стороны, из венесуэльского политического опыта, в особенности публичных выступлений Уго Чавеса, а с другой – из опоры на западное теоретическое поле и работы ключевых авторов – политических реалистов, таких как Дж. Най, Й. Шумпетер, Р. Кохейн, Г. Аллисон и др.

Концепцией всей книги становится тезис о постепенном демонтаже однополярного мирового порядка и смещении «центра тяжести» в мировой политике. Не случайно автор начинает рассуждение с картографии, рассматривая её не как нейтральное изображение пространства, а как политический символ эпохи. Евроцентричная модель мира, сформированная наследием колониализма и логикой *Pax Britannica*, противопоставляется тихоокеанской, азиатской оптике, в которой «центр» перемещается не только на карте, но и в реальной системе международной конкуренции. В этом контексте карта становится метафорой власти: тот, кто формирует картину мира и её восприятие, в символическом и практическом смысле, во многом и конструирует иерархию, нормы и возможные сценарии будущего.

В этом ключе интересной особенностью книги становится обращение автора к классической геополитической концепции «Хартленда» Хэлфорда Маккиндера. В условиях нынешней политической реальности выбор этого теоретического подхода выглядит вполне обоснованным. Когда многие рассуждали о «конце истории» и о первенстве исключительно экономических механизмов, контроль над территорией, транспортными коридорами и стратегическими регионами вновь возвращается в центр мировой политики.

Западная геополитическая мысль изначально складывалась как *modus videndi e modus operandi* великих держав. Её формировали те, кто обладал ресурсами, силой и, следовательно, нуждались в языке, позволяющем упорядочить мир в своих интересах. В результате утверждается характерная перспектива – не «изнутри» конкретных обществ, а с высоты наблюдателя, который проводит границы там, где посчитает нужным. Такой наблюдатель разрезает пространство на ключевые зоны контроля: торговые маршруты и географические массивы, хартленды и римленды, коридоры, узлы и плацдармы. В такой парадигме мир мыслится не просто как пространство, а как объект управления. География задаёт пределы возможного, а политика становится искусством их прочтения и использования. В итоге побеждает тот, кто научился лучше конвертировать ограничения в преимущество.

В качестве подтверждения этой логики понятным становится поведение Соединённых Штатов, которые стремятся укрепить своё влияние в западном полушарии, рассматривая Латинскую Америку как зону приоритетных интересов, где Венесуэла занимает особое место, а также проявляют повышенное внимание к стратегически значимым территориям Арктики, включая Гренландию, чья роль возрастает в контексте военной безопасности и будущих транспортных маршрутов. Что касается Венесуэлы, то причина интереса к ней вполне

очевидна: по масштабу природных богатств Венесуэла является одним из наиболее ресурсно обеспеченных государств мира, и подобная база исторически закрепила её как объект повышенного внимания крупных держав. При этом интерес Белого дома распространяется не только на Венесуэлу, но и на другие страны региона. Мировая политика всё отчетливее сводится к конкуренции за стратегические ресурсы, однако решающим становится не сам факт обладания источниками нефти, газа или лития, а способность конвертировать этот потенциал в технологическое превосходство. Именно поэтому автор делает следующий шаг и выделяет искусственный интеллект как новый драйвер мировой конкуренции.

Искусственный интеллект всё чаще определяет не только технологическое будущее, но и политическую расстановку сил. Сегодня технологический фактор также приобретает стратегическое значение, подобно тому, как это происходило в периоды промышленных революций. Машинное обучение встает в один ряд с такими технологиями, как «атомная энергетика» или «двигатель внутреннего сгорания», изобретениями, изменившими не только ход истории, но и положение некоторых государств на международной арене. Уже сегодня, когда искусственный интеллект ещё не раскрыл и половины своего потенциала, становится очевидным, что доминирование в его развитии даст преимущество в управлении информационными потоками, развитии экономики и в укреплении безопасности, а следовательно, и способность менять баланс сил на международной арене.

Особый интерес представляет предложенный автором инструмент анализа, с помощью которого он выделяет ключевые факторы, определяющие влияние и мощь современных держав. Автор предлагает не поддаваться чрезмерной детализации на десятки отдельных переменных, а сгруппировать их в четыре базовых блока – своеобразные «зонты», которые структурируют мировую конкуренцию и помогают понять логику нового баланса сил. В эту систему он включает четыре направления: ядерный потенциал, экономико-финансовые возможности, энергетические ресурсы и технологическое превосходство. Такое группирование задаёт рамку, через которую можно интерпретировать трансформацию мирового порядка. Причём важно, что предложенная схема не является абстрактной теорией, а напрямую отражает логику стратегического соперничества ведущих государств. Экономико-финансовое влияние позволяет поддерживать технологическое развитие и формировать устойчивость национальных институтов. Энергетические ресурсы остаются базой стратегической независимости и одновременно инструментом давления. Технологическое превосходство превращается в универсальный усилитель, дающий преимущества в промышленности, управлении и безопасности. Наконец, ядерный потенциал выступает последним бастионом стратегического сдерживания и символом статуса в мировой иерархии, даже при относительной слабости по трём другим составляющим.

На пересечении этих факторов проявляется одна из ключевых идей Падрино Лопеса – концепция триполярности, которая призвана описать реальную структуру силы XXI в. точнее, чем расплывчатое понятие «многополярность». Мир больше не выстроен вокруг единственного центра силы, но и не представляет собой систему множества равнозначных акторов. Напротив, ключевое влияние всё отчётливее концентрируется вокруг трёх крупнейших полюсов, формирующих своего рода «треугольник стратегической стабильности» – США, Россия и Китай (Морозов, Батюк 2022). Эта триполярная логика особенно хорошо читается через предложенную автором систему «зонтов». В военно-стратегическом измерении именно фактор ядерного сдерживания задаёт предел возможной эскалации. Соединённые Штаты отдаляются от глобальной системы военных союзов, как НАТО, и формируют собственное поле безопасности; Россия сохраняет акцент на стратегической разработке военно-промышленного комплекса; а Китай последовательно укрепляет собственный военный потенциал, формируя долгосрочный горизонт влияния. В экономической-финансовой сфере борьба идёт через санкционные режимы, контроль над финансовой инфраструктурой и зависимость от долларовой системы. США используют экономическое давление как инструмент влияния, Россия ускоряет курс на финансовую устойчивость и снижение уязвимости, а Китай последовательно выстраивает альтернативные механизмы расчётов и инфраструктуру международной торговли. Энергетический «зонт» проявляется в ещё более наглядной форме. Вашингтон стремится закрепить лидерство не только за счёт добычи и экспорта, но и через политическое давление на отдельные рынки, добиваясь изменения внешнеполитического курса некоторых государств с опорой на инструменты, выходящие за рамки классической дипломатии и равноправного диалога. В этой логике попытки ограничить суверенитет различных стран, а также поддержка политических фигур, ориентированных на Белый дом, становятся частью более широкой борьбы за влияние и доступ к стратегическим ресурсам. Россия, являясь одним из мировых лидеров по запасам ключевых энергоносителей, традиционно рассматривает энергетику как фундамент собственной стратегической автономии и важный источник внешнеполитического влияния. Китай же, не входя в круг ведущих держав в энергетическом измерении, а выступая скорее как крупнейший потребитель, следовательно, вынужден выстраивать долгосрочные соглашения с крупными поставщиками, включая Россию, а также укреплять отношения с другими государствами с высокой ресурсной обеспеченностью, в том числе с Венесуэлой. Такая стратегия необходима для обеспечения устойчивости своих экономических и технологических цепочек. Наконец, технологический «зонт». Вашингтон ограничивает доступ конкурентов к критическим технологиям и полупроводникам, Пекин вкладывается в технологический суверенитет и собственные цепочки производства, в то же время Москва не занимает лидирующие позиции в данном направлении, однако последовательно встраивает технологический фактор в логику

национальной безопасности и стратегического развития. В предложенной автором системе «зонтов» именно Соединённые Штаты выглядят единственным полюсом, который одновременно присутствует во всех четырёх измерениях могущества. Россия и Китай, также действуют как ключевые игроки, но каждый из них полноценно представлен лишь в трех из четырёх блоков. Однако в такой конфигурации глобальная устойчивость уже не может поддерживаться одной доминирующей державой, она становится результатом сложного и постоянно меняющегося баланса между тремя полюсами, где любое действие одной стороны неизбежно корректирует расчёты и поведение двух остальных.

Не менее важным становится и то, какие ценности объявляются универсальными в международном дискурсе, и кто получает право решать, что считается нормой. Падрино Лопес точно подмечает, что то, что в западном нарративе часто именуется «демократией», всё чаще превращается в удобный политический инструмент, позволяющий поддерживать однополярную конфигурацию мирового порядка. Он обозначает этот механизм как своего рода «идеологическую контрабанду» и поясняет, что подобная модель функционирует не ради реального участия граждан в управлении, а ради сохранения устойчивости системы, где ключевые решения остаются в руках узкого круга элит, а демократия всё больше становится лишь внешней формальной оболочкой. Тех же, кто выходит за рамки допустимого, так называемых «несогласных», можно представить как «недемократичных», тем самым легитимизируя внешнее давление, вплоть до применения силовых методов.

Здесь возникает ключевой вопрос: что это означает для Венесуэлы? Прежде чем получить ответ, стоит обратить внимание на то, что латиноамериканская геополитика формируется как попытка осмыслить собственное место внутри заданного международного порядка, не рассчитывая на управление мировыми процессами. Для многих акторов данного региона геополитика превращается в размышление о том, как сохранить право на самостоятельный политический курс, когда территория, инфраструктура и ресурсы уже включены в орбиту интересов более сильных игроков. Если в западной традиции сила обычно понимается как способность контролировать и принуждать, в латиноамериканской политической философии она прежде всего выражается в умении не превратиться в объект чужой воли.

Именно поэтому автор подчёркивает, что Каракас и не претендует на роль самостоятельного полюса, однако получает шанс действовать как полноценный субъект международных отношений, а именно – укреплять суверенитет, расширять пространство внешнеполитического манёвра, диверсифицировать партнёрства и извлекать другие практические преимущества. Однако реализовать эту стратегию возможно лишь при восстановлении подлинного контроля над собственной государственностью – того самого суверенитета, которому, по мнению Падрино Лопеса, сегодня активно препятствуют внешние силы, прежде всего Соединённые Штаты. На первый взгляд конкуренция и борьба за влияние

в мировой политике выглядят как естественная часть международной реальности. Предполагается, что эту борьбу сдерживают рамки международного права, призванного предотвращать прямые нарушения и откровенное силовое давление. Однако, как показывает практика, международное право применяется избирательно – для одних оно обязательно, а для других достаточно «собственной морали»¹. Именно в этом один из самых тревожных признаков нашей эпохи, когда действия, которые в иных условиях считались бы недопустимыми, как, например, похищение Николаса Мадуро – законно избранного руководителя независимого государства, становятся частью инструментов давления и борьбы за контроль².

Подводя итог, можно сказать, что книга Генерала Падрино Лопеса становится предупреждением о том, к чему могут привести конфликты и попытки любой ценой удержать доминирование в мире, который меняется прямо сейчас. Нас предупреждают, что смена мирового порядка больше не является абстрактной темой для дискуссий экспертов, она даже не стучится в двери, а уже стала нашей реальностью, к приходу которой мы не были готовы.

Более того, книга Лопеса органично вписывается не только в координаты «большой» западной геополитики, но и выступает продолжением интеллектуальной линии латиноамериканской геополитической традиции. Эта традиция рождается не из опыта гегемонии, а из периферийного положения и постоянной борьбы за автономию внутри мировой системы.

В контуре этого направления можно выделить несколько важных исследований. Во-первых, бразильская «геополитика развития», представленная работами Голбери ду Коуту-и-Силвы «Geopolítica do Brasil» (Couto E Silva 1967) и Карлоса де Мейры Маттоса «Brasil: geopolítica e destino» (Mattos 1975). Во-вторых, аргентинская попытка теоретически описать логику поведения периферийного государства в мировой системе. В данном случае можно обратиться к работе Карлоса Эскуде «An Introduction to Peripheral Realism» (Escudé 1998). В-третьих, критическое направление, сосредоточенное на проблеме «знания и власти». Здесь показательны работы Уолтера Миньоло «The Darker Side of Western Modernity: Global Futures» (Mignolo 2011), Decolonial Options и Артуро Эскобара «Designs for the Pluriverse» (Escobar 2017).

Однако у концепции Падрино Лопеса, отражающей идеи «боливарианского движения» как фундамента политического режима, созданного У. Чавесом, есть своя специфика. Она обосновывает целесообразность формирования на региональном уровне принципов сопротивления внешнему давлению. Тем самым эта концепция во многом продолжает импульс Симона Боливера – освободителя

¹ Трамп рассказал, что ограничивает его власть в международных делах. *РБК*. 08.01.2026. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/01/2026/69600c3e9a79478e28b1eeb8> (дата обращения: 29.04.2026)

² «Хаос, ставший политикой». ИноСМИ — об операции США по захвату Мадуро. *РБК*. 03.01.2026. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/01/2026/695951939a794710063f2342> (дата обращения: 29.04.2026)

народов Латинской Америки от испанского владычества, к созданию регионального политического объединения, способного противостоять «разрушительным силам Севера». Поэтому намерениям и интересам «западного империализма» следует противопоставлять не одиночные государства, а плотную субрегиональную сеть, которая могла бы одновременно охватить экономику, политику, энергетику и безопасность. Естественным образом возникает мысль, что такие инициативы как Боливарианский альянс для Америк (АЛБА), общий рынок стран Южной Америки (MERCOSUR), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), Союз южноамериканских наций (UNASUR) и программа льготных поставок венесуэльской нефти странам Карибского бассейна и Латинской Америки (Petrocaribe) не должны существовать разрозненно, а нуждаются в поддерживающем их оперативно-стратегическом каркасе, или, как его называет генерал Лопес, «командовании». Без такого «центра тяжести» даже формально сильные объединения рискуют остаться не больше, чем набором договоренностей, которые легко парализовать санкциями, дипломатическим давлением, сменой элит или другими управляемыми кризисами. Иначе говоря, освобождение без единства для стран Латинской Америки неизбежно остаётся незавершённым. Пока не будет политической сплочённости, принцип «разделяй и властвуй» так и останется ключевым инструментом внешнего давления, в первую очередь со стороны Соединённых Штатов.

Спустя годы, когда новая политическая реальность перестанет восприниматься как «переходная» и войдёт в фазу собственной устойчивости, исследователи самых разных дисциплин вновь начнут писать книги, в том числе и о рубеже формирования их эпохи, о периоде, внутри которого сейчас живём мы. Они будут анализировать цепочку кризисов, решений и ошибок и, вероятно, снова повторят привычное: «исход этих событий невозможно было предвидеть», «политология не обладала достаточным теоретическим потенциалом и инструментариумом», это был очередной «чёрный лебедь». Возможно, спустя много лет кто-то вновь откроет книгу Генерала Лопеса и будет вынужден признать – нас предупреждали, мы просто не захотели услышать.

Об авторах:

Татьяна Александровна Алексеева – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заведующая кафедрой международных организаций и международно-политических процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4. ORCID: 0000-0002-6561-2281. E-mail: t.a.alekseeva@inno.mgimo.ru.

Сергей Степанович Гореславский – кандидат политических наук, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России, профессор Академии военных наук, консультант Центра оборонных проблем Академии военных наук. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-4055-9998. E-mail: gorstefan@mail.ru.

Борис Артурович Маркарян – преподаватель Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации, аспирант кафедры политической теории МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0009-0001-4172-4414. E-mail: Markarian.boris@gmail.com.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(87):911.3:001.891.3
Received: 7 February 2026
Accepted for publication: 20 March 2026

Geopolitics of resistance

 T.A. Alekseeva, S.S. Goreslavsky, B.A. Markaryan
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-205-214](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-205-214)

MGIMO University

Book review: Padrino Lopez V. *Multipolar Geopolitics: 20 Years After April 13*. Vladimir Padrino Lopez; translated from Spanish. Moscow: Shcherbinskaya Tipografiya JSC, 2025. 104 p.: ill. ISBN 978-5-9243-0339-0

This review examines Vladimir Padrino López's book *Multipolar Geopolitics: 20 Years After April 13* as a political and strategic reflection on the transition from a unipolar world order to an emerging multipolar, or more precisely tripolar, configuration of global power. The book is interpreted not as an academic treatise, but as a geopolitical diagnosis written from the perspective of a state located at the intersection of resource competition, external pressure, and the struggle for sovereignty. The review shows that Padrino López places Venezuela's experience within a broader transformation of international relations, where sovereignty is no longer merely a legal principle but a condition of survival and strategic autonomy.

Particular attention is paid to several key themes of the book: the erosion of the unipolar order, the return of territory and strategic geography to global politics, the growing significance of artificial intelligence as a factor of power, and the author's concept of four "umbrellas" of state power — nuclear capability, economic and financial capacity, energy resources, and technological superiority. The review also analyzes Padrino López's idea of tripolarity, centered on the United States, Russia, and China, as a more accurate description of the current international system than the broader and less specific notion of multipolarity.

The authors emphasize the relevance of the book for understanding Latin American geopolitical thought, which differs from Western traditions of power projection. In this perspective, strength is understood not primarily as the capacity to dominate others, but as the ability to avoid becoming an object of external will. The review concludes that Padrino López's work should be read as a warning about the costs of preserving global dominance in a changing world and as a contribution to the intellectual tradition of Latin American resistance, sovereignty, and regional autonomy.

Keywords: tripolarity, Venezuela, sovereignty, geopolitics, world order, artificial intelligence, energy resources

About the authors:

Tatiana A. Alekseeva – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Political Theory, MGIMO University; Head of the Department of International Organizations and International Political Processes, Lomonosov Moscow State University. Address: 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia; 27 Lomonosovsky Ave., bldg. 4, Moscow, 119991, Russia. ORCID: 0000-0002-6561-2281. E-mail: t.a.alekseeva@inno.mgimo.ru.

Sergey S. Goreslavsky – PhD in Political Science, Professor, Department of Political Theory, MGIMO University; Professor; Consultant, Center for Defense Issues, Academy of Military Sciences. Address: 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia. ORCID: 0000-0002-4055-9998. E-mail: gorstefan@mail.ru.

Boris A. Markarian – Lecturer, MGIMO University; PhD Student, Department of Political Theory, MGIMO University. Address: 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia. ORCID: 0009-0001-4172-4414. E-mail: Markarian.boris@gmail.com.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Couto E Silva G. do. 1967. *Geopolitica de Brasil*. Rio de Janeiro: J. Olympio. 275 p. (In Portuguese)

Escobar A. 2017. *Designs for the Pluriverse: Radical Interdependence, Autonomy, and the Making of Worlds*. Duke University Press.

Escudé C. 1998. An Introduction to Peripheral Realism. Neuman, Stephanie G. (ed.) *International Relations Theory and the Third World*. New York: St. Martin's Press. P. 55–75.

Mattos C. de M. 1975. *Brasil, geopolitica e destino*. de Carlos de Meira Mattos; pref. de Arthur Cezar Ferreira Reis. Rio de Janeiro: J. Olympio.

Mignolo W.D. 2011. *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Duke University Press.

Morozov Yu.V., Batyuk V.I. 2022. *Strategicheskij treugol'nik SShA—KНР—RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii: monografiya* [The US – China – RF Strategic Triangle: Challenges and Prospects for Russia's Security]. Ros. akad. nauk; In-t Kitaya i sovremennoj Azii RAN. Moscow: IKSA RAN. 544 p. DOI: 10.48647/ICCA.2022.41.26.010 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Морозов Ю.В., Батюк В.И. 2022. *Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография*. Рос. акад. наук; Ин-т Китая и современной Азии РАН. Москва: ИКСА РАН. 544 с. DOI: 10.48647/ICCA.2022.41.26.010.

